

18+

Андрей Ветер

ПОД СВОДАМИ ВЫСОКОЙ ЛЖИ

Андрей Ветер

Под сводами высокой лжи

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Андрей Ветер, 2026

18+

Оглавление

Под сводами высокой лжи

Татьяна

Ступени

Юрий

Ступени

Юрий

Татьяна

Ступени

Юрий

Татьяна

Татьяна

Телефон зазвонил ближе к полуночи, и Татьяна, уже устроившаяся в ворохе подушек, с неохотой поднесла трубку к уху.

— Алло? Ты не спишь? — услышала она голос Павла Костякова.

— Уже не сплю.

— Таня, — в голосе Костякова Татьяне послышалась тяжесть, словно что-то рухнуло на пол в пустом пыльном подвале и отдалось эхом в огромном чёрном пространстве.

— Что случилось? — спросила она.

— Я с плохими новостями...

Она затаила дыхание, переложила трубку в другую руку. Тиканье будильника сделалось неожиданно громким и гнетущим, секундная стрелка рывками продвигалась вперёд, неумолимо выталкивая из сгустившегося вдруг пространства нечто безликое и вместе с тем ужасающее.

— Что случилось? — повторила Татьяна, с трудом выдавливая слова.

— Юра в морге...

Таню окатило холодом.

Павел говорил что-то ещё, объяснял, но голос его исчез, заслонённый глыбой серого слова «морг».

Юрий в морге. Юрий Полётов в морге. Значит, он умер, перестал существовать, прекратился, исчез. Не прозвучат больше его беспощадные слова, такие жестокие по своей правдивости и прямоте. Не услышит никто больше и его нежных слов, равных которым не нашлось бы во всём мире. Юрия больше нет. Его тело лежит в морге.

Всё это промелькнуло в голове с пугающей ясностью.

— Не верю, — прошептала Таня. Её сердце билось медленно, каждый удар гулко отдавался в ушах, причиняя физическую боль. Как же так? Жизнь только-только наладилась...

— Тебе надо приехать на опознание, — донеслось из трубки. — Только...

— Что «только»? — Таня проследила глазами за одеялом,

соскользнувшим на пол с её согнутых в коленях ног. Если Юра мёртв, он никогда больше не коснётся её ног поцелуем, никогда. — Что «только»?

— Дело в том, что он изуродован до неузнаваемости. Я сам ещё не был там, не видел, но так сообщили...

— Изувечен? Что же произошло?

— Таня, ты меня не слушала? Я же говорю: авария...

— Странно, — Таня опустила ноги на пол и подняла упавшее одеяло, — странно... Я понимаю... То есть я ничего не понимаю...

— Я заеду за тобой, — сказал Павел, и в трубке прерывисто запищало. Таня сидела без движений.

Вот как всё получилось. Едва жизнь начала входить в семейное русло, как всё вдруг оборвалось. Утро было совершенно обычным, Юрка ушёл из дома, закрыл за собой дверь и не возвратился. И вот теперь не возвратится никогда.

Очень странно. Он был весёлым, наполненным жизнью, а теперь — морг... Это не могло быть правдой. Человек, имя которого стало за последний год одним из самых популярных, человек, успевавший бывать всюду и со всеми, вдруг перестал быть. Осталось только его имя.

Татьяна поёжилась. Где-то в глубине её живота брызнула какая-то ледяная струя, в считанные секунды превратившаяся в мёрзлый жгучий ком. Таня повертела телефонную трубку и, будто испугавшись чего-то, бросила её на аппарат.

— Не может быть...

Когда приехал Павел Костяков, она всё ещё не оделась. Она встретила его в нижнем белье и заметила, как он смутился, увидев её красивую полуголую фигуру. Смутился, отвёл взгляд, беззвучно пошевелил губами, дёрнул щекой.

— Я подожду внизу, — поспешил сказать Павел и сразу ушёл, так и не подняв глаз, — буду в машине.

Морг запечатлелся в памяти бесконечным коридором, увязшем в уходящих отзвуках шагов.

— Если станет дурно, — предупредил Татьяну санитар, — вот нашатырь. — И сразу добавил: — Собственно, вы ничего не опознаете. Лицо у него просто в лепёшку от удара... Можно и не смотреть вовсе... Разве что какие-то татуировки должны быть на руках или шрамы...

— Какие татуировки? — Таня посмотрела на потолок мутными глазами. — Не было у него никаких татуировок. А шрамы были на левой

руке, да, на предплечье...

— Там кожа содрана с мясом... Ну, если других особых примет нет, то опознавать нечего, — ответил санитар. — Там просто тело, много содранной кожи, кости сломаны на руке, открытый перелом...

— Вы прекратите когда-нибудь языком мести или нет? — прорычал сзади Павел Костяков.

Помещение было просторным и холодным. На четырёх металлических каталках лежали голые тела. В приглушённом синеватом свете фонаря, тихонько гудевшем в дальнем углу, трупы выглядели неестественно белыми. В воздухе плавала безжизненность и расплывчатое эхо.

— Сюда проходите, — послышался чей-то голос.

Таня увидела шагнувшего из-под синего фонаря худого человека в мятом зелёном халате. Она почувствовала, как Павел взял её за локоть.

— Вот...

Громко, почти как выстрел, щёлкнул выключатель, и над ближайшей к Тане каталкой ослепительно зажглась лампа, висевшая очень низко.

— Смотрите...

То, что должно было быть Юрием Полётовым, напоминало манекен с вывернутыми плечами, вздувшейся шеей, оторванной челюстью и рыхлой кроваво-чёрной массой вместо лица. С поразительной отчётливостью виднелись все детали мёртвого тела, каждый волосок, все поры кожи, каждый лоскут мяса. В ярком жёлтом свете особенно страшными показались Тане не рваные раны, а отёкшие коленные суставы, какие-то ненастоящие, надутые, зыбкие, как наполненные водой резиновые шарик.

Таня сразу отвернулась, почувствовав удушье.

— Не могу...

— Присядь. — Павел поддержал её обеими руками и рявкнул в сторону санитар. — Дайте стул! Быстро!

— Не могу, — повторила едва слышно Таня. — Этого не может быть... Это не он, это не он...

— Не он? — спросил санитар, — стало быть, не признаёте своего?

— Идиот, — прошептал Павел, — что тут опознавать?

— Может, какие родинки? — уточнил санитар деловым тоном. — Вот его одежда, документы...

— Покажите, — шевельнула губами Таня.

Костюм принадлежал Юрию Полётову, пиджак и рубашка были пропитаны кровью. Таня с первого взгляда узнала часы, башмаки, носки, трусы... Вчера она стирала эти трусы сохапкой прочего белья в машинке... Представив, как врачи раздевали мёртвого Юрия, она вскрикнула, взмахнула руками, будто пытаясь ухватить нечто невидимое в воздухе перед собой, и потеряла сознание.

Очнулась она в кабинете врача.

— Я взял его документы, Таня, — склонился над ней Павел.

— Чьи документы? — не поняла она.

— Юркины. Там паспорт, водительские права.

— Паша, я не верю. Это не он...

Она то и дело повторяла эти слова, пока Павел вёз её домой. Повторяла спокойно, без истерики, будто хотела убедить Костякова в том, что они только что были свидетелями жестокой мистификации.

Жёлтый свет фар выхватывал из тьмы бесконечный рой кишащих снежинок. Снежинки метались, как живые существа, бились о лобовое стекло, прилипали к нему и через секунду сметались снегоочистителями. Машина ехала медленно. Павел изредка поглядывал на Таню.

— Послушай, может, ты к нам рванёшь? Не стоило бы тебе одной сегодня оставаться.

— А завтра? А послезавтра? Тоже к вам? — Таня глубоко вздохнула. — Нет, Паша, у меня есть дом, Юркин дом.

— Если хочешь, я побуду у тебя до утра? — неуверенно предложил Павел, проводив Таню до двери.

— Нет, спасибо, поезжай домой. Марина твоя, наверное, издёргалась. А я уже в полном порядке, В морге я просто растерялась. Неожиданно всё как-то, нелепо, глупо... Но теперь я в норме. — Она грустно улыбнулась и пожала ему руку.

Она закрыла за собой дверь и остановилась. Квартира встретила её тишиной. Это была совсем не та тишина, при которой Таня укладывалась спать несколько часов назад. Теперь тишина была абсолютной, в ней не сохранилось ни намёка на привычное ожидание скорой встречи с Юрой. В эту тишину закралось беззвучное дыхание смерти — соприкосновение с величайшей из всех возможных тайн.

Таня медленно сняла шубу и, не включив свет, повесила её на крючок. Повернувшись к зеркалу, она долго смотрела на своё отражение. На фоне пространства неосвещённой комнаты её красивое

лицо, подёрнутое синеватой вуалью ночи, показалось ей незнакомым, глаза необычайно расшились, губы туго сжались, кончик носа заострился, ноздри раздулись. Нервы натянуто ждали взрыва эмоций...

— Ну вот, госпожа Полётова, ваш полёт оборвался, — сказала она ровным голосом, обращаясь к своему отражению.

Утром к Тане приехало несколько бывших сослуживцев Юрия. Первым появился Павел Костяков с женой.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Марина, осторожно притрагиваясь губами к холодной щеке Тани.

— Нормально. Не знаю, как должна чувствовать себя вдова, но я в норме.

— Ничего себе норма, — вздохнула Марина. — У тебя вокруг глаз чёрные круги.

— Я не ложилась спать, — Таня виновато передёрнула плечами и вдруг мрачно засмеялась: — Не с кем было!

Марина опустила глаза.

— Держись, — глухо сказал Павел и поцеловал Таню; целуя её, он почувствовал сильный запах коньяка, — что ж теперь поделать, девочка.

— Девочка, — повторила Таня.

Через пару месяцев ей исполнится тридцать лет. И теперь она одна. Юрия нет. Нет никого сколько-нибудь похожего на Юрку Полётова. Никто не может сравниться с ним. Никто не стоит даже его мизинца... Все они живы, а Юры больше нет. У неё не осталось от него ничего, кроме нескольких его книг на полке — твёрдые переплёты, коричневые корешки с серебристыми буквами. Ровный ряд книг, наполненный любовью, страданием, радостью, невероятными поворотами судьбы, сложенными, как мозаика, из событий его, Юрия, и чужих жизней...

— Держись, девочка, — повторил Павел и бережно привлёк к себе её растрёпанную голову.

Марина прошла в комнату. Её всегда смущало присутствие Татьяны, и сейчас, когда Павел обнял Таню, Марине почудилось в его движениях нечто большее, чем простое товарищеское участие.

— Паш, — шепнула Таня на ухо Костякову, — а ведь это не он. Я чувствую, что это не он лежал в морге...

Все были одеты в чёрное, как и полагалось на похоронах. Нахмуренные лица, скорбно сведённые брови, поджатые губы, неловко повисшие руки, неподвижные зрачки, потерявшие всякую теплоту от напряжённого усилия соответствовать моменту. Натянута тишина. Все похожи на строгих кукол, не знакомых с человеческой речью и выставленных без всякой пользы в разбитой витрине магазина, запорошённой снегом. Они, называвшие себя друзьями и почитателями его таланта, собрались огромной молчаливой толпой вокруг длинной ямы с обледелыми краями, чтобы увидеть, как четырёхугольная земляная пасть поглотит обтянутый красными лентами гроб с телом Юрия.

Гроб был закрыт, чтобы изуродованный облик покойника никого не смущал. Юрий Полётов покидал этот мир безликим, совсем не таким, каким был в жизни.

Люди, знавшие Полётова только как журналиста и писателя, с непониманием смотрели на стоявших чуть в стороне четырёх молоденьких солдат почётного караула, с автоматами за спиной.

— А почему солдаты? — шелестели слова недоумения. — Будет салют? Разве он был военный?

Автоматчики сильно продрогли, так как приехали на кладбище задолго до начала похорон, и теперь, переглядываясь украдкой, они с нетерпением ждали, когда же гроб будет опущен в могилу и засыпан землёй.

— Может, разрешат всё-таки не стрелять? — услышала Татьяна шёпот одного из них. — Тогда чистить автомат не придётся.

Стоя ближе всех к гробу, Татьяна вспомнила, как перед похоронами ещё раз зашла в морг, чтобы взглянуть на тело. Труп был уже облачён в специально привезённый для этого костюм тёмно-синего цвета. Она не сумела заставить себя посмотреть на разбитую голову, но остановив взор на мёртвых руках, аккуратно сложенных на груди, она не могла отвести от них глаз. Восковая кожа с множеством трещин, из которых санитары не вымыли ввевшуюся в поры кровь, притягивала взгляд Тани, как магнит. Она прекрасно помнила пальцы Юрия и, стоя над мертвецом, с каждой минутой уверивалась в том, что эти руки принадлежали не Юрию. И чем дольше она вглядывалась в них, тем твёрже она становилась в своём убеждении. Но документы, найденные в карманах этого человека, удостоверяли, что он был Юрий Полётов... Нет, эти

коротенькие пальцы, эти худые кисти рук с бесцветной бумажной кожей не принадлежали Юрию. Но если перед ней лежал, погружённый в вечный сон, не он, то каким образом у этого человека оказались полётовские документы и одежда, в которой Юрий ушёл из дома? Куда подевался настоящий Юрий Полётов?

Таня не решилась обратиться ни к кому из товарищей Юрия со своими вопросами. Она не доверяла никому, помня слова мужа: «В моей работе нет и не может быть друзей, Танюха. У меня есть только коллеги». Если им не доверял Юрий, то Таня не могла довериться им и подавно.

И эти руки, в которых она не признала Юру, почему-то успокоили её, вселили в неё уверенность в том, что Юрий на самом деле жив...

— Татьяна Сергеевна? — негромко спросил стоявший возле неё лысоватый мужчина с пронзительными глазами и гладко выбритым начальственным лицом; он будто спрашивал разрешения на то, чтобы приступить в процедуре погребения.

— Да, конечно, пожалуйста, — пробормотала она, и мужчина махнул рукой, подавая знак людям в синих спецовках.

Таня повернулась и пошла прочь, не дожидаясь, когда гроб опустится в стылую землю.

— Татьяна Сергеевна, — окликнул её кто-то, но она не повернулась.

Что ей до этого незнакомого бездыханного тела, запрятанного в лакированный деревянный ящик? Она не узнавала его, она не узнавала себя. Собравшиеся проводили её растерянными взглядами, но остались стоять на месте до окончания погребения. Точь в точь траурная сцена из «Коричневой зимы» Юрия Полётова, подумалось Тане, — неподвижные мрачные куклы в длинных чёрных одеждах, похожие на зимние деревья с обрубленными ветвями. Зачем пришли на кладбище сослуживцы Юрия, не верившие в его литературный талант? Они считали его чудачком до того момента, покада известность не обрушилась вдруг на него лавиной со всех сторон. Кому нужно теперь их показное трагическое молчание на морозе? Здесь должны были собраться только те, кто ценил творчество Юрия, кто любил его книги, а всем остальным тут не место...

За спиной сухо треснули выстрелы, им слабо поддакнуло эхо. Ещё залп...

— И салют ваш не нужен Юрке, — пробормотала Таня, шмыгая носом.

Она вышла за чугунные ворота и направилась к своему припудренному пушистым снежком автомобилю, вглядываясь в многочисленные отпечатки на снегу, будто силясь выявить среди них следы Полётова.

— Что же случилось? — прошептала она. — Где Юрка?

И тут она зарыдала, громко, надрывно, давясь кашлем.

Что она знала о Юрке, этом странном человеке? Пожалуй, ничего, кроме того, что он рассказал в своих книгах. Но что из написанного было правдой, а что — вымыслом?

Когда на девятый день к ней заехал Павел Костяков, она была одна.

— Ты что? — Он откровенно удивился, оглядывая квартиру. — Ты не отмечаешь девять дней?

— Зачем? Что тут отмечать? Разве это праздник? Я бы и после похорон не устраивала поминок, но вы меня взяли в такой оборот, что я и сообразить не успела. Я уехала с кладбища, думала отсидеться одна, но вы все примчались сюда, потащили меня куда-то, а там — столы, водка...

— Но девять дней! — Павел изумился. — По православному обычаю надо...

— Не желаю! Не хочу поминок! Я не верю, что он умер! Не верю!

Костяков осторожно привлёк Таню к себе и вкрадчивым голосом, словно вёл беседу с тяжелобольным человеком, проговорил:

— Танюша, мы его похоронили. Разве ты не помнишь?

— Я всё хорошо помню. И я не нуждаюсь ни в какой психологической поддержке. Я сама психолог.

— Знаю. Но ты сейчас мыслишь неадекватно...

Он погладил её по плечам.

— Таня, девочка...

Из неё вырвался протяжный горестный стон. Она уронила голову на плечо Павла и заплакала.

— Если бы ты знал, как мне пусто здесь все эти дни, — пробормотала она, всхлиывая.

— Успокойся...

Она почувствовала его губы у себя на шее, но не сразу обратила

на это внимание. Затем Павел взял обеими руками её лицо и припал к её рту. Её глаза широко открылись, полные слёз и недоумения, и она рывком отстранилась.

— Ты что? Ты спятил! — её голос сорвался.

— Таня, я просто хочу успокоить тебя, — он снова шагнул к ней.

— Не подходи!

— Таня...

— Паша, не гневи Бога. И меня не гневи. Я изорву тебе всё лицо. Уверю тебя, что Марина не поверит в твою легенду, будто я в безумии сама пыталась изнасиловать тебя, а ты стойко сопротивлялся.

Татьяна посмотрела на него с такой ненавистью и такой решимостью, что широкоплечий Костяков отступил к двери.

— Я всегда хотел тебя, мечтал о тебе и завидовал Юрке, — удручённо проговорил он. — Может, я любил тебя... Я подумал, что сейчас ты нуждаешься...

— Не будь сволочью, Паша. Ты же называл себя его другом. Как же ты можешь? Вот так сразу? — её рот презрительно скривился, но её лицо не стало от этой гримасы менее привлекательным. Наоборот, этот высокомерный взгляд сделал Татьяну в глазах Павла Костякова ещё более желанной.

— Не надо так говорить, Таня, не надо. Ты прекрасно знаешь, что мы с Юрием служили вместе, — он шагнул вперёд. — Между нами сложились хорошие отношения, но ведь ты знаешь, что в разведке...

— Не бывает друзей, — закончила она фразу. — Юрка повторял эти слова не раз. Для меня повторял. Хотел, чтобы я затвердила их... Но это не даёт тебе права набрасываться на жену твоего недавнего товарища, едва у тебя встанет на неё член! — Голос Татьяны сделался стальным. — Уходи, Павел! Убирайся и не звони сюда никогда. И пусть никто из ваших не звонит мне. Вы мне не нужны! Ни вы, ни ваши шпионские страсти! Ненавижу вас!

Детство Тани Зарубиной прошло в Париже, где её отец возглавлял отделение крупного российского банка. Вернувшись в Москву, девочка долго не могла смириться с тем, что Франция — чужая страна. Узкие парижские улочки, тесно забитые припаркованными автомобилями, были ей роднее московских проспектов, французская речь казалась

милее русского языка, и первое время Таня демонстративно говорила по-русски с французским акцентом. Но довольно быстро она свыклась с мыслью, что Франция осталась в прошлом, вжилась в новую атмосферу, полюбила Москву. После летних каникул она пошла в школу, обзавелась подругами и друзьями. Она легко находила общий язык со своими сверстницами, была заводилой в детских компаниях, выделялась в своей среде и обычно занимала главенствующее положение, мягко подчиняя себе не только девочек, но и мальчиков. Когда на её двенадцатилетие пришли гости, отец с приятным удивлением обнаружил, что его дочь выгодно отличалась от подруг.

— В ней угадывается элегантность будущей женщины, — сказал он жене. — Пожалуй, она будет сногшибательно красива, когда подрастёт.

— Ещё бы! — жена многозначительно фыркнула. — Моя порода!

Сергей Анатольевич ухмыльнулся и подумал: «Порода! Эх, Люда, порода твоя ровно в столько денег оценивается, сколько я даю тебе на твою косметику, шубы и шёлковое бельё. Что бы ты представляла собой сейчас, если бы я не подобрал тебя в своё время в ночном клубе, где ты трясла на сцене своими молодыми сиськами?» Но вслух он сказал:

— Да, с породой Таньке повезло.

Он провёл ладонью по открытой шее жены. Ему нравилось, когда Людмила забирала волосы наверх, у неё была удивительная шея, лебединая, нежная, влекущая. Пожалуй, в том ночном клубе, о котором вдруг вспомнил Сергей Анатольевич, в молоденькой стриптизёрше его привлекла именно шея и охапка поднятых к затылку каштановых волос, а не стройные ноги, не поджарый живот, не упругие груди. Он был тогда уже солидным бизнесменом, смотрел на юных девиц, как на товар, и к Людмиле отнёсся поначалу так же; но однажды он обнаружил, что основательно привязался к девушке, и предложил ей, сам себе удивившись, стать его женой.

Он стиснул пальцы на шее жены.

— Сергей, прекрати, — она отстранилась от его руки. — Дети увидят.

— Дети... — проговорил он, — сколько им, беднягам, ещё предстоит увидеть... Порода, говоришь?

Людмила бросила на него подозрительный взгляд:

— Что-нибудь не так?

— Всё так, дорогая. Всё именно так и никак иначе. В этом и есть

мудрость жизни: всё идёт только так, как должно идти. Несчастлив тот, кто не понимает этого.

Он прошёл через комнату, где девочки, сбившись в кучку, ворковали о платицах и туфельках. Таня сидела на диване, положив ногу на ногу, и беседовала с одной из подружек.

— Я буду путешественником, — убеждённо говорила она, водя руками перед собой и изображая тем самым неведомые дали чужих стран. — Когда вырасту, привезу бабочек из всех краёв света. У меня везде будут красивые бабочки за стеклом. И ещё повешу на стену много африканских масок с цветными перьями. Я очень люблю всякие маски. А тебе нравятся маски? Когда человек надевает маску, он перестаёт быть собой. Я прочитала это в одной книжке. Ты любишь читать? Нет? А я люблю читать и люблю истории, поэтому я хочу стать путешественником. Только я не люблю летать на самолётах. Они похожи на консервные банки с крыльями...

В тот год на майские праздники на дачу к Зарубиным приехал Николай Петрович Полётов с сыном Юрием. Мать Татьяна прошептала на ухо дочери:

— Танечка, у Юры недавно умерла мама, будь к нему повнимательнее.

— Умерла? — Для Тани смерть была абстрактным понятием, немного пугающим, но не настоящим, а отстранённым, чем-то таким, что больше относится к книгам, а не к жизни, к книгам с грустным концом. Но Юра был не персонаж из книги, а живой человек, и слово «смерть» никак не увязывалась с ним. Однако раз его мама умерла, значит, он соприкоснулся со смертью, познал нечто таинственное и необъяснимое, вошёл в мир, куда Тане вход был ещё воспрещён. Она смотрела на Юру как на существо особенное. Вдобавок к этому, он был на два года старше неё, а для подростков каждый год — вечность.

Полётовы гостили у Зарубиных три дня. Юра и Таня проводили время в беспрестанной болтовне, рылись в залежах книг, извлекали из перевязанных шнурами пачек журналов какие-то разошедшиеся древние издания, радовались своим неожиданным находкам. Юра бегло проглядывал заголовки, читал фамилии под старинными фотографиями и сразу начинал рассказывать Тане невероятные приключения, в которых принимали участие запечатлённые на тусклых фотоснимках люди. Девочка слушала с раскрытым ртом, совершенно не понимая, как

в его голове помещалось столько всевозможных историй. Она не могла определить наверняка, что в его рассказах было правдой, а что — вымыслом, всё казалось правдой, но слишком уж удивительной.

Перед отъездом с дачи Юра сказал:

— Ну, Танюха, счастливо! Буду наведываться к вам от случая к случаю, подкармливаться, а то папа мой улетает в командировку.

— А приключения рассказывать будешь?

— Обязательно.

— Тогда наведывайся, — согласилась она с удовольствием.

Таня виделась с Юрой редко. Заезжая к ним, он проводил у них часок-другой, не дольше. С каждой встречей они становились старше, но если Юрий казался ей по-настоящему взрослым парнем, то она виделась ему маленькой девочкой. Юра смотрел на Таню чуть покровительственно, она же — мечтательно и немного боязливо.

Затем Юрка исчез, за два года не пришёл к Зарубиным ни разу.

Потом он появился без предупреждения на очередном дне рождения Тани.

— Всем привет! — гаркнул он с порога, вручая Тане охапку ромашек. — А вот и я. Не ждали? Так, кажется, вопрошал незабвенный Илья Репин?

Он очаровал всех гостей. Лариса Краснова и Маша Фролова, две ближайшие подруги Тани, были потрясены тем, что у неё, оказывается, был взрослый знакомый парень, из которого нескончаемым потоком лились красивые слова и который показался им героем, шагнувшим в их общество прямо с киноэкрана. Маша и Лариса влюбились в Полётова с первой же минуты и буквально не отрывались от него в течение всего вечера, из-за чего Таня после этого не разговаривала с ними целую неделю.

А Юрка беззаботно хохотал:

— Молодёжь, не пришпоривайте время! Всему свой час.

Девочки обиженно морщили носики:

— Ты считаешь нас салагами? Между прочим, нам уже почти шестнадцать!

— Бедняжки, совсем старухи, — улыбался он в ответ.

Уходя, он поцеловал Таню в раскрытую ладонь и сказал, глядя ей в глаза:

— А ты хорошеешь, малыш.

— Но тебе больше понравились эти две... — Она осеклась и отвела взгляд.

— А ты неужели ревнуешь? Но ведь мы просто друзья, Танюха, я же тебе вроде брата. Или я чего-то не знаю?

— Да, вроде брата, — она обиженно сжала губы. — Только мне сегодня уже исполнилось шестнадцать, а этим двум ещё полгода до шестнадцати тянуть.

— Это круто меняет дело, — Юра кивнул с видом глубокого сочувствия, но Таня видела, что в глазах его плясали озорные смешинки.

— Ты меня серьёзно не воспринимаешь, — пожаловалась она.

— Воспринимаю. Но я, Танюха, смотрю на вещи иначе, потому что опыта у меня всё-таки побольше твоего будет, — теперь Юра не смеялся. — Между прочим, ты могла бы поздравить меня с поступлением в институт.

— Поздравляю. Сейчас ты уйдёшь и пропадёшь в круге своих друзей... и подруг... Да, да, подруг. Я же вижу, как ты... как на тебя все глазами зыркают!

— Не ревнуй, тебе рановато.

— И станет тебе совсем не до меня, — продолжила она с нескрываемой грустью. — Уйдёшь и пропадёшь. Исчезнешь, как два года назад...

Так оно и случилось. Он снова исчез. Как-то раз она осмелилась набрать номер его телефона, но никто не поднял трубку.

Минул год, Татьяне исполнилось семнадцать лет. От Полётова не было никаких известий, и он быстро затерялся в круговороте её исканий, увлечений, переживаний. За последние полгода она дважды успела влюбиться и оба раза без сожаления рвала отношения, чем безмерно удивляла подруг. Теперь она была увлечена каким-то рок-гитаристом, с которым случайно познакомилась на его концерте, где её едва не затоптала толпа одуревших от музыки зрителей.

Но однажды Татьяна увидела Юрку во сне и очень обрадовалась. Он шагнул к ней из темноты, одетый в длинную чёрную мантию, поцеловал в губы, страстно и долго, как в кино, и сказал:

— Я ухожу, малыш, но я обязательно вернусь к тебе. А ты пока взрослей и не летай на консервных банках с крыльями.

На поясе у него сиял длинный кинжал с инкрустированной рукояткой. Ножны кинжала были украшены золотой арабской вязью.

По обе стороны от Юры стояли огромные псы, заросшие длинной чёрной шерстью. Они лениво помахивали тяжёлыми хвостами. Их горячие пасти были разинуты, и оттуда свисали набок длинные красные языки, раздвоенные на конце, как змеиные, и блестящие от обильной слюны.

— Зачем ты уходишь? — спросила Таня.

— Мне надо скрыться. Ведь я не тот, за кого выдаю себя...

Он натянул на голову неизвестно откуда взявшуюся чёрную маску, и маска туго прилипла к его лицу, будто впитавшись в кожу. Чёрная одежда сделала Юрку абсолютно невидимым во тьме.

Бездонное пространство шевельнулось, и Таня поняла, что она находится внутри гигантского существа, которое, должно быть, поглотило её и Юрку. Но что это за существо? Зачем оно бросило их в свои непроглядные глубины? И почему именно их вдвоём?

В следующее мгновение какая-то неведомая сила энергично вторглась в тело Тани. Сила имела форму и размеры, но девушка не могла определить их. Она лишь ощущала, как нечто неодолимое вливалось в неё снизу, вливалось, как поток очень тёплой воды, вливалось мягко, усыпляюще, но вместе с тем это нечто было плотное, как земная твердь. Оно толкало Таню, встряхивало её, растягивало, едва не разрывало между ног. Девушка млела, истаивала под напором силы, выворачивалась наизнанку, стремясь отдаться натиску целиком, чтобы не осталось ни единой клеточки тела, не испытавшей буйного наслаждения, не то убивавшего её, не то возрождавшего её из небытия.

Вокруг продолжала клубиться непроглядная тьма, не было рядом никого, но Таня почему-то точно знала, что виной происходившего был Юрка. Это из него изливалась неведомая сила, сладко терзавшая Таню.

И вдруг всё прекратилось разом. Пространство сделалось неподвижным, колышание исчезло, инородная сила, распиравшая девичье тело, уплыла во тьму.

Таня испугалась и закричала:

— Юрка, не уходи! Не уходи!

От этого крика она проснулась. Сердце учащённо колотилось. Её шея была напряжена так, как если бы девушка кричала на самом деле. Некоторое время она сидела в кровати, обхватив колени руками, и вслушивалась в себя, в гул своего тела. Из-за распахнутого окна доносились шумы летней ночи. Постепенно, убаюканная шелестом листвы, Таня вновь погрузилась в сон...

Ступени

Юра Полётов рос домашним ребёнком, окружённым неотступным вниманием матери. Её заботы настолько плотно охватывали Юрика, что временами ему начинало казаться, что мать ненавидела его и в действительности не беспокоилась о нём, но наоборот, издевалась над ним, выставляла беспомощным дурачком в глазах окружающих. Вечерами мать стояла над ним и, оскалившись по-собачьи, проглядывала тетради с домашним заданием, выискивая ошибки, за которые готова была наброситься на сына с язвительными замечаниями.

— Ты опять тройку схлопотал? Что у тебя, мозги отсутствуют? А ты подумал, как я буду смотреть в глаза нашим друзьям? У всех дети как дети, учатся прилежно, а мне достался сын-троечник, лентяй! — шипела она, источая ненависть.

Ей достался сын! Она говорила о нём, как говорят о неудачной покупке.

Юрка не мог понять, почему мать должна была стыдиться его троек. Разве она ходила в гости с его тетрадками? Разве об этом кричали на улицах? Кому вообще было дело до его отметок? Все вокруг замкнуты в себе. Если у его одноклассников было ещё что-то общее, хоть какие-то темы для разговора, то другим было решительно наплевать на Юрку. Он чувствовал себя одиноким. Все вокруг либо надевали маску равнодушия, либо проявляли злобу. К числу последних относилась и его мать. Её нетерпимость к людям не знала границ. Юрий не мог понять, как отец уживался с нею.

Как-то летом мать уехала куда-то на курорт, а через несколько дней пришло известие, что она утонула, свалившись за борт во время морской прогулки на катере. Юре не пришлось увидеть её бездыханного посиневшего тела, отец не повёз его на похороны, желая оградить от тяжёлых впечатлений. Юра вообще узнал о смерти матери уже после похорон, и в его тринадцатилетней голове гибель её приняла форму какой-то бесконечной поездки на солнечное морское побережье. Мать ушла из дома с чемоданчиком в руках, чмокнув на прощание в щёку,

и не вернулась.

Позже, оглядываясь на своё детство, он не мог сказать с уверенностью, что любил мать. Пожалуй, не было в нём этого чувства. Но присутствовало нечто иное по отношению к ней — желание родства, единства. Он помнил, что мог всегда прийти к ней и ткнуться лицом в её плечо или грудь, спрятаться в складках её одежды, несмотря на прогремевшую за несколько минут до этого её брань. Ему думалось, что он мог найти у матери убежище от любых бед. Пусть она не могла в действительности спасти или оградить от опасностей, но она умела пожалеть, и Юре это казалось настоящей помощью, пониманием.

Отец никогда не жалел его и не произносил нежных слов, он требовал от Юрки терпеливости. Отец был скалой, непоколебимой силой. Так казалось Юре. Он не знал, сколько приходилось терпеть его родителю, сколько приходилось преодолевать всевозможных унижений, чтобы устоять на своём посту. Юрий не знал и не мог знать, ведь отец никогда ни о чём не рассказывал. В сущности, Юрий ничего не знал об отце. Николай Петрович всегда выглядел уверенным в себе, спокойным и даже немного равнодушным ко всему происходившему вокруг. Создавалось впечатление, что этому лысоватому человеку среднего роста всё ни по чём, что сам чёрт был ему братом и охранял от невзгод. Но то была лишь видимость.

— Жизнь, Юрка, это такая любопытная штука, что ахнешь. Но важно помнить, что пасть у жизни не чета девичьим губкам. Пасть её подобна разинутому капкану. Если сделаешь неверный шаг, то капкан на тебе защёлкнется, — смеялся Николай Петрович, подбадривая сына. — Главное для нас с тобой не раскисать никогда. Ведь мы — мужики, а это ко многому обзывает.

— Не плакать и не раскисать? — уточнил Юра. — Это я понимаю, не маленький уже.

Юрку определили в интернат через год после смерти матери. Николай Петрович улетал в долгосрочную командировку в Перу и не мог взять сына с собой.

— Ты тут держись молодцом, — сказал отец на прощанье, стоя в шумном зале аэропорта. — Не грусти. Время мчится быстро, иногда даже быстрее, чем это показывают часы. У тебя сейчас самый интересный период наступает. Ты только не спеши, не гони лошадей. Приглядывайся ко всему, не хватайся сразу за всё, что увидишь.

— Ты на что намекаешь, пап? Сигареты имеешь в виду, что ли? — Юра хитро прищурился.

— И сигареты тоже. Вся эта глупость только кажется привлекательной, сынок. Но глупость остаётся глупостью. Ни сигареты, ни вино не сделают тебя взрослее. Глупее могут сделать, это запросто... Впрочем, я уверен, что тебе хватит ума вести себя разумно. Ты не должен попасть в капкан. Я тебе доверяю. Будь здоров. — Отец не стал целовать Юрку на прощанье, просто пожал ему руку по-мужски и быстро направился к толпившемуся возле паспортного контроля людям.

— Будь здоров, — шепнул Юра в ответ и почувствовал, как горький комок свернулся у него в горле. Впервые в жизни мальчик оставался один на один с чужими людьми. Вспомнился отъезд матери на солнечный берег моря, с которого она так и не вернулась, и в голове ослепительной молнией мелькнула мысль: а вдруг и папа тоже не вернётся? Юрка весь похолодел, зажмурился, как бы желая скрыться от накатившего на него страха, и потряс головой. — Нет, всё будет хорошо...

Интернат стал для мальчика настоящим откровением. Жизнь неожиданно повернулась к нему, выросшему в домашнем уюте, лицом, о котором он не имел ни малейшего понятия. Конечно, Юра видел в кино, как дрались ковбои и всякие супермены и как разлетались под ритмичную музыку брызги крови и битая посуда, но те картинки не имели никакого отношения к реальности. Юра твёрдо знал, что всё это было вымыслом, отменно изображённым на киноэкране знаменитыми актёрами. Он был уверен, что в настоящей жизни никто не ведёт себя так.

Интернат убедил его в обратном. Грубость, жестокость, беспощадность — первое, с чем Юра столкнулся.

Валентина Константиновна, старший педагог, подвела Юрия к высокому парню, волосы которого были похожи на мокрую меховую шапку, и сказала:

— Станислав, познакомься с Юрием, он будет жить в твоей комнате.

— Стасик, — представился новый знакомый Юры, протягивая руку.

Через пару дней неписанный интернатский закон назначил новичкам «утюжку». Ничего не подозревавший Юра пошёл по длинному коридору по протоптанной до дыр ковровой дорожке к боковому выходу, который вёл на задний двор, уже погружившийся во тьму осеннего вечера.

Человек двадцать ребят, собравшихся возле трухлявого деревянного забора, встретили его появление дружным гомоном.

«Утюжка» заключалась в банальном избиении новичка. Каждого новенького обычно лупили всем гуртом, оценивая его реакцию, выясняя его характер и определяя на будущее его место в интернатском сообществе. Иногда новоприбывший отвечал кулаками и давал настоящий бой, но такое случалось редко. Чаще всего избиваемый просто закрывал голову руками и сворачивался калачиком, истекая соплями, слезами и кровью.

Первым на очереди оказался Ванька Бурлак, тоненький, но очень жилистый паренёк с коричневыми болячками на руках, пришедший в один день с Юрием. Он стоял, наклонив белобрысую голову и глядя на окружающих его парней холодными, как лёд, глазами. Выражение его лица говорило о полной решимости держаться до конца.

— Кто первый? — прошептал он каким-то бесцветным голосом. Его вопрос пробудил в Юрке странные чувства. Он привык к самым разным интонациям, слушая истеричные вопли матери, когда она ссорилась с отцом, но никогда не слышал, чтобы из человеческих губ сочилось настоящее змеиное шипение.

Вперёд шагнул коренастый Сашка Сибиряк и, обернувшись к приятелям, засмеялся:

— Этот, похоже, скулить не будет. Пока не суйтесь, я сам хочу память его.

В одно мгновение вся площадка ожила, загалдела, взвилась хлещущим ветром устрашающих выкриков. Сжав кулаки, Ванька и Сибиряк бросились друг на друга, как два безумных пса, охваченные желанием рвать и калечить. Ничего человеческого не осталось в их лицах. Плотное кольцо зрителей то замолкало, то принималось орать с новой силой, взирая на жестокий бой, жадно втягивая запах пота и быстро появившейся крови.

— Ну-ка, влепи ему как следует! Что ты мнёшься? Залуди ему по самые помидоры!

Качнувшийся от порыва ветра электрический фонарь привлёк внимание Юрия. Голубоватый свет лампы загипнотизировал его, полностью оторвав от драки. Свет лился какой-то безжизненный, совсем не соответствовавший дикой стремительной жизни, клубившейся под фонарём. Никогда прежде Юрий не видел такого света или просто

не замечал. Он существовал отдельно от всего, независимо от происходившего вокруг. Он, этот голубой свет, такой мёртвый, но такой красивый, с полным равнодушием и невероятной живописностью рельефно обрисовывал любую фигуру, попадавшую в его холодный круг.

Юрка перевёл глаза на рычавших ребят. Первый яростный порыв прошёл. Теперь враги дрались осторожнее. На щеке Ваньки темнела кровавая полоса, разорванная кожа болталась на комьях мяса. Голый кулак не мог нанести такой раны. Юрка услышал возгласы изумления и насторожился. Он мало смыслил в кулачном бою, но всё же понял, что дело приняло крутой оборот. Сибиряк явно пользовался чем-то недозванным.

— Брось железку, Сибиряк! — крикнул кто-то. — У нас же утюжка! Кастеты запрещены! Слышишь?

Толпа ринулась на драчунов. Ещё секунда — и произошла бы общая свалка. Но Ванька, недавно выставленный в качестве жертвы, вдруг громко скомандовал уже знакомым Юрию змеиным шипением:

— А ну назад! Все назад. Не мешать!

Мальчишки поспешно расступились, повинувшись властному голосу.

— Брось кастет! — прошипел Ванька в лицо Сибиряку, и тот разжал кулак. Металл звонко ударился об асфальт.

Бой возобновился. Противники, выждав несколько секунд, принялись с новой силой осыпать друг друга быстрыми ударами. Казалось, прошла целая вечность, когда вдруг послышался громкий хруст, и правая рука Ваньки беспомощно повисла. Кость была сломана. Все слышали, и все поняли. Сибиряк набросился на раненого противника, как голодный лев. Но Ванька, ошалев от сыпавшихся на него ударов, не только не сдался, но даже ещё больше рассвирепел и принялся колотить врага одной левой рукой с удвоенной силой.

— Пацаны, он его сейчас уроет! — донеслось до Юрки.

Не менее трёх пар крепких рук вцепились Ваньке в плечи и в голову, оттаскивая от Сибиряка. Юрий увидел под Ванькой что-то кровавое, мягкое, отвратительное, не имеющее ничего общего с человеческим лицом. А Ванька Бурлак всё бил и бил одной левой.

— Ещё хочешь? — кричал он, когда его отдирали от жертвы.

Юрий запомнил этот крик. Он запомнил также, как его самого вытолкнули на середину круга. В память врезались бледные лица

и сверкающие глаза. Юркино воображение легко дорисовало увиденное и превратило искажённые мальчишечьи лица в свирепые разбойничьи морды. Он же был — последний воин павшего в кровавой битве отряда. Он устал, сломал свой меч, потерял шлем. Он дрался весь день и всю ночь. Теперь он не желал драться. Он был готов принять смерть от первой поднявшейся на него руки.

Юрий громко вздохнул и вскинул голову, глядя прямо перед собой. Впрочем, блеск в глазах окружавших его ребят был уже не тот, что в начале «утюжки». Многие были испуганы. Похоже, беспощадная ярость Ваньки произвела на всех неизгладимое впечатление.

И тут ребят распихал только что прибежавший Станислав:

— Юрец, как ты? Эй, парни, кто Юрца тронет, будет иметь дело со мной.

Кулаки Стаса были известны всем. Никто никогда не перечил ему. Юрий так и не узнал, почему Стас встал на его защиту. Возможно, по той единственной причине, что они жили в одной палате. Интернат жил своими понятиями товарищества и родства.

— Юрца не трогать! — повторил Стас. Голос его показался Юрию слишком тонким и абсолютно невыразительным для такого серьёзного заявления. Тем не менее Стаса слышали все. Вечер гладиаторских боёв закончился. Юрке показалось, что все даже облегчённо вздохнули, согласились на прекращение «утюжки» с готовностью.

Перед сном, пока Стас неторопливо чистил зубы в гулкой умывальне с десятью раковинами, Юра торопливо открыл лежавшую в выдвижном ящике тумбочки тетрадь и быстро записал туда: «Фонарь, мёртвый свет, голая ветвь с одиноким жёлтым листком, двое на четвереньках, руки и ноги не различить, кровавые шарики в пыли, белая сталь, белый осколок кости». Затем он вздохнул и прыгнул на визгливые пружины кровати.

Стас взял Юру под свою опеку, и территория интерната превратилась в абсолютно безопасное для Полётова место. Улица же оставалась зоной дикой враждебности, где правили иные длинноволосые авторитеты. Всё, что находилось за высоким забором с облупившейся зеленоватой краской, исходило опасность. Любая группа проходивших мимо пареньков могла без предупреждения вцепиться в ворот рубашки, наградить ударом в голову и вывернуть карманы в поисках денег. От шпаны пахло потными подмышками и грязными ртами.

Стас, имея за спиной боксёрскую школу, учил Юрия пользоваться кулаками и делился с ним опытом выживания на улицах.

— Ты, главное дело, не жди, пока тебя начнут колотить, — наставлял Стас. — Если упадёшь, то тебя просто замочат ногами. Бей первым. Если к тебе подходят несколько чуваков и спрашивают огоньку или чего-то там ещё, ты сразу прикинь, кто поближе, вмажь прямо в нюхальник и быстро делай ноги. На улице важно уметь бегать. Всё остальное — мура. Если эти козлы увидят, что ты чересчур прыткий, то не погонятся, даже если ты кому-то из них морду распердолил.

— Но ведь убежать стыдно.

— Ни фиги не стыдно, Юрец. Стыдно на карачках ползать с разбитой харей и сопли пускать. — Стас многозначительно перекатил окурочек из одного угла рта в другой. — Я тебе говняного совета давать не стану. Намотай себе на кончик: надо уметь бегать.

— А как же честный бой? — Юра с серьёзным видом цедил сигарету и пускал дым себе под нос, подражая взрослым мужчинам.

— Улица полна козлов, это тебе не боксёрский ринг. Я никогда не видел, чтобы на улице дрались честно. Если ты сильнее твоего врага, ты можешь быть честным, но тогда ты не станешь на него наезжать. А когда на тебя прёт с ломом какой-нибудь мордоворот, то можешь быть уверен, что он даже на нюх не пробовал, что такое честность. Когда тебя хотят урыть, то лучше всего побыстрее удрать, Юрец. Я знаю, что говорю.

Этот период времени запечатлелся в его памяти размазанными от стремительного бега многоцветными пятнами, пропитанными шумной музыкой из репродукторов в парке. Юрка дрался редко.

В те годы он много думал о девочках, но стеснялся своего малого роста. Влюбившись в какую-нибудь смешливое личико, он всячески скрывал своё чувство и прилагал все силы, чтобы держаться незамеченным. Он ходил в кино, где на экране скакали могучие рыцари, устремляясь навстречу своим возлюбленным, и где ковбои дробили друг другу челюсти, защищая честь заезжей красотки. Эти образы надёжно отпечатывались в него, и день ото дня он видел себя в мечтах скачущим на высоком белом коне с длинным кнутом в одной руке и сверкающим револьвером в другой. Он никогда никого не убивал в своих фантазиях, но одним своим решительным видом распугивал всех недругов и обидчиков на глазах у собравшейся стайки нравившихся ему девочек. И они непременно вскидывали умиленно руки, внезапно осознав всю

свою вину за то, что раньше не замечали Юрку. Он же гордо кивал им, прощая их глупость, и уносился прочь под величественную музыку.

Оставаясь один, Юра обязательно извлекал тетрадь из стоявшей возле кровати тумбочки и записывал в неё прыгающим почерком коротенькие истории, глядя в пространство перед собой, словно следя за каким-то действием. Иногда он оставлял на странице лишь несколько фраз, которые вдруг пришли ему в голову и которые казались необычайно красивыми. Он не сумел бы объяснить никому, что заставляло его сочинять — призывный, властный голос этого почти ритуального действия был силен, но при этом был совершенно бесформенным, необузданным и не поддавался никакому анализу. Юрка просто нуждался в том, чтобы излагать свои мысли на бумаге, компоновать из них улицы и проспекты с бегущими по ним словами, пускать вслед за одними строчками другие, вслушиваясь в их шуршание, шелест, перешёптывание. Стого самого момента, как его научили в начальных классах прорисовывать непослушной авторучкой буквы на бумаге, он ощутил настоящую потребность в оживлении этих букв.

Откуда приходили образы? Юрий не знал. Он ничего не знал и не понимал. Он был уверен в одном: он видел то, что скрыто от других. И когда он начинал записывать что-то, его мир разрастался до необъятных размеров.

Подростковый период остался позади, когда на выпускном вечере в школе отзвучал прощальный вальс. Жизнь сразу наполнилась иным ритмом. Недавние друзья звонили по телефону всё реже и реже, у всех появились новые заботы — кто-то искал работу, кто-то поступал в институт. Надеявшиеся справиться с этими заботами пребывали в блаженной уверенности, что перед ними в недалёком будущем откроются ворота в мир благополучия.

Когда вступительные экзамены были успешно пройдены, Юра отправился отдыхать в деревню к родственникам, которых называл «седьмой водой на киселе». Он почти не знал их, видел раза два или три за всю жизнь и ехал не столько к ним, сколько из Москвы, ехал подальше от прежних знакомств, чтобы подвести тем самым черту под всем, что было раньше.

— Торопишься жить, Юрка, — сказал ему на это отец. — Не сжигай мосты, оставь на всякий случай запасные аэродромы.

А Юрке казалось, что новая жизнь требовала новой точки отсчёта. Он не подозревал, что однажды ему жуть как захочется вернуться в эту прежнюю жизнь, но он не сумеет не только возратить прошлое, но даже отыскать телефоны бывших приятелей.

До сих пор он не знал женского тела. В десятом классе он сильно влюбился в девочку по имени Аня, но не осмеливался приблизиться к своей избраннице. Они учились в параллельных классах, часто сталкивались на переменах, но ни разу не перекинулись ни единой фразой. Мишка по кличке Фраер, заметив страдания несчастного влюблённого, решил помочь ему и спросил однажды, когда они в туалете дымили сигаретами:

— Слышь, Юрец, кто тебе нравится из наших баб?

— Ну, — Юрка пожал плечами, — много разных хорошеньких.

— Нет, ты не понимаешь вопроса. Кто тебе нравится настолько, чтобы ты хотел выебать?

Настолько Юре не нравился никто, тем более Анечка. Она казалась ему созданием нежным и ранимым, как пушистенький жёлтый цыплёнок. Он был уверен, что она сочиняла лирические стихотворения и рисовала акварельные облака. Произнесённое Мишкой Фраером слово не просто не имело к ней отношения, но оскорбляло самый образ Анечки. Юрий не любил матерную речь, она утягивала его на дно вязкого болота, но сверстники предпочитали именно эти слова — грубые, сальные, тянувшие к грязной земле.

— В общем, нравится мне одна, — неопределённо ответил Юра, — только не так...

— Чего ты бледнеешь, как салага? Знаю я, на кого ты пялишься. Весь класс уже в курсе. Да и Анька твоя сама по тебе сохнет.

— Не может быть...

Однажды они встретились и долго гуляли, держась за руки, он нёс её портфель, набитый учебниками и тетрадями. До поцелуев дело не дошло ни в тот вечер, ни в другой. Любовь осталась воздушной. Вспоминать о ней было приятно, от воспоминаний на душе делалось тепло.

Теперь всё поменялось. Школьные декорации остались в прошлом, казалось, что вместе с ними ушло со сцены и детство. Выпускники шагнули в дверь, по другую сторону которой мир считался «взрослым»,

и спешно предпринимали шаги, чтобы соответствовать этому миру. Юра ничем не отличался от других в этом смысле. В качестве первого рубежа, который требовалось преодолеть на заслуженном отдыхе, было постижение женского тела. Эпоха лирики ушла. Наступила эпоха плоти.

Летом он уехал на дачу и увидел в соседнем доме Марину, стройную девушку одного с ним возраста. Она тоже отдыхала, поступив в институт, и тоже ждала новой жизни. Их желание оказалось взаимным. Юра чувствовал себя довольно уверенно и Марину воспринимал, как если бы она была поднесённым ему подарком за удачно пройденный отрезок жизни.

Их первая прогулка закончилась тем, что он увлёк девушку в заросли орешника, подальше от дачного посёлка, поближе к дикой земле, покрытой жёсткими стеблями густой травы. Там, в прохладной тени, усеянной мелкими солнечными брызгами, они оба впервые занялись любовью, делая это неуклюже, барахтаясь, как подброшенные высоко в воздух лягушки. Но день изо дня их движения становились более уверенными, понимающими, и к моменту расставания в глазах Юрия уже не осталось и следа от смущённого нетерпения неопытного подростка.

Время стремительно набирало обороты, шлифовало характер Юры Полётова, обрисовывало его тонкой вязью всё новых и новых качеств, закладывая зёрна, многим из которых предстояло дать всходы лишь через десятки лет.

Если бы не страсть Юрия к литературе, то можно было бы сказать, что он ничем не отличался от большинства своих сверстников. Как и большинство, он любил веселиться, танцевать, смеяться, флиртовать. Но воображение Юрия не выключалось ни на минуту, он творил даже тогда, когда под рукой не было бумаги и авторучки: он выстраивал в уме ситуации, лица, движения, звуки — всё это укладывалось в его сознании плотными слоями и никогда не забывалось. Иногда придуманная месяц назад коротенькая история всплывала из слоистых глубин памяти, когда он работал над совершенно другим сюжетом, и оказывалось, что именно этой маленькой истории сейчас и не хватало для того, чтобы сделать сюжет полноценным.

Юрий жил в своё удовольствие, не отдавая себе отчёта в том, что его удовольствие и было его работой. Работая, он наслаждался, а наслаждаясь — трудился. Каждое мгновение переосмысливалось им, разнималось на части, перетасовывалось, переиначивалось, проживалось заново и в конце концов превращалось в продукт литературного творчества. Мир служил ему необъятной палитрой, где черпались неожиданные, порой вовсе не существовавшие в природе краски. А совсем ещё юный возраст, одной из главных особенностей которого является неуёмная тяга к противоположному полу, придавал самым обыкновенным отношениям с девушками удивительный вкус, поражающий постоянной новизной.

Связь с Катериной Кинжаловой была нелепейшей из всех, которые когда-либо складывались у Юры. С Катей он был знаком с раннего детства; виделись они от случая к случаю, когда их родители ходили в гости друг к другу. Но пришла пора любовных походов, и Катя стала встречаться с Юрой чаще. Между ними не возникло любви, но дружба перестала быть дружбой, переродившись в чувство, значительно больше напоминавшее любовный флирт. Звучало много интригующих слов, происходили откровенные беседы, но ни о каком физическом контакте речи никогда не заходило, будто он был просто невозможен между давними друзьями.

Однажды её родители уехали в отпуск, и она пригласила Юру в гости.

— Можно с ночёвкой, если ты никуда не спешишь, — уточнила она, не вкладывая в это никакого заднего смысла. — Посидим, выпьем, поговорим.

В каждой из трёх комнат стояли пепельницы, заваленные окурками. Раздавленные сигареты высыпались из них на стол и на пол.

— Похоже, у тебя был пир, — сказал Юра.

— Гуляли, — подтвердила она.

— А убрать мусор тебе ломотно, что ли? — усмехнулся он, бесцеремонно оглядывая фигуру девушки с ног до головы. Она была в лёгкой блузке синего цвета и короткой белой юбочке, вызывающе обтягивавшей круглую девичью попку. Попка у Катерины была замечательной, равно как и грудь, отличавшаяся редкой для семнадцатилетнего существа пышностью.

Она постелила чистые простыни на широкой родительской постели,

заботливо взбила подушки, облачилась в длинную ночную рубашу с кружевными оборками на просторных рукавах и ушла в соседнюю комнату играть на пианино, покуда Юра устраивался на кровати. Поведение давней подруги не вызвало у него вопросов. Если она решила провести ночь с ним в одной постели, значит, так тому и быть. Женщина полна загадок, как сказочный лес Авалона.

— Ты долго еще будешь брэнчать? — крикнул он, потягиваясь на прохладной простыне.

— Иду.

Катерина вошла в комнату абсолютно спокойная с виду, хотя в её глазах Юра заметил напряжение. Она легла не сразу. Сначала присела на край кровати спиной к юноше. Он осмотрел её прямую спину под нежной полупрозрачной тканью. Затем она, будто приняв какое-то решение, откинулась на спину и натянула на себя одеяло по самый подбородок.

— Я тушу свет? — спросила она.

— Валяй.

Щёлкнул выключатель на ночном столике. Лампа, сделанная под старинный газовый фонарь, погасла. По стенам и потолку комнаты скользнул отсвет фар проехавшего автомобиля.

— Знаешь, — заговорила Катя, — я хочу, чтобы мой муж был моим первым мужчиной.

— Это шутка или как?

— Нет. Я серьёзно. Я понимаю, что это звучит глупо, но я бы так хотела.

— Какого же беса ты меня пригласила на ночь, Катюха? — он повернулся на бок и приблизился к ней. На её белом лице чернели два широко раскрытых глаза.

— Не знаю...

— Так дело не пойдёт.

Он приподнялся над её головой, пристально разглядывая лицо девушки, такое непохожее на себя в ночной синеве. Её губы приоткрылись.

— Мы с тобой никогда не целовались, Катька.

— Никогда.

Он опустил свои губы на её рот и почувствовал кончик её языка и её зубы. Но то не был ещё поцелуй. Просто сближение. Первое сближение.

Первое знакомство давно знакомых людей. Знакомство с новой стороны. И по его телу пробежала искра. Юра раскрыл рот настолько широко, насколько мог, и захватил максимум девичьего лица, после чего медленно свёл губы вместе, превращая блуждание губ во влажный поцелуй, пробуждающий похоть.

Катя попыталась что-то сказать, но получилось лишь глухое мычание.

— М-м-м, — ответил Юра. Его правая рука быстро спустилась вниз по её телу и без особого труда подняла подол ночной рубашки, под которым трепетали холодные ноги и бёдра Катерины. Она попыталась остановить его руку, но не очень старалась.

— Ты постелила нам вместе, Катька, — прошептал он, — ты не имеешь права сопротивляться, это просто подло с твоей стороны.

Она смотрела на него огромными глазами, которые в темноте казались ещё больше, и этот взгляд, полный одновременно ужаса и жажды познаний, остался в памяти Юрия на всю жизнь.

— Трусиха... и бесчестная девчонка...

— Я хочу, Юр... Я на самом деле хочу, но я не могу. Я уже сказала тебе...

— Помню: твоя девственность принадлежит твоему будущему мужу, — прошептал он, не прекращая мягко оглаживать внутреннюю сторону её бёдер, — но зачем же ты легла рядом?

Через несколько минут он потянул её рубаху вверх, и девушка послушно вскинула руки, помогая ему избавиться от невесомого одеяния.

— Твоя девственность останется при тебе, Катюша...

— Я прошу тебя.

— Такой сволочной девки я ещё не встречал.

Она лежала рядом с ним, открытая всем его прикосновениям, тонкая, вытянутая, с круглыми мягкими грудями, плоским животом, чёрными немигающими глазами. Руками и губами он терзал её груди, ощущал вкус её кожи и твёрдость крупных сосков. Не меньше часа прошло в изнуряющей любовной игре, окутанной звуками шуршащих простыней и глубокими девичьими стонами.

— Всё, милая, хватит, — сказал в конце концов он, — теперь ты сделай что-нибудь.

Он стянул с себя трусы, и через несколько минут он почувствовал на себе её пальцы. Она трогала его неумело и боязливо, то стискивая

основание, то хватаясь за кончик.

— Я боюсь, — донёсся до Юры её захлебнувшийся голос.

— Твоя девственность останется при тебе, — повторил Юра.

Она всхлипнула в ответ и жадно обняла его бёдра. Природное знание сценария любовной пьесы вдруг пробудилось в ней, и Катя ритмично задвигала пальцами. Вскоре её рука стала мокрой от его семени. Юра благодарно поцеловал девушку.

— Я хочу знать всё, — прошептала она. — Спросить мне не у кого. Подруг у меня нет. Да мне и признаться им стыдно в том, что я до сих пор ни с кем не была. В институте девчонки об этом только и шушукуются, хвастают новыми парнями.

— Да, — отозвался он, — в некоторых кругах девственность никогда не была в почёте.

— Почему так? Разве это плохо?

— Не плохо и не хорошо. Ты сама-то как думаешь? — Он потянулся. — У тебя тело давным-давно созрело, а ты искусственно лишаешь его того, что ему надо. У тебя просто мозги набекрень поедут однажды. По-моему, ты глупишь... Ладно, я схожу в душ.

— Я всё правильно сделала? — Катя остановила его за руку.

— Правильно.

— Можно ещё?

Так прошли три ночи — ночи, подарившие им обоим удовлетворение. Как ни странно, эти отношения показались им обоим абсолютно естественными и закономерными. И всё же, ублажая друг друга, Юрий и Катерина настоящими любовниками не были.

— Скажи, — спросила она, — а если бы у тебя была жена, это считалось бы изменой?

— Я думаю, что большинство жён сочло бы изменой уже тот факт, что муж потискал другую женщину за титьки или задницу. Моя мать ревновала отца лишь за то, что он смотрел на кого-нибудь... Впрочем, ты спроси у себя. Ты ведь когда-нибудь станешь женой. Тебе виднее.

— Я бы хотела, чтобы у моего мужа была именно такая любовная связь, а не другая. Как-то спокойнее.

— Смешная ты девчонка, Катюша.

Учёба в институте шла своим чередом. Жизнь выглядела лёгкой и беззаботной. Один за другим приятели Юрия покидали систему координат холостяцкой жизни, окольцовывая пальцы тонким золотом и устраивая пышные свадебные застолья. Иногда Юрию казалось, что свадьбы случались чаще остальных праздников. Это было повальное увлечение, эпоха банкетных залов, цветов, поздравлений и пьяных ссор.

Когда Игорь Петров, больше известный среди своих друзей как Петруша, объявил, что намерен жениться, Юра ничуть не удивился.

— В добрый час, Петруша, в добрый час. Только не забывай, что некоторые из наших корешей, успевшие расписаться на первом курсе, уже развелись.

— Юрик, я женюсь не для того, чтобы потом разводиться, — убеждённо ответил Игорь.

На свадьбе, устроенной в малогабаритной квартире Петровых, Юра увидел среди гостей Татьяну Зарубину. Он часто встречал своих знакомых в компаниях, где не ожидал их увидеть, и потому утвердился в мысли, что мир тесен. И всё же появление Татьяны в квартире Петруши немало удивило Юрия. Поразила и её внешность. Густо-чёрные глаза, тёмный разлёт бровей и подлинно золотые волосы — не раскрашенная солома, а натуральное шёлковистое золото. Чудесное существо!

— Вот так встреча! Здравствуй, Танечка, — обрадовался он. — Какими судьбами? Давно тебя не видел.

— Года три уже, а то и больше того, — девушка улыбнулась.

— Ты похорошела, повзрослела. Даже не похорошела, а стала просто шикарной, — сказал Юра с восхищением. — Где же были мои глаза раньше?

— Раньше твои глаза упирались в моих подружек, — ответила Татьяна, оттенив свои слова капелькой ядовитой краски.

— Ты не права. Я на твоих подруг не заглядывался. Когда нам восемнадцать, то шестнадцатилетние девочки кажутся нам слишком маленькими. Ведь я у тебя на твоё шестнадцатилетие был? Однако проходит время, и те, кто был вне поля нашего зрения, вдруг делаются исключительно привлекательными и начинают дразнить нас своей красотой, — Юра строил виноватую мину. — Прости старого друга, Танюша.

— Прощаю и разрешаю тебе по старой дружбе немного поухаживать за мной, — девушка изящно потрепала ладошкой его по плечу. — Кстати,

познакомься. Это мой друг, его зовут Олег. Знакомьтесь.

Стоявший справа от неё высокий парень ощупал Юрия прозрачными глазами и кивнул. Молодые люди пожали друг другу руку. В пожатии Олега чувствовался вызов, Юрий не понравился ему.

Через час Юра подошёл к Татьяне:

— Танюха, твой чувак меня донимает, — Юра смотрел на девушку с растерянностью. — Я не понимаю, в чём дело, но он категорически против того, чтобы я с тобой танцевал, и сказал мне об этом открытым текстом.

— Не обращай на него внимания.

— Он, видишь ли, угрожает мне. Я бы не хотел испортить вечеринку Петруше. Не знаю, насколько ты хорошо знаешь эту семью, но я-то с Петрушей ещё в интернате корешился, у нас давняя дружба.

— Не переживай, — твёрдо ответила Таня. — Если Олег будет наглеть, я разрешаю тебе надавать ему тумаков.

— Таня, милая, ты не знаешь, ты не представляешь, насколько ты мне нравишься, но мне не нужно твоего разрешения для того, чтобы засветить кому-либо в глаз. Просто я не желаю портить вечер Петруше, набив морду его приятелю. Скажи мне, кто здесь чей знакомый: с Петрушей дружишь ты этот Олег?

— Я, — улыбнулась она, — Олег просто при мне.

— Тогда мои руки развязаны.

Юра чмокнул девушку в щёку и скрылся в коридорной толпе. Минут через пять он увидел над собой белобрысую голову Олега и его хамоватую улыбку.

— Старик, нам надо поговорить, давай выйдем.

— Разве есть тема для разговора? — Юра пожал плечами.

— Не валяй дурака, ты прекрасно понимаешь. Или ты сдрейфил? — улыбка Олега сделалась ещё более самоуверенной.

— Если ты настаиваешь... Пойдём на лестничную клетку, чтобы здесь не шуметь, — Юрий был уверен в себе: уже два года он занимался карате.

Они остановились на лестничной клетке. Олег был почти на голову выше, смотрел сверху вниз.

— Ну вот что, — начал он и взял Юрия за воротник и потянул к себе.

Схватка получилась короткой. Юрий сделал подсечку ногой и двумя быстрыми ударами в наглое лицо опрокинул Олега навзничь. Падая, тот

стукнулся белобрысым затылком о стену. Самоуверенность испарилась, но Олег не остыл.

— Ты просто сволочь, — прошипел он, наливаясь злобой.

— У вас дурные манеры, сударь, — ответил Юра. — Надеюсь, тема на этом исчерпана?

Олег поднялся, сжимая кулаки, но не сделал ни шагу в сторону соперника, испытав внезапный прилив сильного головокружения. Он прислонился к стене и прикрыл глаза.

— Головка бо-бо? — сочувственно спросил Юра и пошарил в кармане в поисках носового платка. — Ладно, пойдём в хату. Возьми-ка платок, а то у тебя из носа сочится.

Годы, проведённые в институте, внезапно закончились. Юрию показалось, что эти пять лет, бурных и ярких, могли запросто поместиться на его ладони — таким крохотным оказался этот беспечный отрезок жизни, переполненный любовными играми и хороводами новых знакомств. Вроде бы только что каждый день был бесконечным и беззаботным, и вдруг всё круто изменилось.

Поднявшись на очередную ступень по лестнице жизни, Юрий обнаружил себя в тесном пространстве конторы, уставленной столами, заваленной бумагами, загромождённой компьютерами, наполненной ровным гулом голосов, принтеров и телефонных звонков. Фигуры в белых рубашках, стильных пиджаках переходили из комнаты в комнату, все наполнены чувством собственной значимости и стремлением сделать быструю карьеру, в воздухе витал запах духов, лосьёна для бритья, растворимого кофе.

Всё, что было в жизни Юрия до прихода на работу, обернулось мимолётным видением. Теперь пришло горькое пробуждение. Пришло навеки. Наступила серая явь. Сухая рутина. Существование в кольце бесконечного хождения с работы и на работу. Нелепое прозябание в однообразном ритме конторских дел ради нескольких свободных часов вечером. В тоннеле размеренного и тоскливого существования, обещавшего оставаться таковым до конца дней, единственным источником света оставались студенческие годы, может, также паратройка последних школьных лет, но этот свет шёл из-за спины. Об этих

годах можно было вспоминать. Их можно было ставить перед собой и стремиться к ним, если бы они ожидали в будущем, а не лежали в недостижимом прошлом. И эта память, выставленная Юрием вперёд, как маяк, оживляя новоиспечённого клерка, одновременно с тем медленно уничтожала его.

— Юрка, послушай меня, — говорил ему отец, — жить прошлым нельзя. Никак нельзя. Мечты о прошлом — это слёзы. А слёзы не помогают в жизни.

— Но мне так плохо, пап, невыносимо плохо. Я думал, что жизнь... дана для того, чтобы жить, чтобы успевать думать, успевать творить... А тут...

— Разве ты не успеваешь думать? Что мешает тебе? — спрашивал Николай Петрович.

— Как только я начинаю думать, я понимаю, что я не живу. Это не жизнь. Это убивание жизни.

— Ты хочешь сказать, что я, дотянув до пятидесяти с лишком лет, вовсе не жил? Я вкалывал, между прочим, как вол, чтобы ты мог получить что-то...

Николай Петрович нахмурился, не зная, как ответить сыну. Юра похлопал его по руке.

— Должно быть, у тебя другое отношение к жизни, пап, — предположил он. — Тебе нравится быть начальником?

— Да, нравится. И тебе понравится, когда подтянешься по служебной лестнице, — убеждённо сказал отец. — Всему своё время.

— Нужно ли мне это время, пап? Нужно ли вообще это всё? — Юра был грустен. — Мне бы куда-нибудь в тайгу податься, жить *там*, промышлять охотой, приносить в дом мясо, есть, спать, просыпаться с первыми лучами солнца.

— Жить *там*? Почему-то людям кажется, что жизнь *где-то там* непременно лучше, чем здесь.

— Я не сказал, что лучше. Я сказал, по-другому.

— Ты полагаешь, что жить жизнью таёжного охотника так просто? — спросил отец.

— Физически, конечно труднее, а в остальном...

— И ты мог бы жить животной жизнью? — перебил отец.

— А разве мы не животную жизнь ведём? Разве наши одежды делают нас людьми? Мы так же жрём и срём, как первобытные люди... Я вот что

вдруг понял: они — дикари то есть — жили и живут трудно, очень трудно, всегда трудно. Ни о каких удобствах нет речи. Жизнь их — непрерывная борьба за существование. Всё так. Но им легче, чем нам, ведь у них же нет никаких «высоких» целей — только жить. А мы мечтаем о свободном времени, об отдыхе, о развлечениях. Мы боремся не столько за жизнь, сколько за всякие блага, мыслимые и немыслимые. Это величайший самообман. Мы путаем глубинную суть жизни с этими благами, подменяем одно другим. Но если мне не нужны эти блага? Я не нуждаюсь ни в каких казино, ресторанах, огромных суммах денег. Мне нужно время, чтобы сидеть на природе и дышать свежим воздухом. Мне нужно время, чтобы сочинять. Мне нужно время, чтобы заниматься любовью. Да, хочется, чтобы вокруг всё было красиво, изыскано, может быть, даже шикарно. Но разве шикарный отель более великолепен, чем вершины Алтая? Они тоже шикарны, но по-другому. Неужели следует продавать всю свою жизнь за деньги, чтобы однажды — когда-нибудь потом! — можно было потратить эти деньги на дорогой отель? Разве ты не согласен, что это нелепость? Ты только вникни в это: зарабатывать «на жизнь». Но где же сама жизнь? В зарабатывании денег? В гонке за материальным благополучием? Я не понимаю такого расклада, отказываюсь понимать. Жизнь должна быть качественной каждую секунду. Не знаю, как это объяснить... Но если процесс зарабатывания превращается в смысл жизни, то уж прости меня, но жить тогда не стоит вообще...

— В чём-то ты прав, Юрка, конечно, прав. Но ты пока ещё остаёшься максималистом. Я понимаю, что за этим скрывается.

— Что?

— Твоя работа. Она сковала тебя, отняла возможность жить в своё удовольствие. Студенческие годы — пора сладкого безделья. К сожалению, эта пора нас сильно развращает. Как ты понимаешь, я тоже прошёл через всё это. И вот я перед тобой, и я уверен в том, что ты справишься с хандрой.

— Это не хандра.

— А что?

— Я не хочу быть клерком, мне не нравится составлять конъюнктурные листы, готовить контракты. — Юра соорудил кислую гримасу. — Я никогда не полюблю этого. Нельзя любить ложь.

— Ты считаешь, что твоя нынешняя работа — ложь?

— Воплощение лжи, её олицетворение... Очень много серьёзности на лицах, слов, жестов. Чересчур много игры в важность. Любая торговая сделка — ерунда по сути своей. Но посмотри, сколько значимости на рожах бизнесменов! Бизнес... Слово-то какое... Правильнее сказать «узаконенный обман». После политиков первые обманщики — люди торговли.

— Может быть, дёрнем с тобой по коньячку? — Николай Петрович сходил к шкафу и вернулся с тёмно-зелёной пузатой бутылкой «Наполеона». — Ты говоришь, что не любишь конторскую работу. Но ведь ты учился именно ради такой работы.

— Я был глуп. Я не видел дальше собственного носа.

— Слова не мальчика, но мужа. Это честно, — отец дзынькнул бокалом о бокал.

— Я спутал состояние жизни с состоянием обеспеченности. Я не хотел, чтобы что-то менялось, мне нравилось скользить по накатанной лыжне: уют, квартира, деньги... Мне не хотелось, чтобы что-то изменилось. Я и сейчас не способен ничего поменять.

— А чего бы ты хотел?

— Наблюдать.

— Наблюдать? За кем?

— За всеми. Смотреть на людей, выхватывать из толпы их походку, лица, вылепливать их характеры, исходя из их поведения, и складывать из этого истории, — глаза Юры загорелись.

— Ты всё ещё пишешь иногда? — спросил Николай Петрович.

— Пишу, — кивнул он, — творю мой собственный мир. И там, в этом никому невидимом мире, я свободен от всего.

— Послушай, Юр, — отец подался вперёд и задумался, — я должен попросить у тебя прощения. Возможно, я сильно виноват перед тобой.

— То есть? — удивился Юра.

— Я никогда не спрашивал у тебя, что ты пишешь, — Николай Петрович посмотрел сыну в глаза, — и никогда не просил почитать. Мне всегда думалось, что это просто блажь. Знаешь, многие ведь пописывают стишки... Но тебе уже двадцать два, а «блажь» не проходит. Похоже, я ошибался. Родители часто ошибаются, исходя из собственных установок на то, как должна складываться жизнь их детей. Возможно, ты делаешь нечто серьёзное. Как бы там ни было... Не прекращай своего сочинительства... И дай мне сегодня что-нибудь прочесть...

Это был их последний разговор.

Ночью Николай Петрович умер. Скончался, не позвав на помощь и не попрощавшись. Около включённой настольной лампы лежала стопка листов, которые Юра дал отцу накануне.

На похоронах плаксиво играл оркестр. Пахло землёй, и откуда-то из-за спины Юрия доносился оглушительно неуместный запах одеколона. Всё было как-то ненатурально, словно на театральной сцене с условными декорациями.

Через несколько дней Юрий внезапно осознал весь ужас произошедшей в его жизни перемены. Все проблемы, лежавшие прежде на отцовских плечах и существовавшие для Юрия в каких-то неосязаемых формах, приобрели отныне вес, стали плотными, тяжеловесными, реальными. Рухнула стена, принимавшая на себя все удары и ограждавшая Юрия от возможных невзгод. Даже живя в интернате, Юрий считал себя под отцовской защитой, хотя Николай Петрович находился в другой стране. Юрке казалось, что стоило позвать его, отец бросил бы работу и примчался к нему, чтобы выручить из беды.

Теперь мир внезапно расширился, окрасился в новые цвета, приобрёл незнакомые формы, обнажил множество неведомых дотоле острых углов, распахнул чёрные пасти опасных закоулков. И это не доставляло Юрию радости. К своему ужасу он понял внезапно, что означали слова «домашний ребёнок», звучавшие раньше абстрактно. Теперь эти слова указательным перстом упирались прямо ему в лицо.

— Эх, папа, папа, — повторял Юра каждый вечер, сидя за столом и тупо глядя в стену перед собой.

Новогодний праздник на работе не развеял растерянности, опутавшей Юрия. Служивцы смеялись и пили шампанское, но Полётову было грустно. Грусть затопила всё вокруг, все углы, все шкафы, все выдвижные ящики. Грусть переливалась через подоконники наружу и заполняла даже улицы.

— Старик, встряхнись, — дружески подтолкнул Виталий его в спину, — жизнь продолжается. Ты должен взять себя в руки.

— У меня маленькие руки, я не умещаюсь в них, — усмехнулся Юра.

— Ты уже шутишь? Вот и здорово! Давай выпьем! С наступающим

тебя!

Из шумной толпы появилась молодая женщина, чем-то напоминавшая мартышку.

— Полётов, давай станцуем?

— Давай.

Он держал её за кисти рук, а она норовила прижаться к нему животом.

— Слушай, Полётов, кончай киснуть. Мужик ты или не мужик? — проговорила она, улыбаясь огромным ртом.

— Я не кисну, Люсь, я уже давно раскис.

— Вот и зря. Отца ты не вернёшь. Зато настроение твоё делает ему хуже, — сказала Люся.

— Хуже? Кому? — не понял Юра.

— Твоему отцу. Умершие не любят, чтобы по ним лили слёзы. Наши слёзы не позволяют им уйти в лучший мир, — она громко чмокнул Юрия в губы.

— Откуда ты знаешь?

— Я эзотерик, — голосом заговорщика ответила Люся.

— О, — он понимающе закивал и снова погрузился.

— Прекрати вянуть, Полётов! — Люся потрепала его за подбородок. —

Ещё раз спрашиваю тебя, мужик ты или нет?

— Допустим, мужик.

— Тогда пошли.

— Куда?

— В мой кабинет, — она имела в виду кабинет секретаря, где находилось её рабочее место.

Она быстрым шагом провела Юру по коридору и спустилась по лестнице. Внизу тоже гуляли, но чуть тише, чем на втором этаже. Юра послушно прошёл за женщиной в комнату, тупо глядя ей в затылок.

— Ну вот, — она повернулась.

Запах вина и накрашенных губ проник Юрию в ноздри. Дымчатые глаза влажно всматривались в его лицо, молча призывая к действию.

— Милая обезьянка, — проговорил он одними губами.

Она не поняла, но в ответ приподнялась лёгким толчком стройных ног и уселась на краешек канцелярского стола, сдвинув ягодицами стопку бумаг. Над головой рассыпались пляшущие перестуки множества каблуков — народ веселился этажом выше.

Люся потянула Юрия на себя, высвободив руки и мокро припала к его рту, что-то мыча. Пьяное женское дыхание ударило Юрия, затопило его. Её лицо заслонило пятна вечерних фонарей на стене, качнулось вверх, облизало горячим языком его щёки, засыпало густыми волосами. Люся дважды дёрнулась, что-то делая руками, и он почувствовал её пальцы на своих брюках. Краем глаза он различил её голые бёдра, поднятую юбку.

— Какой у них там галдёж наверху, правда? — прошептала она. — Правильно, что мы сбежали сюда... Ну же, давай, ты ведь готов...

Юрий увидел мутное длинное очертание, протянувшееся от разнузданных штанов к белой полоске кружев между разведёнными женскими ногами, и подумал, что такое бельё женщина никогда не наденет без умысла. Юрий прислонился тяжёлым лбом к её голове. Одной рукой она оттянула кромку своего тонкого белья, другой властно подвела к себе надутую мужскую трубу. Юрий подался бёдрами вперёд, и в лицо ему ударил громкий томный вздох, почти вскрик.

Прорвавшейся наружу страсти вторил из-за стены дружный смех.

— Только бы не вошли, сволочи, — проговорила сквозь зубы Люся.

В ту же секунду вертикальная полоска света, падавшая сквозь щель приоткрытой двери, расширилась, проявив нелепые синие цветы на обоях, и чья-то тень застыла в жёлтой проекции двери на стене.

— Володя! — почти взвизгнула Люся, увидев своего мужа за спиной у Юрия.

Юра не успел оглянуться, как его развернули, вырвав из мягких глубин...

Пощёчина продолжала звенеть в воздухе, хотя ощущение чужой руки на щеке давно исчезло. На сердце не было ни обиды, ни досады. Юрий взглянул на расстёгнутые брюки и удивился, что его инструмент оставался возбуждённым.

— Сейчас бы бабу, — прошептал он. — Ёлки-палки, как всё это не похоже на мою жизнь. Какое же всё не такое... Хочу в горы... Хочу русалку... Хочу прочь отсюда...

Зима лютовала, над улицей висел пар. Порывшись в карманах в поисках сигарет, Юра обнаружил лишь пустую пачку и выбросил её.

Кто-то тронул его за плечо.

— Юра, это ты? Здравствуй! Я тебя не сразу узнала в этой шапке.

Перед ним стояла, блестя чёрными глазами, Таня Зарубина. Вся в густых мехах, на шее жемчужины в три нити, волосы на непокрытой голове рассыпаны золотом.

— Надо же! — удивился Юрий неожиданной встрече, потянулся к девушке и рассеянно, будто не осознавая своих действий, поцеловал ей обе руки. — Ты зря в такой мороз с непокрытой головой. Да и шею прикрыть надо... Как у тебя дела? Танечка, милая, ты учишься?

— На психолога. Скоро заканчиваю... А я замуж вышла... два месяца назад, — объявила она и почему-то смутилась. — Мы только что из путешествия вернулись. Из Австралии.

— Поздравляю, — ответил он неуверенно. — Как-то это странно звучит. Ты замужем. Ты — чья-то... И кто же он? Впрочем, что мне за дело?

— Разве тебе не интересно узнать? — кокетливо спросила она.

— Интересно? Почему меня должен интересовать чужой муж? — и тут на него нахлынула тяжёлая волна необъяснимой ревности. — Ну так кто же он, этот счастливчик?

— Значит, всё-таки счастливчик? Признаёшься? — приблизила Таня своё лицо к Юрию и легонько ткнула ему в грудь указательным пальцем. — Завидуешь? Между прочим, ты с ним знаком.

— Я твоих друзей не знаю.

— Ты помнишь тот вечер у Петруши? Ну, когда к тебе пристал парень из-за меня?

Юра ждал продолжения, ощущая нарастающее с каждой секундой беспокойство.

— Ещё бы не помнить! Не может быть, чтобы этот долговязый в зелёном пиджаке. Его, кажется Олегом зовут?

— Почему ты злишься? — обиделась она, и он понял по её интонации, что личность мужа установлена правильно. — Да, я вышла замуж за Олега Морозова.

— Я не злюсь. Мне-то что? Твой Олег-то хоть пиджак свой отмыл от крови в тот вечер? — Юра злобно оскалился. — А то у него нос-то протёк основательно.

— Я и не обижаюсь. Пусть у него нос был разбит. Я ведь хотела, чтобы кто-нибудь ему по физиономии съездил. На самом деле хотела. Слишком

уж он заносчивый был, высокомерный, очень много о себе воображал. Ему следовало навальнуть, согласись. Но я не знала, как это устроить. А тут, понимаешь, такая удобная ситуация. Только ты не подумай, что я тебя использовала, нет. То есть я, конечно, воспользовалась твоими услугами, это верно, чего уж тут отрицать. Но ведь ты не по моей просьбе отлупил его, ведь так? Ты его за наглость, да?

— Ну, знаешь, я всякое видывал, но это... — Юрий растерянно повёл руками. — Всё-таки твой будущий муж. Ведь вы уже решили всё тогда? Конечно! Как же иначе! Ну ты, Танечка, выдала номер!

— Юр, ты не подумай, что он на самом деле плохой, нет, вовсе нет. Он ведь милый очень в действительности, умный, способный. Он в этом году институт закончил, попал работать в МИД.

— Папочка пристроил? — Юрий вдруг угас и вяло махнул рукой. — Да мне-то что? МИД, свадьба... Ты два месяца назад счастье обрела, а я потерял единственного близкого мне человека. Папа умер. У меня больше никого нет.

— Ой! Прости... Как же так? Неужели Николай Петрович...

— Перед самым Новым Годом. Славный праздничек получился... Да что там... Этого не понять. Я и сам ничего не понимаю, всегда считал себя стойким, крепким, всезнающим, а оказался слабаком сопливым. Ничего-то мои кулаки не стоят в действительности. Что мне от них пользы?.. Подумаешь, разбитый нос твоего Олега, — Юрий замолчал, его глаза затуманились. — Знаешь, мы ведь с тобой на самом деле люди-то чужие, в детстве резвились на даче вместе да в компании разок гуляли... Я не могу признаться никому из друзей, а тебе скажу. Тебе — постороннему человеку. Грош мне цена! Не удержусь теперь я, когда батя ушёл. Плохо мне. Тошно. Ничего не могу поделать. Сдохнуть хочется. Оглядываюсь и ничего не понимаю вокруг. Как же так? Что это за жизнь такая? Ради чего? Был бы пистолет...

— Что ты говоришь такое? Я не верю тебе, — взволнованно заговорила она, положив руку ему на губы. — Нельзя так думать.

— Разве?

— Ты же сильный. Надо держаться.

— Это пустые слова. Ты сможешь ли удержаться, когда под тобой всё рухнет разом? Все этажи, сколько бы их ни было внизу! Откуда тебе знать? У тебя всё хорошо, муж вон появился, высокий, блондинистый, в МИДе пристроился... У меня тоже всё было так... надёжно. Но теперь...

Во что верить, когда само качество и смысл жизни меняются, а то и вовсе исчезают?

— Это не так, Юрочка, жизнь остаётся жизнью, — Таня прильнула к нему в порыве сочувствия.

— Вот, вот, Танюша. Жизнь остаётся жизнью. Таким же бессмысленным существованием, каким была прежде. Я согласен, что ничто не изменилось. Просто на одного-двух или на сотню человек вдруг сделалось меньше. И нигде не остались звучать их живые слова, нигде не сияют их живые улыбки. Только красивые безжизненные фотографии.

— Нет, нет и нет! Всё займёт свои места, жизнь возьмёт своё.

— Возьмёт? Да, да, возьмёт и уложит в ящик... О чём ты говоришь, Танечка?

— У тебя появится женщина, милая, хорошая, страстная, и она вселит в тебя уверенность. Я точно это знаю! — воскликнула Таня с жаром.

— Женщина? Какая женщина?... Да ведь и ты женщина, Таня! Помоги мне! Хочешь помочь мне? Я гибну. Никаких сил не осталось. Даже не предполагал, что могу так раскиснуть. Плакать хочу.

— Что я могу сделать для тебя, Юрочка? — она с готовностью положила свои ладони ему на руку.

— Ты права, мне нужна женщина. И ты повстречалась мне сегодня не случайно, я это сейчас ясно понял. В тебе таится живительная сила какая-то. Не отказывай мне, пожалуйста.

Она отняла руки.

— Да ты что? Ты шутишь? Как я могу? Я ведь едва из загса вышла. Да и вообще... Странно это, Юрик...

— Ты же улыбалась мне, когда подошла. Ты только что говорила о вере в жизнь, чёрт возьми. Ты только что сама говорила о женщине. И ты... отказываешь мне?

Он цепко схватил её за локоть и потащил за собой. Таня упиралась, но всё же двигалась за ним мелкими шажками. Понизив голос до возмущённого шёпота, чтобы не привлекать постороннего внимания, она продолжала отказываться во всевозможных выражениях, но передвигала ноги следом за Юрием, скользя то и дело каблучками по гранитному полу метро. И вдруг она крикнула громко:

— Хватит! Ладно, — и тут же едва слышно продолжила, — ладно, я пойду с тобой. Но ты должен понять, что это из... Не подумай, что я... Я ведь вообще до Олега, то есть до свадьбы, то есть... Одним словом... Я

тебе просто товарищ, друг, хоть и женщина... Ты понимаешь меня?

А через пятнадцать минут она уже лежала на спине поперёк широкой кровати посреди мрачной комнаты, придавленная его голыми животом и бёдрами и вбиваемая сильными движениями в мятую перину. Горячие капли пота падали ей на щёки с его склонённого лица. Между расставленных ног безумствовал скользкий бес, выворачивая её наизнанку.

— Что я делаю? Что я делаю? — повторяла она. — Как я могу? Как я могу?

Первая атака прошла быстро, и Юра, не теряя бдительности, несмотря на своё разбитое состояние, вырвался из женских недр за пару секунд до того, как из него хлынула белая лава. Он опустил голову и впился зубами Тане в шею, не больно, но сильно. Наверное, так кусают влюблённые вампиры, промелькнуло у неё в голове. Она шевельнулась под ним и почувствовала, как по её животу перекатился его тяжёлый орган, не потерявший своей упругости.

— Ты как? — проговорила она, не зная, что ещё спросить.

— А ты? — отозвался Юра и рукой подвёл себя к краю её бездны.

— Сколько времени? — спросила она, сама не понимая смысла заданного вопроса; ей просто хотелось спросить, спросить о чём угодно.

— Времени? Уже тысячи лет позади...

Он провёл тыльной стороной ладони у неё между ног, и опять вошёл в неё.

Повинуясь властным движениям его рук, она перевернулась на живот и увидела перед собой большое зеркало в массивной деревянной раме. В пыльном старинном стекле мутно отражалось измученное наслаждением лицо, её блестящие чёрные глаза, раскрывшийся рот. Обрушившийся на пол ночной светильник испуганно подмигивал единственной неразбившейся из трёх ламп и бесцеремонно выхватывал из темноты голые плечи, вытянутые руки, полушария девичьих грудей. При каждой вспышке Таня видела за своей золотистой головой запрокинутое лицо Юрия, мокрое от слёз.

— Не плачь, всё образуется, — пыталась шептать она, но пробудившаяся в ней страсть душила все её слова непрерывными вздохами.

Перед Юрием выгибалась нежная спина, из-под сияющей копны растрепавшихся волос струился желобок с матовой резьбой позвонков

под смуглой кожей, обрываясь возле двух мягких ямочек перед упругими сферами ягодиц. Крепкие мышцы длинных ног растянулись в стороны, позволяя мужским пальцам ласково буравить топкую плоть, скрытую густой тенью.

Таня видела в пыльном зазеркалье, как в её чёрных глазах пульсировало время, то растягиваясь в вечность, то сжимаясь тугой пружиной до неуловимого мгновения. Тёмное пространство комнаты билось над головой крыльями пойманной дикой птицы, вырывалось, то поднимая руки и ноги любовников к потолку, то швыряя бесформенным комом глины на самое дно гигантской кровати. Комната шумно колыхалась, раздвигала резиновые стены до невидимого горизонта и сжималась обратно, оглушительно и кроваво стучась в самый висок. Таня слышала, как дышало у неё внутри чужое тело, длинное и объёмное, полное обезумевшей жизни, налитое жидким чугуном, облепленное прожилками, жаждущее любви и молящее о ней.

Юра рванулся назад и оставил после себя гудящую пустоту.

— Теперь уж хватит, — выпалила она сдавленным голосом. — Я должна уйти. Я больше не могу. Мне больше нельзя.

В дверях, когда она уже оделась, он вдруг с новой энергией заглотив рот её губы, свалил с ног и овладел ею прямо в одежде, разметав по паркету густой мех шубы.

Затем, когда всё закончилось, он сказал:

— Спасибо тебе. Иди.

— Ты забрызгал подкладку шубы, — ответила она. — Что я теперь скажу?

— Прости, — оборвал он её мягким поцелуем, — прости.

В тот вечер Олег устроил ей сцену ревности, обнаружив перед сном на её теле следы поцелуев. Он метался по комнате, несколько раз шмякнулся головой о стену, покрытую персидским ковром, пинал ногами заваленное разноцветными подушками кресло.

— Я верил тебе, Таня! Я боготворил тебя! А ты оказалась просто сучкой! До омерзения красивой сучкой! Какой же я болван! — Он несколько раз подходил к ней, взмахивая кулаком, но не мог ударить её, чувствуя, что вся его огромная сила улетучивалась, когда он встречался с открытым взглядом жены. — Как же я мог поверить тебе? Я ждал столько времени, я терпел, не трогал тебя до свадьбы... А ты теперь... Оказывается, тебя нужно было лишь откупорить, как бутылку, чтобы ты

сразу пошла по рукам. Какой же я идиот! И какая же ты мразь, Танька!

— Перестань кричать, — понуро отозвалась она. — Я не могу объяснить тебе ничего. Если сможешь перетерпеть, то перетерпи.

— Но как ты могла? — он уже в который раз повторял один и тот же вопрос.

— Я не могла. Это была не я, Олежек. Но ты не поймёшь. Я сама не понимаю.

— Ты его любишь? Кто он такой? Ради какой такой твари ты раздвинула ноги? Боже! Я не могу поверить! Какой-то вонючий самец был внутри тебя. Какой-то... Кто он? Откуда он взялся? Отвечай мне, дрянь, как это могло произойти? Я должен знать!

— Не сейчас, Олег, не сейчас. Поверь, мне очень плохо...

И в ту же секунду она вдруг усомнилась в своих словах: было ли ей плохо в действительности? Пожалуй, нет. Плохо было только из-за крика, поднятого Олегом. Плохо было из-за Олега. Всё остальное заставляло её чувствовать себя на удивление хорошо. Она торопливо перелистала в памяти всё случившееся и поняла, что ей захотелось пойти к Юрию. Пойти прямо сейчас, махнув рукой на свою молодую семью — пусть всё разрушится, как песочный замок под накатившей морской волной.

Олег продолжал шуметь, когда она поднялась с кровати и начала одеваться.

— Ты куда? Проветриться захотелось? Пойди, пойди проветрись. А когда возвратишься, ты расскажешь мне всё в подробностях. Я хочу знать обо всём: как это было, сколько это продолжалось, что ты думала в тот момент... Я должен знать всё, иначе я свихнусь. Ты понимаешь меня? — Олег выглянул в коридор, держась обеими руками за всклокоченную белобрысую голову, но Татьяна уже ушла.

Дверь в квартиру Юрия оказалась не заперта. Таня прошла внутрь и остановилась. Юра сидел за письменным столом и шевелил пальцами рук, словно нащупывая что-то в воздухе. Его голова была наклонена, глаза прикрыты. Перед ним бледно светился экран монитора.

Поначалу Таня испугалась, решив, что он тронулся умом, затем услышала его шёпот:

— Как же это... Лепестковые... Как лепесток... Снегопад лепестковый...

Таня осторожно опустилась на стул, следя за каждым движением Юрия. Временами его губы переставали шептать, но продолжали

беззвучно проговаривать слова, будто пробуя их на вкус. Затем он вдруг хватал авторучку и начинал безостановочно писать что-то на бумаге, то и дело перечёркивая написанное. И после этого вновь застыл, вглядываясь в только ему видимую картину в пространстве перед ним. Ещё через несколько минут он вдруг отталкивал листки бумаги, придвигал к себе клавиатуру компьютера и начинал в полном молчании безостановочно стучать пальцами.

Таня улыбнулась и пробормотала его имя, но Юра не услышал её. Он был где-то в другом измерении. Перед ним разворачивалось действие, суть которого он ещё сам не понимал. Он видел лишь какую-то часть огромного полотна. Он отслеживал это действие, проникал в него, подбирая слова, как ключ к хитрому замку.

Никогда Юра не мог объяснить, что за таинственную негу испытывал он через рождение чьих-то поступков с помощью написанных им слов и что за магию чувствовал он от понимания того, что изложенное на листе бумаги событие состояло просто из букв: буквы могли бы сложиться совсем по-другому и сотворить иную историю, но они складывались так, как этого желал Юрий, или же они сами рассыпались в определённом порядке, а он лишь собирал их.

Висевшая в комнате тишина проникла в Татьяну, и девушка задрожала, будто к ней прикоснулась рука невидимого существа

— Юра, — опять позвала Таня.

Он встревожено оглянулся.

— Это ты? Как так?

— А вот так.

Он быстро шагнул к неожиданной гостье и дотронулся до неё.

— Это ты, — утвердительно сказал он.

— А ты сомневался? — улыбнулась она.

— Не знаю. Я думал, что это, может, не на самом деле... — Он поводил пальцами перед своим лицом, нарисовав в воздухе паутину линий. — Я не всегда умею отличить, когда пишу, что есть что.

— Я не знала, что ты стал писателем.

— Я?

Он опустился перед ней на колени и глубоко вздохнул.

— Но как ты здесь? — спросил он.

— У тебя дверь не на замке.

— Разве? Но ты-то почему тут?

- Не знаю. Мне показалось, что мне хорошо у тебя.
- Правда?
- И ещё я подумала, что я тебя люблю...

Они медленно шли вдоль улицы.

— Юрка, — заговорила вдруг Таня и остановилась. — А ведь у нас с тобой круглая дата сегодня.

— Какая дата?

— Я уже полгода у тебя живу!

— Не может быть! Неужели? — Юра словно растерялся. — Неужели так быстро время промчалось? А мне даже не показалось...

— Да, всё как будто вчера произошло, — согласилась девушка.

— Вчера... Оно и было вчера... Руку протяни — коснёшься. Ты знаешь, я всё острее чувствую время, вернее его отсутствие. Я заметил, что прошлое перестаёт для меня существовать. Его будто нет вовсе. Есть только настоящее, даже не настоящее, а постоянное. Что до прошлого, то оно каким-то образом существует в этом настоящем. Оно не где-то далеко, а тут, около меня. Ты понимаешь, о чём я говорю?

— Мне кажется, понимаю, — улыбнулась Таня. — Только я думаю, что я понимаю это как-то по-своему. Знаешь, это всё равно что на дождь смотреть, стоя рядом друг с другом: дождь один и тот же, а видим и чувствуем мы его каждый по-своему.

— Должно быть, так оно и есть... Каждый по-своему... Главное, чтобы мы с тобой не каждый сам по себе были... Не говорил я таких слов никому, Танюша, а тебе говорю: не желаю без тебя, желаю всё иметь только с тобой.

Она придвинулась к нему, прижалась к груди, потёрлась щекой о его куртку, затем посмотрела Юре в глаза и сказала:

— Я тоже хочу быть только с тобой. Может, это скоро пройдёт, но сейчас я не хочу ничего другого!

Она оттолкнулась от него, закружилась на месте, как в танце, и выпорхнула, вращаясь, на проезжую часть.

С громким визгом заскрежетали тормоза вывернувшего из-за угла автомобиля. Таня резко остановилась и повернула голову на звук. В следующую секунду машина, повернувшись как-то боком, стукнула

Таню в бедро и отбросила на несколько метров в сторону.

Юра увидел, как Таня перевернулась в воздухе, взмахнув тяжёлой копной жёлтых волос, и рухнула на тротуар. Секунда, которую Юра простоял неподвижно, вытянулась в вечность. Тяжёлый шлепок упавшего на асфальт тела продолжал звучать в его голове, словно преображённый какими-то техническими средствами в ровный, бесконечный гул. Сорвавшийся с правой ноги Татьяны башмачок медленно скакал, взмахивая ремешком, около её головы. Сквозь яркие отражения домов на лобовом стекле Юра разглядел огромные глаза водителя — худого взлохмаченного мужчины.

— Всё хорошо, всё хорошо, — услышал Юра чьё-то бормотание, и не сразу понял, что голос принадлежал Тане.

Бросившись к ней, он повернул к себе её голову. Таня посмотрела на него ясным взором и торопливо сказала:

— Со мной всё в порядке. Я жива... Вот это был номер!

— Ты уверена, что всё цело?

— Я шевелю руками и ногами. Всё хорошо. Успокойся, милый.

— Успокойся, — повторил Юра, словно взвешивая услышанное слово и оценивая его смысл.

Дверь автомобиля открылась. Юра обернулся. Водитель стоял почти не дыша и прижимал руку к животу.

— Ну? — с трудом выдавил из себя водитель, выпучив глаза пуще прежнего.

— Что «ну»? — вдруг закричал Юра и бросился на него.

Двумя короткими тычками в грудь он свалил перепуганного мужчину с ног и тут же услышал пронзительный крик Тани:

— Не надо! Юра, не надо!

Мужчина неуклюже отполз от Юры и стукнулся затылком о распахнутую дверь автомобиля.

— Парень, извини, честное слово... Прости...

— Ладно, чего уж там, — отмахнулся Юра, приходя в себя.

— Позвонили, что мать умирает... — мужчина потёр грудь. — Мать умирает в больнице... Вот я и помчался... Спешу я очень...

Юра оглянулся на Таню, она умоляюще смотрела на него, всё ещё продолжая лежать на асфальте, лишь немного приподнявшись на локтях.

— Это же я виновата, — прочитал Юра по её шевельнувшимся губам.

— Ладно, — повторил он вернувшись взглядом к мужчине, — всё

в порядке.

— Парень, прости...

— Это ты прости... Я за Таньку испугался... Думал...

— У меня мать умирает, — прошептал водитель.

— Чего же ты ждёшь? — Юра легонько толкнул мужчину в плечо. —

Езжай, тебе торопиться надо!

Он быстро повернулся и пошёл к Тане. Она осторожно встала и улыбнулась, как провинившаяся девчушка.

— Бог милостив, — засмеялась она.

Юра отступил от неё на шаг и прислонился к стене. Сердце его сжалось от тоски, едва он представил, что Таня могла сейчас не подняться.

— Ты что? — она осторожно провела ладонью по его щеке.

— Я тебя люблю...

Юрий

В конторе было тихо, большинство сотрудников ушло обедать, но я остался, чтобы разобраться в очередном справочнике и составить в конце концов конъюнктурный отчёт, который с меня требовали уже не первый день. Голова отказывалась соображать, обескровленная беспрестанными блужданиями в джунглях цифр. Поэтому когда на моём столе зазвонил телефон, я с удовольствием отбросил дело, скучнее которого, как мне казалось, не могло быть ничего на свете.

— Алло? Это Юрий Николаевич? — спросил голос в трубке.

— Да, — ответил я, откинувшись на пружинистую спинку кресла, и посмотрел за окно, где серый зимний ветер раскачивал голые кроны молодых деревьев, посаженных осенью во дворе особняка нашей фирмы.

— Меня зовут Борис Леонидович.

— Очень приятно. Чем могу служить?

— Я друг вашего отца, — продолжила трубка. — Я хотел бы встретиться с вами для одного разговора. Я был на похоронах, но вы, возможно, меня не запомнили.

— Если я вас видел, то я вас узнаю, — сказал я. — Вы хотите подъехать ко мне на работу? Я сегодня никуда не отлучаюсь.

— Нет. Лучше где-нибудь на нейтральной территории. Скажем, возле памятника Гоголю.

— Почему именно Гоголю? — удивился я. — Это на Гоголевском бульваре?

— Там будет удобно. На всякий случай я буду держать в правой руке журнал «Поколение-7», чтобы вам легче было узнать меня.

— Прямо шпионские штучки. Ладно. В котором часу?

— В шесть тридцать. Это удобно?

Мне было удобно.

— Только не перепутайте Гоголей, Юрий, — на всякий случай уточнила трубка, — мы встречаемся возле стоящего Николая Васильевича, а не у того, который в скверике задумчиво сидит...

В назначенное место я пришёл минут на пять раньше и сразу приметил невысокого мужчину в тёмной пуховой куртке. В правой руке он держал, как было обещано, «Поколение-7» и постукивал журналом себя по бедру, переступая с ноги на ногу. Снег невесомо кружил в освещённом пространстве вокруг фонарных столбов и ложился белым слоем на гладкую бронзовую причёску Гоголя и на его бронзовый же, позеленевший кое-где плащ-крылатку.

— Борис Леонидович?

— Здравствуйте, Юрий. Очень рад видеть вас. Мягкая сегодня погода выдалась, снежная, без ветра, — мужчина был с густыми рыжеватыми усами.

— Мы где будем разговаривать, прямо здесь?

— Нет, у меня тут поблизости квартира. Заглянем туда? — Борис Леонидович внимательно оглядел меня, прищурился и доброжелательно улыбнулся из-под усов. — Временем вы располагаете?

Мы медленно зашагали по бульвару между рядами тополей и лип, запорошённые ветви которых в вечернем освещении напоминали причудливую белую паутину.

— Так что же у вас ко мне за разговор? Вы ничего не объяснили по телефону, — начал я.

— Разговор не из простых, — Борис Леонидович сунул журнал в боковой карман куртки. — Дело в том, что мы с Колей были в очень близких отношениях. Вы уж извините, Юра, но я привык вашего отца Колей называть, без отчества, запросто. Думаю, что у меня не было друга ближе, чем ваш отец, Юра.

— Приятные слова, — я улыбнулся, ибо любое тёплое воспоминание о моём отце было мне как бальзам на сердце. — Такое не часто услышишь. Да и не звонит, собственно, никто из его сослуживцев. Словно и не было человека.

— А мне приятно вспоминать Колю и произносить такие слова от души, а не из дипломатических соображений.

— Спасибо. Вы с отцом давно были знакомы?

— Много лет. Мы познакомились на выставке в Париже, когда ещё была жива ваша мать.

— Это очень давно. Для меня это почти античные времена.

— Да, очень давно... В последнее время Коля не раз заговаривал о том, чтобы я оказал вам поддержку, в случае необходимости...

— Что он имел в виду? Не понимаю.

— У него пошаливало сердце, — пояснил Борис Леонидович и как бы расставил сразу всё по своим местам: мой отец чувствовал приближение смерти и относился к этому спокойно.

— Но он никогда не жаловался на здоровье, — тихо сказал я.

— Он вообще не жаловался, — уточнил Борис Леонидович. — Меня восхищали многие его качества, но его умение вести себя так, будто у него вообще не было проблем, заставляло меня просто преклоняться перед ним.

— Вам повезло, — горько ухмыльнулся я.

— В каком смысле?

— Я вот очень плохо знал папу. Он был настолько сильно занят, что у нас едва выдавалась минутка-другая, чтобы переброситься парой слов. А вот так, чтобы основательно поговорить, такого не получалось...

Мне сразу вспомнился последний день отца, когда он попросил у меня почитать что-нибудь из моих литературных опусов. Вспомнилось, как он извинился за то, что раньше не находил на это времени.

— Да, мне повезло получить такого друга, — согласился Борис Леонидович.

Мы шагали неторопливо, и он рассказывал о чём-то таком, что никогда не могло прийти мне в голову об отце. Передо мной постепенно вылепливался новый облик давно знакомого человека.

— Вот здесь давайте свернём, нам туда, — Борис Леонидович указал рукой направо.

Мы вошли в подъезд старинного дома и поднялись по широкой лестнице на второй этаж.

— Прошу, — Борис Леонидович отпер дверь и пропустил меня вперёд. — Коля рассказывал мне, что вы пишете, это так?

— Да, балуюсь, — я снял заснеженное пальто.

— Полагаете, что это баловство?

— Я же не публикуюсь, стало быть, для всех — это баловство. Никто меня серьёзно не воспринимает. Только Таня.

— Жена?

— Невеста. Ей нравится и даже очень, но она не объективна ко мне.

— И всё-таки, Юра, неопубликованные произведения и баловство — не одно и то же. Принесите мне посмотреть. Может, смогу помочь.

— Спасибо. Вы связаны с издательской деятельностью?

— С разными видами деятельности, — уклончиво ответил Борис Леонидович. Он стянул с головы шерстяную шапку и обнажил сверкающую лысину. — Вы принесите мне в следующий раз что-нибудь. Если это достойно внимания, то я попробую что-нибудь сделать. Но ничего не могу сейчас гарантировать.

— Понимаю.

— О чём же пишете? Любовные романы? Детективы? Может, о разведчиках?

— Нет, о разведке я ничего не знаю. Это такая тема...

— Какая?

— Сложная. Я поверхностно с этой темой знаком, по фильмам только.

— Ну, а самому-то как представляется разведка? Достойна она того, чтобы о ней что-то рассказать? Или этот предмет не заслуживает внимания? Как вам кажется, Юра?

— Полагаю, что там легко утонуть. Всё, что мне известно — это даже не поверхность айсберга, так, сказки с персонажами типа Джеймса Бонда. Думаю, что такие книжки я легко слепил бы, а вот что касается действительности... Нет, я бы не взялся.

— О вы же о чём-то пишете, Юра?

— О жизни...

— Просторный ответ. Но вы пока не так много прожили и не так много повидали, чтобы рассказывать об этом. Или вы полагаете, что у вас достаточно богатый опыт?

— Нет. Я даже думаю, что опыт никогда не бывает достаточно велик. И всё-таки рассуждать имеет право каждый человек, а тем более фантазировать. Я придумываю сюжеты, я создаю мой собственный мир, который не привязан ни к какому месту и ни к какому времени...

— Разве это возможно? А ваши размышления? Они ведь опираются на что-то.

— Разумеется, но... Дело в том... — я замялся, внезапно потеряв присущую мне уверенность в себе. Возможно, этот Борис Леонидович был прав: без пройденного пути нельзя ни о чём рассказывать. Но если мой путь ещё очень короток, разве я не имею права рассказывать о нём, а тем более мечтать и помещать вымышленных людей в вымышленные обстоятельства?

— Простите, Юра, я не хотел смутить вас, — Борис Леонидович поставил на стол чашки с чаем; он как-то незаметно успел вскипятить

воду. — Мне кажется, я понимаю, в чём кроется причина вашей графомании.

— Графомании? — в моём голосе прозвучала обида. — Почему вы так говорите? Вы же ничего ещё не читали.

— Я не в плохом смысле, здесь нет никакого оскорбления. Я говорю о страсти к сочинительству. Это своего рода болезнь. Я сам всегда страдал графоманией, мечтал и даже пробовал писать романы, но... Увы! Не имею достаточно времени отдаться этому увлечению в должной мере... А причина кроется в том, как мне представляется, что вы не удовлетворяетесь вашим образом жизни.

— Да уж, какая там жизнь. Сидишь в конторе, бумагу марашь... Хочется дела, движения какого-то. Да, Борис Леонидович, вы, пожалуй, правы насчёт причины. Ведь я когда сочиняю, я просто ухожу куда-то, растворяюсь там. — Я даже зажмурился от нахлынувших на меня чувств, — Это такое дело... там надо себя... развязать, что ли, расковать, дать себе возможность помыслить по-настоящему, широко...

— Я понимаю, о чём речь. Для человека сильного и умного очень важно иметь возможность проявить себя. Если вам не нравится ваше место, его надо поменять.

— Я не могу представить, куда приложить себя, — мой голос прозвучал, должно быть, виновато.

— Вы ещё молоды, только начинаете жить...

— Уже двадцать три, скоро двадцать четыре стукнет.

— Это не возраст, это ещё мальчишеская пора, — убеждённо сказал Борис Леонидович и подвинул чашку. — Сахар нужен?

— Нет.

— Угощайтесь печеньем. Правда, это покупное. Я предпочитаю домашнее.

— Кто ж его нынче готовит, домашнее-то?

— Моя жена готовит. Как-нибудь, если мы с вами продолжим наше знакомство, я приглашу вас к нам домой, Юра, и вы непременно попробуете её печенье.

— А это разве не ваша квартира? — удивился Юрий.

— Нет. Это служебное помещение.

— Служебное? Странно. Здесь всё выглядит вполне по-домашнему.

— Случается, что здесь иногда приходится кому-то жить. Работа такая.

— Что же это за работа такая? — Моя улыбка явно была окрашена хитринкой. — Откройте секрет, Борис Леонидович.

Тот насыпал в свою чашку ложку сахара и сказал:

— Я работаю в разведке.

— В разведке?

Думаю, что моя физиономия в тот момент была достойна того, чтобы её сфотографировали. По-моему, мои глаза смотрели так, будто я только что прозрел и впервые увидел не только моего собеседника, но и весь окружающий мир.

— Да, я работаю в Службе внешней разведки, — кивнул Борис Леонидович. — Принимая во внимание просьбу вашего отца...

— Какую просьбу?

— Поддержать вас, помочь вам... Я хочу предложить вам пойти к нам на службу.

В комнате повисла тишина, было слышно, как из крана изредка падали капли. Через некоторое время я легонько кашлянул, прочищая горло.

— Разве мой отец тоже... ну, у вас...?

— Нет, Коля не работал у нас, но помогал мне неоднократно, — Борис Леонидович достал из кармана пиджака пачку сигарет, неторопливо поместил сигарету между зубами, прикурил и посмотрел на меня. — Когда Коля однажды узнал, что я обращаюсь к нему с просьбой не от себя лично, а от моей службы, он ничуть не удивился, даже обрадовался, что можно сотрудничать с нашей организацией.

— Так-таки обрадовался...

— Вам сейчас это кажется странным, Юра, но поверьте, что подавляющее число людей с готовностью принимает предложение работать на разведку своей страны. Это льстит почти всем. Из сотни человек, кому предлагают работать в этой системе, лишь единицы отказываются.

— Льстит?

Впрочем, он был прав. Конечно, многим это льстит. Не может не льстить. Таинственность, ответственность, героика, своя особая романтика.

Я залпом выпил свой чай. Примерно с минуту я барабанил пальцами по столу, затем поднял глаза и спросил:

— И вы предлагаете мне пойти к вам? Но я ничего не умею.

— Сначала будете учиться, если, конечно, вашу кандидатуру утвердят. Всё это не так уж просто. Три года в академии, а после того — оперативная работа, ежедневная, кропотливая, напряжённая, но крайне интересная, — Борис Леонидович заманчиво улыбнулся.

— Вы любите вашу работу? — спросил я.

— С ужасом жду того времени, когда придётся уйти на пенсию. Не представляю себя вне Службы.

Я снова замолчал. В голове у меня то начинало шуметь, то наступала глухая тишина. Я испытывал страх и гордость одновременно: пугала полная неосведомлённость в данном вопросе, настораживала неожиданность предложения, но самолюбие нашёптывало, что меня приглашали в эту могучую и таинственную систему не просто по знакомству — если предлагали, значит, я был достаточно хорош для этого. Ох уж это самолюбие, ох уж эта гордыня! Сколько людей сгинуло со света из-за неё.

— Борис Леонидович, а при чём тут моё писательское увлечение?

— Если вы делаете это хорошо, то я буду предлагать вас на конкретное направление.

— Какое направление?

— Будете работать журналистом, писать статьи для журнала, может быть, книги... Журналистика — отличное прикрытие для разведчика, прекрасный повод для вхождения в самые разные сферы...

— Любопытно, — я не смог скрыть самодовольной улыбки, сразу нарисовав перед собой увлекательную картину, — очень заманчиво.

— Не знаю, что из всего этого получится, Юра, — Борис Леонидович выразительно шевельнул усами, — может быть, работа у вас не пойдёт... Не спешите отвечать. Дело в том, что разведка любит людей способных, но вовсе не талантливых. Разведка нуждается в профессиональных исполнителях, а не в гениальных писателях и художниках, которые обычно слишком импульсивны...

— Но я вовсе не говорил, что я гениален!

Похоже, я поспешил с этим возгласом. Увидев выражение моего лица, Борис Леонидович громко и искренне засмеялся. Его лысина сверкала под лампой, рыжие усы топорщились.

— Не спешите, Юра. У нас с вами состоялся пока лишь предварительный разговор, мы просто познакомились, никаких обязательств... Возможно, вам всё-таки предстоит стать гениальным

писателем, а не разведчиком. Разве мы знаем, какие хитрые уловки уготовила нам судьба? Я прошу вас не говорить никому ничего о нашей беседе. Даже вашей невесте. Это единственная на сегодняшний день твёрдая договорённость между нами. Хорошо? Подумайте несколько дней, взвесьте. Позвоните мне, когда будете готовы продолжить разговор...

— Борис Леонидович, у меня к вам просьба.

— Слушаю.

— Если можно, обращайтесь ко мне на «ты». Мне так проще.

Следующая встреча прошла на той же квартире. Разговор был менее радушным, более жёстким.

— Обаяние, Юра, это колоссальная сила. Силища... Большинство людей без этого качества сделать не могут ни шагу. Что касается разведчиков, то могу смело сказать, что им без этого качества грош цена, — рассуждал Борис Леонидович. — Будущего вашего агента надобно околдовать, заставить его полюбить вас, довериться.

— Но ведь некоторые агенты, как я понимаю, работают только за деньги?

— За деньги, разумеется! Но и деньги человек берёт не от кого попало. Случается, что агенты отказываются от дальнейшей работы, когда их передают другому сотруднику. Они верят тому, кто завербовал их, а не нашей организации в целом. Они доверяют свою душу какому-то конкретному демону, они знают его голос, его лицо, ход его мыслей...

— Демон? Странно вы это сказали, — хмыкнул я, — даже мурашки по коже пошли.

— Одно и то же можно назвать разными словами. У нас откровенный разговор, Юра. Я выкладываю всё, как оно есть, а ты уж делай выводы. Я не агитирую тебя, не вербую, я лишь рассказываю тебе о том, кем тебе предстоит быть, если ты примешь моё предложение... Становясь разведчиком, ты превращаешься в коварного соблазнителя. Делая кого-то агентом, ты делаешь из него предателя родины. Ты заставляешь его служить чужой стране, за деньги или за идею — разве это важно? Так или иначе, но ты делаешь из него предателя. Иногда человек даже не подозревает, что он служит источником информации для тебя.

Но если он отдаёт себе отчёт в совершаемых поступках, осознанно помогает тебе, то он — предатель. Ты покупаешь его предательство, платишь за него деньги. В каком-то смысле предательство — своего рода бизнес. Но иногда приходится шантажировать, однако это уже крайний случай.

— Крайний?

— Нет ничего хуже затравленного человека, Юра. Ты не можешь доверять ему, так как он всегда думает о том, как бы слезть с твоего крючка. Загнанный в угол человек способен совершить совершенно непредсказуемые поступки, иногда эти поступки бывают очень опасны для нашего дела... Нет, ты уж поверь мне на слово, что нет ничего хуже шантажа.

— Вам приходилось заниматься этим? — я пристально посмотрел в лицо разведчику.

— Да, — ответил тот спокойно, — приходилось заниматься всем. К моему сожалению, на моей совести есть и человеческие жизни.

— Вы кого-то убили?

— Нет, не я. Но как я узнал, много людей погибло однажды в результате очень хитрой комбинации, одним из звеньев которой был я... Полагаю, были и другие случаи, о которых я ничего не знаю.

— Разве вы не всегда известно, как задумана операция, в которой вы участвуете?

— Каждый из нас знает только то, что поручено ему, — сказал Борис Леонидович и замолчал, задумавшись. — Представь, что нам нужно организовать встречу с неким мистером Иксом. Допустим, ты знаком с кем-то из его семьи. Ты, сидя у них в доме или где-то ещё за чаем, узнаёшь между делом, например, у его дочери, что он намеревается уехать на отдых тогда-то или тогда-то. Это и есть нужная информация. Всё! От тебя в этом деле больше не требуется ничего. Разрабатывать его поездку будут другие. И ты никогда не узнаешь, для чего нужна была встреча с этим Иксом. Скорее всего такая встреча будет выглядеть случайной. «Ах, это вы, мой друг! Отдыхаете? А как там такой-то и сякой-то? Кстати, не окажете любезность? У меня никак руки не доходят, передайте ему от меня записочку, сейчас я черкану вам...» И вот через этого мистера Икса записочка попадает к мистеру Игреку. И ничего больше от Икса не требуется. Просто передать письмецо. В руки. Чтобы наверняка, чтобы гарантировано, чтобы не почтой и без

регистрационных номеров. И кто-то будет кем-то принят где-то в результате этого письма. Или не принят. Или расстрелян... Вот тебе и цепочка, Юра. И всё это ради какой-то большой игры, которую ведёт государство. И ты, будучи разведчиком, служишь своей стране, какое бы задание ты ни выполнял и как бы нелепо оно тебе ни казалось. Ты — воин своей страны. Каждая страна — это своего рода чудовище для других стран. И каждое такое чудовище борется за своё место под солнцем, пожирая остальных, вступая в непродолжительные связи с другими чудовищами или же открыто воюя против них. Ты являешься орудием этого чудовища, Юра. Даже не орудием, а одной из клеток, молекулой, атомом чудовища.

— Звучит непривлекательно, — я усмехнулся.

— Многие вещи кажутся отталкивающими, когда смотришь на них изнутри. Возьми любую женщину, пусть даже самую красивую. Она выглядит божественно красивой. Но сунься в её кишки — сколько там залежей, с которыми не справляется её организм, сколько там продуктов брожения, микробов, кровяных шариков и антител в крови, сколько всякого разного... Но тебя интересует женщина не как мешок с этим дерьмом, а женщина как объект красоты и наслаждений. Не так ли?

— Так.

— Всюду есть своя скрытая сторона. Если мы не видим её, это вовсе не означает, что её не существует вообще. Так что тебе следует согласиться с этим или отказаться от работы сразу. Готовым нужно быть с самого начала. Быть готовым ко всему. Ты есть часть огромного механизма, исполнитель воли этого механизма, и ты не имеешь права задумываться над правильностью порученного тебе дела. Разведчик — человек в каком-то смысле страшный, подлый.

— Подлый?

— Он пользуется людьми, которые не готовы к тому, что их будут незаметно вербовать и перетягивать из лагеря одного чудовища в лагерь другого. Фактически он пользуется их беззащитностью, их слабостью.

— А где же романтика? — я подался вперёд всем телом, желая удержать ускользавший от меня привлекательный образ секретной службы.

— А где она в других профессиях? Романтика, Юра, это полуправда, обман, тщательно подобранная краска для конкретного плаката. Романтизировать можно и бандитскую жизнь. Был такой Робин Гуд —

порядочная сволочь, обыкновенный разбойник, а сколько вокруг него навечно лирики... Романтика — крючок, на который удобно ловить. Разведчик должен быть прагматиком... Что же касается людей, которых приходится использовать, сманивая тем или иным способом на свою сторону, то здесь можно сказать только одно — всех нас кто-то использует. Кто думает, что можно прожить в сторонке от социальных омутов, сильно заблуждается. Зачастую такие люди до конца дней живут в уверенности, что они никому и ничему не служили, но в действительности не раз были орудиями в чужих руках. Мало ли приходится выполнять поручений, ничего не значащих на взгляд рядового обывателя, которые в действительности очень важны в шпионской игре. Я уж не говорю о политиках, которыми спецслужбы крутят на все лады, направляя их работу в нужное русло... Всё это — часть твоей будущей работы.

— Сейчас мне начинает казаться, что я наивен, как младенец, — признался я и стиснул кулаки, с досадой почувствовав, что они были совершенно холодны из-за моей нервозности.

— Я же говорил, что двадцать два года — эпоха мальчишества. Редко кто в таком возрасте бывает по-настоящему циничен, редко кто умеет мыслить достаточно широко. Людям вообще свойственно пользоваться устоявшимися понятиями, складывать из них, как по шаблону, мозаические конструкции, которые являют собой такие же шаблонные кирпичи. Что касается разведчика, то он обязан мыслить тонко. Разведчик всегда ведёт игру, сложную игру, хитрую игру, а потому — подлую. Хитрость — правая рука подлости. А если тебе нужны положительные стороны дела, то тут тебе есть где проявить и отвагу, и долготерпение, и твёрдость характера. Работа очень кропотливая и напряжённая. Всё время приходится ходить по лезвию бритвы. Впрочем, в большинстве случаев со стороны это всё выглядит невзрачно и буднично.

— По лезвию бритвы...

— По стенам приходится карабкаться редко, чаще — просто втираться в доверие и через это добывать информацию. Но это и есть лезвие бритвы. Ты всегда работаешь на территории чужого государства, это требует постоянного напряжения нервов. Некоторые не выдерживают... Знаешь, разведчиков иногда сравнивают с актёрами, мол, они постоянно играют какие-то роли, никогда не бывают собой. Может, в этом и есть доля правды, но актёр время от времени уходит

со сцены, где он может отдышаться, обдумать сыгранную роль, выслушать замечания режиссёра, сыграть роль ещё раз, исправив ошибки. У разведчика такой возможности нет, его ошибка чревата провалом целой агентурной сети, ставит под удар не одну жизнь.

Я откинулся в кресле.

Меня устраивало всё, что я только что услышал. И это же пугало чрезвычайно. Казалось, что моё согласие на такую работу превратит меня в патологическую сволочь с обольстительной улыбкой на лице. Но я понимал, что эта улыбка должна была служить не моей личной корысти, а моей стране. Одним словом, сомнения жгли меня, не принимая никакой явно выраженной формы; они нависали надо мной тяжёлыми невидимыми медузами, от которых тянулись пупырчатые шланги с присосками, предназначенные для того, чтобы высасывать из меня мою сущность и вдувать в меня что-то чужеродное. Не знаю, чего во мне было больше в те минуты — желания или протеста. Возможно, готовность отказаться была значительно сильнее и в других обстоятельствах я не согласился бы на предложение, но дело в том, что после смерти отца я никак не мог по-настоящему оправиться и жаждал каких-то серьёзных перемен. Появление Бориса Леонидовича сулило перемены значительные.

Как ни странно, учёба в академии пришлась мне по вкусу, и я погрузился в неё целиком. Возможно, причина заключалась в том, что лекции и практические занятия сумели быстро оторвать меня от моих тяжёлых раздумий, связанных со смертью отца. Я стал постепенно нащупывать ориентир в жизни, появилась цель. Временами я вдруг начинал чувствовать себя персонажем какого-то детективного фильма, испытывал вес собственной таинственной значимости, хотя никакого такого веса у меня в действительности не было. Думаю, что такие ощущения преследовали не только меня. Иногда на остановке служебного автобуса я наблюдал за поведением моих сокурсников. Они держались уверенно, поглядывали вокруг чуть свысока, курили вальяжно, сунув одну руку в карман. Они ощущали себя особенными людьми. Я полностью разделял их чувства. Мы принадлежали к особой касте, и всем своим обликом и манерой держаться мы пытались

подчеркнуть друг перед другом наше отличие от остального мира.

Эта особенность — осознавать себя частью скрытой от посторонних глаз секретной организации — была для меня в те дни, пожалуй, самой важной стороной дела. После смерти отца я чувствовал себя потерянным, разбитым, беспомощным. Сила покидала меня с каждым днём, и я не знал, как мне удержаться на плаву. Хорошо ещё, что появилась Таня. Но моё соединение с мощнейшей из спецслужб вернуло меня к жизни по-настоящему, заставило меня почувствовать энергию невидимых потоков, наполниться ими, возродиться внутренне. Жизнью управляет некая невидимая Сила, а спецслужбы — сила этой Силы. Мысль не моя, это сказал кто-то из братьев Стругацких.

Я сделался частью Силы.

На выходные нас отпускали домой. Помню, как я ехал однажды в метро (после очередного недельного пребывания за высоким забором, колючей проволокой, под чужим именем) и вдруг взглянул на окружающих меня людей новыми глазами. Кто они, зачем они, спрашивал я, и как странно, как удивительно, что они ничуть не догадывались о том, кто был я. И в те минуты я готов был в каждом из них увидеть моего собрата по службе. Все мы были чужие друг другу, но каждый из нас мог быть воином той самой невидимой армии, о которой в повседневной жизни никто не задумывается, но которая проникает всюду, присутствует возле каждого из нас, неторопливо, но уверенно делая своё дело во благо *своей страны*.

Приезжая домой, я с огромным удовольствием бросал себя в объятия моей Татьяны. Она жила в моей квартире почти всё время. По крайней мере, когда я звонил из академии по вечерам, она была у меня дома. Когда я приезжал, она откладывала все свои дела и посвящала выходные дни мне. Мы не приглашали никого из наших друзей, наслаждаясь уединением. Нам было хорошо. До настоящей моей работы, пронизанной натяжением нервов, было ещё далеко. И всё же Таня видела, что напряжение во мне никогда не угасало.

— Почему ты отмалчиваешься? — спрашивала она. — Едва мы заканчиваем заниматься любовью, ты проваливаешься в свои мысли. Ты просто исчезаешь. Тебя нет рядом со мной. О чём ты всё время думаешь?

— Наверное, о контроле за передвижениями, о подслушивании телефонных переговоров, о перехвате почтовых отправок,

о наружном наблюдении, о вербовке агентов из среды сотрудников закрытых учреждений... Чёрт знает что творится в башке! Я даже не думаю, оно само крутится там...

— Неужели ты не можешь расслабиться? Я тебя как психолог спрашиваю.

— Я расслабляюсь. Ты не беспокойся, Танюша, у нас там психологов — выше крыши. Я тебе честно говорю, нас там постоянно проверяют и перепроверяют. То и дело какие-то тесты устраивают... Нет, я чувствую себя хорошо. Просто информации много, она не может улечься во мне абы как. Понимаешь, она подыскивает для себя наиболее удобные формы существования, пускает корни, вживается, прорастает, покрывается шерстью и мозолями... Мне хорошо. Однако я ещё не чувствую себя в достаточной мере твёрдо.

— Ты никогда не рассказываешь мне ни о чём.

— Упрёк?

— Нет.

— Очень хорошо. Если тебя что-то интересует, ты спрашивай. Всё равно тебе придётся со многими вещами столкнуться в будущем. Может, даже потребуются твоё участие в каких-то делах. Жёны часто помогают разведчикам...

— Вот уж нет, милый. Во-первых, мы ещё не поженились. Во-вторых, это твои игры, а не мои.

— Это не игры. Это уже работа.

— Для меня твоя работа — литература. А ты давно не садился за свой стол.

— Знаю, — я притянул Таню к себе, — но у меня сейчас так много нового, что я не способен сочинять. Сейчас я не творец. Придёт время, и я вывалю из себя всё, что во мне сейчас накапливается...

— Конечно, о разведке?

— Зачем же? Ты полагаешь, что мои мысли только об этом?

— Ты же сам сказал: у тебя в голове сплошная вербовка агентов и всякая прочая шпионская мура... Прости... Я так люблю читать твои вещи. Я настолько успела привыкнуть к тому, что ты раньше каждую неделю давал мне читать... У тебя лежит так много начатого, а ты не возвращаешься к этому и не пишешь ничего нового...

— Извини, Танюш, извини меня, малыш, но мне пока не до литературы. Потерпи...

— Разве я не терплю? Ты приезжаешь только на выходные дни. И всё время о чём-то думаешь... Осталось ли в тебе место для прежнего? За год я не увидела ни одного путного рассказа, ни одной готовой повести... Когда ты закончишь академию, ты вернёшься к твоим сочинениям?

— Непременно. Я и сейчас накапываю понемногу.

— Правда? Покажи!

— Нет, это лишь пометки.

— Покажи...

— Прочти лучше статью. Сейчас я принесу тебе её... Я должен работать для журнала «Поколение-7», чтобы к окончанию академии у меня был хороший запас публикаций, — я вышел из спальни и пошёл к столу, где лежали распечатанные листы. — Вероятнее всего, этот журнал станет моей «крышей», от него я буду ездить и по стране, и за границу...

— Вот ты сейчас прошёл через комнату, — заговорила Таня, когда я вернулся к ней, — прошёл босиком, голый... И я вдруг обратила внимание на твой живот. Это совсем не тот живот, который я знала раньше. Это не тот живот, который я видела в нашу первую встречу... Помнишь? Помнишь, как ты притащил меня сюда? Теперь у тебя совсем мужское тело. Посмотри, как бегут волосы, отсюда, от пупка к паху...

Она провела по моему животу ладонью.

— Всё так сильно меняется, неузнаваемо. Ты стал другим.

Через год мы с Таней намеревались сыграть свадьбу, но когда пришёл срок, она внезапно воспротивилась.

— Что с тобой, малыш? С чего ты вдруг упираешься? — я не понимал её позиции.

— Послушай, милый, я не могу обосновать это, но мне кажется, что семья будет нам мешать, — пожимала она плечами.

— Мешать? Чему мешать? Ты закончила учёбу. Да и мне остался всего один год.

— Меня пригласили в аспирантуру.

— Пожалуйста, учись себе в аспирантуре. Тебе учёба легко даётся, Танюш. Но почему ты против свадьбы?

— Семья свяжет мне руки, — серьёзно проговорила она и отвернулась.

— Почему свяжет? — я чувствовал себя выбитым из седла.

— На то есть много причин. Взять хотя бы твои командировки. Ты обязательно будешь уезжать, возможно, в долгосрочные поездки. Мне придётся ездить за тобой, не так ли? А я не хочу.

— Не хочешь?

— Не желаю быть твоим хвостиком, не хочу быть завязанной на тебе. Тебе дана твоя жизнь, мне — моя. Нам хорошо вместе, но мы не в праве связывать друг друга. Мы должны спокойно смотреть друг другу в глаза.

— Почему ты так уверена, что семья лишит нас этого спокойствия?

— Ты — мужчина, мой милый. Ты уже не мальчик. Ты круто изменился. — Она посмотрела на меня с некоторой грустью. — Хорошо, что мы открыты друг для друга и позволяем себе говорить откровенно. В этом нам с тобой удивительно повезло. Так вот... Ты будешь уезжать, у тебя будут там женщины... Не мотай головой, как упрямый ишак. Будут женщины, будут. И мне бы не хотелось, чтобы ты изменял жене. А покуда ты свободен, у тебя есть на то полное моральное право.

— Любопытный подход.

— Трезвый.

— А ты? — Я взял руками её за плечи.

— Я тоже не желаю связывать себя. Ты же не можешь гарантировать, что будешь приезжать ко мне каждые выходные для исполнения супружеского долга.

Я увидел в её глазах блеск айсбергов. Как спокойно она рассуждала об этом! Должно быть, хороший психолог так же циничен, как разведчик. Да, мы представляли собой славную пару.

— На каждые выходные я, конечно, не смогу приезжать, — согласился я. — Но ведь я пока ещё не уехал никуда. Не рано ли ты распланировала нашу жизнь порознь?

— Не рано. Ты сам теперь всё раскладываешь по полочкам. Я же сказала: ты изменился. Если изменился ты, должна измениться и я. Иначе нам не поладить... Но я всё равно люблю тебя. И я надеюсь, что ты однажды переступишь через твоё нынешнее состояние и вернёшься к былому писательскому мирозерцанию.

— Тебе так сильно не хватает этого?

— Чертовски. Мне это очень нужно, — она прижалась ко мне грудью. — И вот что я скажу тебе. Если ты вдруг заявишь однажды, что литература для тебя — просто пшик, то я уйду от тебя без колебаний, не задержусь ни на мгновение. Ты меня понял?

Я её понял. У неё был вполне красноречивый взгляд. И в нём не осталось ни намёка на лёд. Глаза пылали страстью. Глаза угрожали мне. Глаза умоляли меня.

— Меня не устраивает положение жены шпиона. Я не понимаю твою профессию. Но ты сделал выбор, — она дёрнула бровями, — это твоё право.

— Ты же не была против, когда узнала об этом. Мы же обсуждали это...

— Юрочка, дорогой мой, я готова идти за тобой хоть на край света, но не за любым тобой. Помнишь, как Мастер и Маргарита жили в полуподвале? Я тоже хотела так, я могла бы и даже была бы счастлива при этом...

Я оторопел. Она ведь ещё совсем недавно и вправду рисовала себе исключительно шикарное будущее и даже вышла за Олега Морозова, за этого отпрыска какого-то нефтяного магната. Но она пришла ко мне, забыла о лимузинах и светских раутах. Она увидела во мне то, что показалось ей куда более важной стороной жизни. А я от этой стороны потихоньку отступил.

Чёрт меня дери! Что же я натворил? Ведь я мог потерять Таню! Я почувствовал, что на меня накатила волна холодного ужаса. Как в тот день, когда Таню сбил автомобиль.

Через год я получил диплом. Был ли я счастлив в тот момент? Теперь уже не уверен. Я испытывал удовлетворение, осознавая, что определённая часть пути пройдена.

Учёба в разведшколе пробудила во мне нечто незнакомое: я жаждал окунуться в мир острых ощущений, мир опасности, чтобы узнать, тот ли я, кем считал себя. Внимательно изучая прошедшие годы, перелистывая страницы моей жизни, осмысливая моё поведение, мои знакомства, мой характер, я постепенно пришёл к выводу, что я был рождён для того, чтобы тем или иным путём прийти в разведку. И вот я пришёл туда, стал солдатом. Теперь мне хотелось испытать себя в деле.

— Чушь, Юрка, всё это чушь! — воскликнула Таня, услышав мои умозаключения. — Ты рождён, чтобы творить книги. А разведка твоя... Что ж, поиграй в шпиона, если тебе так того хочется. Может, это даст

тебе хлеб для очередного произведения... Впрочем, всё равно я тебя поздравляю, потому что сейчас тебе это кажется важным для тебя.

За годы, проведённые в академии, я опубликовал в журнале «Поколение-7» множество статей, которые должны были служить мне добротной легендой: все эти три года я работал журналистом. Теперь «Поколение-7» командировало меня в Испанию.

В Мадриде я первым делом явился в резидентуру, где меня принял мой начальник, человек с виду добродушный и мягкосердечный, но на деле, как я слышал от моих товарищей, тигр с мёртвой хваткой. Среди подчинённых он был известен как Старик, хотя стариком не выглядел. Наш недолгий деловой разговор он заключил следующими словами:

— В ближайшее время, Юрий Николаевич, вы ко мне сюда не приезжайте. Займитесь своими прямыми журналистскими обязанностями. Помотайтесь по городу, поищите материал для своего журнала. Испанцы должны привыкнуть к вам, вашему распорядку дня. А вы пока познакомьтесь с городом. Займитесь, так сказать, свободным творчеством.

— На что-нибудь обратить особое внимание, Виктор Алексеевич?

— Пока ничего конкретного. Обживитесь. Прочувствуйте здешний воздух. Может, вам повезёт сразу завязать какие-нибудь связи. Только старайтесь не спать с женщинами без оперативной необходимости.

— Я же не маленький мальчик.

— Маленький мальчик и не стал бы спать с женщинами, Юрий Николаевич. А вы большой мальчик, в том-то всё и дело. В Барселону вам через неделю, я не ошибаюсь?

— Да.

— Перед отъездом загляните ко мне, я вам передам кое-что для Маркелова. Он там по нашей линии в консульском отделе.

— Что-нибудь по работе?

— Нет, это лично от меня, — отрицательно покачал головой резидент. — Это книги для его дочери, сказки там всякие. Так что ничего прятать не нужно, всё чисто. В Барселоне, как я понимаю, вы пробудете дольше, чем здесь, стало быть, успеете лучше освоиться. Там город

поменьше нашего, а работы у вас там будет больше, чем здесь. Как только контрразведка занесёт вас в «чистые» журналисты, она снимет «наружку». У них там в общем-то спокойно, но всё же будьте поаккуратнее.

— Буду.

Мадрид не произвёл на меня впечатления, это город без собственного лица. Все улицы более или менее похожи на улицы других европейских городов. Кое-где, конечно, можно найти небольшие пространства, древние площади типа Пласа Майор, которые до сих пор хранят облик старого Мадрида, но их мало. На этих «пятачках» приятно посидеть, никуда не торопясь, и просто посмотреть на прохожих; люди одеты так, как принято одеваться сегодня, и потому мир вокруг, даже в этих старинных закутках, вполне современен. И всё же построенные в годы средневековья дома, их балконы, стены с рисунками, выгоревшими на беспощадном солнце, горшки с цветами на подоконниках — всё это позволяет ощутить себя немножко в другом мире. Так и кажется, что вот-вот появится из дальнего угла площади кабальеро верхом на гнедом коне, в раззолочённом наряде, в широкополой шляпе, с пикой в руке, что начнут приветствовать его с балконов чернобровые красавицы с раскрытыми веерами в руках, подбадривая всадника громкими возгласами и принуждая скорее вступить в схватку с выпущенным на площадь чёрным быком.

Но это лишь игра воображения.

Самое сильное впечатление от Мадрида — проститутки. Я не представлял, что эти размалёванные жрицы любви могут быть так страшны и что их так много. С наступлением сумерек они выползали из всех щелей, как тараканы. Стоило мне свернуть с главной улицы в переулок, как возле каждой двери — а двери эти, с убегающими в грязное чрево подъезда лестницами, встречаются через каждые пять-шесть шагов — мне стали попадаться женщины в ярких кофточках и коротких обтягивающих юбках. По большей части они были уродливы, отличались диспропорцией форм, их фигуры могли бы послужить моделями для художников-карикатуристов или мультипликаторов. Тем не менее, к путанам подходили клиенты, деловито приценивались, покупали их.

Нет, Мадрид мне не понравился. Над ним постоянно плавает серо-жёлтое облако выхлопных газов, его улицы переполнены автомобилями,

машинам негде припарковаться, воздух буквально нашпигован звуками клаксонов, рычанием двигателей. Мадрид шумен и суетлив, как Москва.

Совсем иное впечатление произвела Барселона, особенно район, где улицы то круто взбираются вверх, то бегут вниз, переламываются, раздваиваются, виляют между невысокими домами с побелёнными стенам. Ветер старается вытащить из окон занавески и бесцеремонно колышет их, треплет о стену. В старом городе относительно тихо и спокойно, а ночами вообще пустынно.

Я остановился в отеле «Арагон», от которого можно пешком добраться до знаменитого собора Святого Семейства, похожего на один из тех песочных замков, которые так любят строить дети на морском берегу.

Сидя в баре отеля, я цедил пиво, через зеркало на стене разглядывая посетителей. Только что закончился ужин, группы японских и русских туристов медленно покидали общий зал, громко разговаривая и смеясь.

Стоявшая за стойкой девушка подвинула ко мне крохотное блюдо с солёными орешками. Я видел, что она принесла их со стола, который только что покинули клиенты.

— Спасибо, я не заказывал, — ответил я.

— Не выбрасывать же их, — сказала девушка, — никто к ним не притронулся. Угощайся.

Я кивнул. Девушка обратилась ко мне на «ты». Я не удивился, так как в Испании многие пользуются формой «вы» лишь в официальной беседе. «Ты» было привычнее для большинства простых людей.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Моника, — она улыбнулась. Чёрные волосы зачёсаны и собраны на затылке, небольшая чёлка падала на лоб. Большие глаза, строгие, но приветливые. — А твоё имя?

— Юрий.

— Юрий? Что за имя такое?

— По-испански это должно звучать как Хорхе, но всё же моё имя Юрий. Или Юра, если тебе так проще говорить.

— Ты откуда? — она подвинула к себе поднос с мокрыми стаканами и принялась протирать их.

— Из России, — я глотнул пива.

— Так ты с группой этих туристов? — предположила она. — У нас каждую неделю останавливаются туристы из России.

— Нет, я сам по себе.
— Откуда ты знаешь испанский язык? В колледже учил?
— Да. Всегда мечтал посетить Испанию.
— Почему?
— Слышал, что здесь живут самые красивые девушки.
— Так говорят в России? — засмеялась Моника, не переставая протирать стаканы.

— Так написано во многих книгах, и так подсказывает моё сердце.
— О! Я вижу, ты опасный человек, Юра! — Она погрозила мне пальцем, глаза её весело заблестели.

— Я настоящий монстр, — ответил я ей в тон.
— Ну и как? Успел ты кого-нибудь встретить?
— Ты первая, кого я увидел.
— Разве в Барселоне нет других девушек? — Моника недоверчиво прищурилась.

— Я здесь первый день, не успел даже прошвырнуться по улицам. Разве я мог повстречать кого-нибудь? Но я рад, что увидел именно тебя, ты мне нравишься.

— Я? — Моника прекратила протирать стаканы и повернулась ко мне в профиль. — Я не могу тебе нравиться. Посмотри на мой нос, он совершенно не испанский. Он вздёрнут вверх. Разве может нравиться девушка с таким носом?

Она действительно была немного курносой, но в этом крылась часть её внешнего обаяния. Строго сложенные губки под таким носиком делали её на редкость забавной и милой.

— Я сразу обратил на тебя внимание. Я проходил мимо зала, где ты обслуживала туристов. Теперь вот ты в баре работаешь. Неужели у вас такая загрузка? Только успевай бегать туда-сюда.

— Да, мы работаем за двоих, — она снова принялась протирать стаканы. — А ты кто по профессии?

— Журналист.
— Должно быть, это очень интересная работа, — предположила она, улыбнувшись.

— Главным образом интересно в ней то, что есть возможность посетить самые неожиданные места. Всегда мечтал посетить Испанию, и вот я здесь... Послушай, Моника, а не взялась бы ты показать мне город? У тебя бывает свободное время?

— Завтра у меня выходной, но...

Она задумалась, словно колебалась, можно ли соглашаться на свидание с чужеземцем вот так, сразу, едва он поманил. Однако я смотрел на неё совершенно невинным взглядом. Мне показалось, что она согласилась, хотя она не произнесла «да». Её лицо не умело лгать.

— У тебя назначено другое свидание? — предположил я.

— Нет, — Моника смутилась и поспешила отвести глаза.

— Тогда почему «но»? Ты стесняешься меня? Или боишься? — Я улыбнулся как можно приветливее и разочарованно развёл руками. — Вот уж не думал никогда, что испанские женщины чего-то боятся.

— У меня нет другого свидания, я ничего не боюсь, я покажу тебе Барселону, — выпалила девушка, решительно сведя брови.

— Моника, — я подался вперёд, слегка перегнувшись через стойку бара, — у меня нет дурных намерений. Ты веришь мне?

Она пристально посмотрела на меня.

— Завтра я буду ждать тебя, но не здесь, не в отеле, — негромко сказала она.

— Где?

— У Святого Семейства. Тут близко. Ты знаешь этот собор? Встретимся с той стороны, где современные скульптуры. Одиннадцать утра тебе подойдёт? Я не смогу раньше, так как хочу немного отоспаться после работы.

— Я буду счастлив видеть тебя, — я поставил пустой стакан на полированную поверхность стойки.

Моника хорошо знала Барселону и живо рассказывала о родном городе, сообщая по ходу дела массу сведений о себе. Я много смеялся и с удовольствием фотографировал её. Я вёл себя непринуждённо, как может и должен вести себя беззаботный человек. Я был не разведчик, а просто человек, повстречавший милую девушку.

— Из тебя мог бы получиться настоящий гид, — похвалил я её.

— Я люблю историю, — призналась она. — Я хотела бы стать историком.

— В чём же дело? Поступай в университет.

— А деньги? Юра, на учёбу нужны деньги. У меня их нет. Мне ещё повезло, что я попала в «Арагон», я работаю там чуть более полугода. Не могу сказать, что эта работа мне противна, но нравится она может только полным дуракам. Чем я занимаюсь? Встречаю группы туристов,

обслуживаю их за ужином, оформляю документы, размещаю по номерам, работаю в баре. Нам полагается делать всё.

— Это я успел заметить.

— Но пусть уж это, чем совсем ничего. С работой сейчас трудно...

Провожая её домой, я купил ей букет цветов.

— Это мне? — не поверила она.

— Да.

— Почему? Мне никто никогда не дарил цветов.

— Я не знаю, как ещё выразить мою признательность тебе. И вообще... Ты очень милая девушка. Надеюсь, законы Испании не запрещают оказывать женщинам знаки внимания?

А сам подумал, что моей Татьяне я ни разу не дарил цветы, даже когда сделал ей предложение. Чёртова работа. Я вынужден быть не таким, какой я есть на самом деле. Ёлки-палки, а какой я на самом деле? Почему я никогда не дарил Тане цветов?

— Я хочу просить тебя, Моника, чтобы ты помогла мне освоить каталонскую речь, — сказал я ей через несколько дней.

— С удовольствием, — ответила девушка. — Но разве тебе не достаточно классического испанского?

— У вас тут заметно проявление националистических тенденций. Иногда в магазине со мной принципиально отказываются разговаривать, если я не обращаюсь к ним по-каталонски, — пояснил я.

— Да, пожалуй, ты прав, — согласилась она, — у нас такое есть. Самато я не обращаю на это внимание, так как разговариваю со всеми по-каталонски. Хорошо, что мы не в Басконии живём, вот уж где националисты! Говорят, там на границе установлен огромный щит с надписью на баскском языке: «Это вам не Испания!»

— Звучит угрожающе, — кивнул я.

Я встречался с Моникой почти каждый раз, когда у неё выдавался свободный вечер. Она искренне радовалась. У меня не было по отношению к ней никаких идей в плане оперативной разработки, но тем не менее я отмечал всё, что могло так или иначе пригодиться мне в будущем.

Однажды Моника сказала:

— Приглашаю тебя в гости. Ты не против? У меня есть хорошее вино. Тебе ведь нравится «риоха»? Я купила бутылку пятилетней выдержки.

— Моника, послушай меня, — я коснулся её руки, — когда женщина

приглашает...

— Я всё прекрасно понимаю. И приглашаю тебя.

Мы ехали в такси, всю дорогу мы молчали, словно вслушиваясь друг в друга. Я обнимал её одной рукой и вдыхал запах её чёрных волос. Когда машина остановилась, я мягко поцеловал Монику в губы.

— А теперь, пока мы не войдём ко мне, ты не обнимай меня, — шепнула она мне, выходя из машины. — Пусть никто не видит...

Дома она первым делом задёрнула занавески.

Она раздевалась, часто поглядывая на меня через плечо.

Интересно, пошёл бы я на знакомство с ней при схожих обстоятельствах, но если бы передо мной не стояла задача завязывать как можно больше знакомств. Пожалуй, нет. Почему? Моника очень мила, я сразу выделил её из остального персонала гостиницы. И всё же без надобности я не пригласил бы её на свидание, ведь Барселону я прекрасно изучил по справочникам, картам и учебным фильмам. Я мог найти всё, что могло заинтересовать меня как простого туриста или журналиста. Нет, я бы не пригласил Монику на свидание. Её внешность не разожгла во мне сексуального влечения, не пробудила желания флиртовать. Во мне давно не осталось бывшего юношеского любопытства к женщинам, так что на этот крючок меня подцепить было невозможно. Нет, без надобности я не сошёлся бы с Моникой. Собственно, и надобности-то никакой не было. Я завязал отношения с этой миленькой девушкой просто на всякий случай. Смешно и горько — сексуальные отношения на всякий случай...

— Юра...

Она вышла из ванной, обвязав бёдра длинным полотенцем. Сделав пару шагов, девушка застыла. Стоя на фоне яркого дверного проёма, сквозь который виднелся голубоватый кафель, Моника казалась тёмным изваянием. Ноги слегка расставлены, руки подняты вверх, оглаживая нежную шею, глаза полны ожидания. Обёрнутое вокруг крутых бёдер полотенце будто невзначай развязалось и соскользнуло на квадратные плиты пола. Но не случайно развязалось полотенце. Очень красиво распутался узелок. Забавная всё-таки она, эта черноволосая девчонка.

Фигурку свою она могла без стыда показать на любом пляже. Ножки у неё были чуть-чуть коротковаты, но это придавало Монике особый шарм, этакую пиренейскую дикую простоту, без подчёркнутой утончённости форм девиц, вышагивающих по длинному подиуму.

Моника тревожно вздохнула и выпрямилась. Красивые молодые груди подались вперёд, мягко округлённый живот дрогнул. Тёмный лобок растворился в упавшей на живот тени, и я не мог всласть насладиться правильностью чёрного треугольника волос.

— Ты пойдёшь в душ? — спросила она, усаживаясь передо мной на корточки.

— Да, — я с готовностью поднялся из кресла и засмеялся, указывая на свои оттопыренные брюки.

— Ты уже совсем готовенький, — засмеялась Моника в ответ.

Когда я вернулся в комнату, Моника поманила меня к себе, продолжая сидеть на корточках. Я опустился возле неё, не отрывая взгляда от её сверкающих глаз. От тела девушки шёл жар, я чувствовал его, даже не притрагиваясь к ней.

— О чём ты думаешь сейчас? — спросил я, ощущая горячее прикосновение её пальцев.

— Ни о чём. Я не умею думать, — отозвалась она шёпотом. — Я никогда не думаю, только чувствую.

— Так не бывает.

Она прижалась губами к моему лбу:

— Да, бывает. Только так и бывает. Не верю в то, что кто-то умеет думать. Думают только мерзавцы. Они вынашивают всякие планы, но редко открывают их, стало быть, вынашивают замыслы против других...

Я услышал одиночество в её голосе. Я услышал призыв о помощи. Ей, этой крепкой девушке с милым лицом, требовалась поддержка. Она устала ждать чего-то, работать ради того, чтобы иметь возможность ждать, устала жить ради этой работы. Она хотела соединиться с кем-то, упасть в сильные ладони и быть убаюканной в них, как в колыбели. Она жаждала утоления своей страсти и жаждала успокоения. Огонь испепелял её. Огонь не давал покоя. Огонь страсти, огонь боязни, огонь ожидания. Нет, она не могла быть подставой, она была обыкновенная девушка.

Чёрт возьми! Надо забыть обо всех делах.

Забудь сейчас обо всём, старик! Ты обыкновенный журналист, ты просто мужчина в объятиях замечательной молодой женщины.

Я прижался к Монике:

— Впусти меня.

— Я готова, — она откинулась на спину.

— Ты хочешь остаться здесь, на полу? Мы не пойдём в кровать?

Она раздвинула ноги вместо ответа и притянула меня к себе. Я плавно погрузился в неё, словно утонув в растопленном масле. Она закрыла глаза, а я продолжал смотреть. Мне нравились её губы. Теперь на них не осталось и следа той строгости, которую напускала на себя Моника на работе, теперь губы выглядели мягкими и беззащитными. Я с удовольствием смотрел на эти губы. Они принадлежали человеку, который находился в состоянии блаженства, забыв о всех своих заботах. Длинные чёрные ресницы девушки подрагивали.

Должно быть, она сейчас грезилась, видела какие-то формы. Что ей представлялось? В какие цвета выливались её чувства? У неё было спокойное лицо, буйство страсти ушло. Она будто получила гарантии в своём дальнейшем благополучии. Она расслабилась... Если бы она могла представить, что занималась любовью со шпионом... Впрочем, зачем ей представлять что-то? Для неё я был просто мужчина. Возможно, теперь даже любимый мужчина. Поэтому ей спокойно. Пожалуй, я мог лишь позавидовать ей.

Моника тихонько застонала и потрянула головой. Её чёрные волосы разметались по узорчатым плитам пола.

— Малышка, — проговорил я нежно, — давай перейдём в постель. Ты застудишься на полу.

— Мне всё равно. Сейчас так хорошо...

— А мне не всё равно.

Она распахнула глаза, как ворота в другой мир, и глянула мне в лицо.

— Тебе не всё равно? Ты беспокоишься? — она недоверчиво улыбнулась. — Ты хочешь сказать, что я не безразлична тебе?

— А как же иначе? Разве я был бы сейчас у тебя, если...

— Мужчина и женщина... Это ведь так просто...

— Это просто, — согласился я, — но ты одинока. И дело не в том, что у тебя давно не было мужчины.

Она ловко выскользнула из-под меня и села рядом.

— Ты полагаешь, я одинока?

Я кивнул и, протянув руку к её груди, легонько погладил её соски.

— Я вижу, что ты одинока. Ты, конечно, хочешь выглядеть сильной и независимой, но...

— Да, ты прав, я могу тебе признаться, только тебе... Может быть, ты уйдёшь от меня... Сейчас я не хочу этого... Мне жить одиноко и страшно. Меня окружает только неопределённость. Даже в церкви я не испытываю никакой уверенности, а ведь я хожу туда, чтобы общаться с Господом, получить от него уверенности в себе самой. Я улыбаюсь, но мне страшно жить. Мне страшно жить, но мне страшно и о смерти думать. Я верю в загробный мир, но боюсь смерти — как такое возможно? Скажи мне, почему я боюсь смерти? Здесь так обременительно, так мало радости, так много беспокойства! Всё вокруг обманчиво. Всё приятное перемешано с неприятным, но неприятного больше, поэтому его боишься. Боль сильнее наслаждения, поэтому я думаю о боли, стремлюсь избежать её, но её так много! Боль повсюду — в душе и в теле. Когда я получаю удовольствие, я получаю его только наполовину, ибо слышу всякий раз, как оно приближается к концу. Всякое облегчение после страданий — как долгожданный выходной день после долгой рабочей недели. После облегчения снова навалится тяжесть, обязательно навалится. Я знаю это, страшусь этого... И потому ожидание этой тяжести зачастую гораздо страшнее самой тяжести...

— Я не могу успокоить тебя, — я положил голову ей на плечо, — не могу. Я сам живу, как в аду. Собственно, наш мир и есть настоящий ад. Может, здесь даже ужаснее, чем в преисподней, так как каждый человек здесь выступает в роли дьявола для другого... И столько этих дьяволов вокруг! Все мы терзаем друг друга, обманываем, наши отношения отмечены печатью жестокости и несправедливости...

— Но ведь ты... Разве ты обманываешь меня? — Моника поднялась на локте, волосы упали ей на лицо. — Почему ты говоришь «все», когда ты сам не такой, как все? Я же вижу, что ты по-настоящему искренен со мной.

— Я не обманываю тебя и не намерен обманывать, — я улыбнулся. — Но если я буду говорить тебе только правду, то есть всю правду, то тебе эта правда покажется беспощадной.

— Всю правду? Значит, ты что-то скрываешь от меня?

— Мы все чего-то недоговариваем, но не потому, что скрываем что-то.

— Я догадалась. У тебя есть жена! Так? Ты *этого* не сказал мне? — взгляд девушки сделался серьёзным. — Но это вовсе не страшно. Подумаешь — жена! Это лишь другая женщина, которая была у тебя

до меня. У меня тоже были мужчины... Я буду хорошей женщиной для тебя. Ты будешь доволен...

Я улыбнулся. Как быстро она нашла самое нестрашное из того, что могло испугать её.

— Разве дело в жене, Моника? Я приехал из другой страны по работе, и я не знаю, как часто меня будут присылать сюда. Ты понимаешь это? Через месяц я уеду, затем вернусь. Но однажды я уеду навсегда.

— Я не хочу сейчас думать об этом. Поцелуй меня, вот сюда... и сюда...

Перед отлётом в Москву я переговорил в Мадриде со Стариком, дав ему подробный отчёт.

— С этой девицей вы, Юрий Николаевич, конечно, сошлись предельно близко? — спросил резидент, хитро улыбаясь. — Это не для официальных бумаг, а для меня. Я должен знать всё, кроме подробностей ваших сексуальных игр.

Я кивнул, чувствуя себя немного смущённым. Я хорошо помнил его наставления: не вступать в интимные отношения с иностранками без оперативной необходимости. В этот раз я вполне мог прикрыться такой необходимостью, но мне было как-то не по себе от обсуждения этой стороны дела. Всё-таки постель есть постель, хоть зачастую служит многим агентам самым надёжным местом добычи информации.

— Ладно, не прячьте глаза. Работа есть работа. Вы отметили в отчёте, что Моника интересуется историей? — уточнил Старик. — Эта информация может быть полезной. Вы сказали, что она мечтает поступить в университет? Так, так... Девушка будет проходить у нас под кличкой Историк. Сколько ей лет? Двадцать? Очень хорошо. Можно, конечно, использовать её в гостиничном сервисе, но стоит ли? Историк, имеющий доступ к архивам, куда полезнее для нас. Можно было бы помочь ей с образованием... Впрочем, это не мне решать... Я pošлю запрос в Центр, — он с удовольствием крикнул, и я понял, что именно возникло у него в голове.

Разведка часто занимается разработкой людей из среды молодёжи, особенно уделяя внимание студентам, опекая их, оказывая финансовую

поддержку, проталкивая в нужном направлении и тем самым возвращая нужного для себя агента для будущих работ. Если бы Центр вдруг счёл Монику перспективной с точки зрения разработки, то мы могли бы оказать ей содействие в поступлении в университет, поддерживали бы её. Дальше — работа, рост, положение, влияние...

Я знал множество таких историй, познакомившись с ними в архиве академии, и не видел в них ничего дурного. Но в данном конкретном случае какая-то заноза кольнула меня в сердце. Мне жаль было превращать Монику в послушную игрушку. Впрочем, она, может быть, никогда и не узнает о том, что ею пользуются скрытые силы чужого государства. Мало ли кто из людей чего не знает. Мало ли кто о чём рассказывает своим друзьям, не подозревая, что выкладывает агенту иностранной разведки прекрасный повод для вынашивания серьёзных планов.

— Юрий Николаевич, когда явитесь к руководству в Центре, вы им там подробностей о девушке не излагайте. — Старик бросил на меня многозначительный взгляд. — Понимаете меня? У них там некоторые любят умниками себя представить и могут раздуть это в такой пузырь, что их самих кондрашка хватит от страха. Мне тут потом отдуваться, отписываться от глупых вопросов. Я полагаю, что кое о чём всегда можно умолчать... Вы не женаты?

— Жены у меня пока нет.

— Тогда вам вообще наплевать, даже если испанские коллеги поднесут вам однажды памятные фотоснимки.

— Да, — согласился я, — наплевать. Впрочем, если снимки окажутся хорошие, я не откажусь приобрести некоторые из них на память.

— Хорошо, что у вас всё в порядке с чувством юмора.

В Москве меня встретила Татьяна. Она приехала в Шереметьево чуть раньше, чем самолёт совершил посадку и с нетерпением ждала моего появления.

— Я так соскучилась! — выпалила она мне в самое ухо, обнимая меня и прижимаясь ко мне всем телом.

— Я тоже, — я внимательно проследил за моими чувствами в ту минуту. Нет, я не лгал. Я очень радовался встрече с Таней. Я очень любил

её. И у меня не было ни намёка на угрызение совести касательно моей связи с Моникой. Моника есть Моника. Татьяна есть Татьяна. Это разные сферы, разный уровень, разная глубина чувств. — Я очень соскучился, Танюш, и очень хочу тебя.

— Да я уж чувствую, — засмеялась она. — Твоё оружие уже наготове.

— Если бы не толпа вокруг, я бы занялся с тобой любовью прямо здесь.

— А я бы не занялась. Я принадлежу к числу воспитанных и добродетельных женщин, милый... Ладно, пошли. У тебя вещей больше нет? А где же грязные носки и трусы? Или ты не менял их ни разу в течение целого месяца? — Она шаловливо постучала меня кулачком в грудь. — Грязнуля... Мог бы завести себе какую-нибудь хорошенькую домохозяйку.

— Я жил в гостинице и был там нарасхват. Все горничные были по уши влюблены в меня и почитали за высочайшую честь постирать мои трусы, а носки девушки забирали себе в качестве амулета, мне же покупали взамен новые.

— Хвастун и болтун! Впрочем, я не сомневаюсь, что именно так и было...

На следующий день я поехал в Центр, встретился с моим начальством, а через неделю уже вовсю занимался заботами по устройству аккредитации в Испании. Это ни в коем случае не должно было иметь отношения к разведке. Это должна была быть обычная аккредитация. Стопроцентная. Фундаментальная. Чтобы никаких подозрений.

— Ну, — заговорила как-то вечером Таня, устраиваясь калачиком на диване возле меня, — надолго ли тебя оставляют в Москве? Как продвигаются твои дела? Будет ли у нас время поворковать в нашем семейном гнездышке?

— Семейном? — я с интересом повернулся к ней. — Неужели ты надумала всё-таки выйти за меня замуж?

— Пока нет. Но разве наш дом не похож на дом, где обитает настоящая семья? Разве я не похожа на настоящую жену?

— Похожа.

— Вот и наслаждайся этой семейностью. Считай себя семейным человеком, когда мы вместе.

— Вот как ты всё поворачиваешь.

- Очень нормально поворачиваю.
- Сразу виден профессиональный психолог.
- А жена разведчика сразу не видна? — засмеялась она.

В ответ я сорвал с её губ продолжительный поцелуй. Освободившись от меня, Таня спросила:

- Что там в твоём журнале?
- Я привёз пять готовых статей. Кое-что ещё у меня лежит в записке на будущее. Первых впечатлений много, материал сам складывается.

— Это хорошо, — задумчиво проговорила Таня.

Я заметил, что она унеслась мысленно куда-то далеко.

— О чём загрузила? — спросил я.

— О твоих книгах... Получится ли у тебя теперь работать не только над статьями для «Поколения-7» и над служебными отчётами, но и над книгами? — Таня повернулась, и я увидел прямо перед собой её блестящие чёрные глаза. — Юрка, а почему бы тебе не предложить кому-нибудь опубликовать твои книги?

— Какие?

— «Пустырь», «Ведьму»...

— Почему ты думаешь, что кто-то станет печатать их?

— Ты уже известный журналист. Конечно, пока ещё не звезда, но у тебя уже есть имя, даром ты что ли во время учёбы в академии статьи выдавал одну за другой. У тебя есть читатели, даже поклонники, — она хитро прищурилась. — Вот если бы они ещё знали, что ты по совместительству и активно действующий шпион, то оторвали бы твои книги с руками, даже не интересуясь содержанием.

— «Ведьму»? Ты бы ещё «Уснувшее озеро» предложила.

— А почему нет?

— Это всё далёкие какие-то для меня вещи. Давно я их написал. Признаюсь, мне даже немного стыдно предлагать их кому-то. Вот если бы я закончил «Бараний поток»...

— Так заканчивай!

— Времени не хватает, Танюш. Ты ведь сама всё понимаешь.

— Вот ты и сказал своё слово. Ты сам признался.

— В чём?

— В том, что времени не хватает. Ты ответил на мой вопрос, останется ли у тебя время для написания книг... Не останется. Стало быть, ты губишь себя.

— Я этого не говорил, — возмутился я.

— Именно это ты и сказал, Юрочка. А я тебе скажу так: если бы я могла представить, что ты оставишь литературу, то я бы никогда не пришла к тебе.

— Ты шутишь?

— Нет! — Глаза Татьяны опасно сверкнули. — Я не шучу. Ты был интересен мне тем, что не был похож на других. Ты был особенным. И вот ты начинаешь медленно, но верно терять те самые качества, которые меня покорили. Ты был силен...

— Разве теперь я слабый?

— Нет, не слабый. Но ты был силен своим творческим духом, а не воинским.

— Чем тебя не устраивает воинский дух? Настоящий самурай обязан уметь сочинять стихи и владеть изысканной каллиграфией.

— Юрик, не спорь. Ты же прекрасно понимаешь, о чём я говорю. Меня не интересуют ни японские четверостишья, ни красиво написанные тушью иероглифы. Ты был для меня дверью, через которую я могла входить в неведомый мне мир. Я была счастлива тем, что у меня была такая возможность. Понимаешь? Ни у кого не было такой возможности, только у меня! И этот мир был бесконечен, непредсказуем. Ты всё время что-то делал, что-то выдумывал, о чём-то рассказывал, куда-то увлекал. Я видела зачастую самые банальные вещи со столь неожиданного ракурса, что у меня захватывало дух. И этот ракурс был результатом твоего воображения. Но вот уже четыре года, как ты почти ничего не пишешь.

— Это неправда!

— Правда, милый мой человечек, правда. То, что ты делаешь — я имею в виду литературу, а не твою проклятую разведку — это даже не черновики.

Я задумался. Если быть честным перед собой, то я, конечно, за три года учёбы в академии почти ни над одной из моих книг не работал. Год, прошедший после окончания, тоже не принёс литературных результатов. Я опубликовал множество материалов в журнале, но эти материалы не имели ничего общего с тем, что я писал прежде, в них не было выхода в иные пространства, у них была иная задача.

— Ты полагаешь, что я растерял себя? — спросил я.

— Не знаю, Юрочка. Но мне очень не хватает того, что ты делал

раньше... чем ты был раньше. И с каждым месяцем мне не хватает этого всё больше.

— Но...

— Не переубеждай меня. Я знаю, что подсказывает мне сердце, — Татьяна взмахнула руками. — И я уверена, что твоё сердце шепчет тебе то же самое. Просто ты не слушаешь себя. Тебя задавила служба... Помнишь, как Борис Леонидович сказал тебе однажды, что разведка не терпит людей особенных? Так вот ты постепенно теряешь особенность. Ты становишься обычным. А ведь ты только начал идти по дороге твоей шпионской карьеры. Ты только начал...

— Потерпи.

— Долго ли? Ты только начал этот путь... На тебя ещё не обрушилась вся тяжесть твоей работы. Представь, сколько изменений произойдёт с тобой в ближайшие год-два... Ты ведь станешь совсем другим... И что тогда? Ты превратишься в чужого человека.

— Чего ты хочешь? — Я поднялся с дивана, чувствуя накатившее на меня раздражение и не зная, как с ним справиться. Таня была права. Спор не имел смысла. — Чего ты хочешь?

— Я уже сказала: отдай книги в издательство.

— В какое? У меня нет времени искать издателя, не могу заниматься этим.

— Я сама займусь! Дай мне доверенность. Напиши мне бумагу, что я — твой агент.

— Агент? — Юрий вздрогнул.

— Книжный агент... Боже мой, ты совершенно свихнулся на своей службе... Я ведь о книгах говорю. Я займусь твоими книгами. Ты только согласишься.

— Зачем тебе это?

— Это подхлестнёт тебя к работе. К литературной работе. И тогда ты вернёшься в свой мир, я точно знаю это... Пусть ты даже останешься разведчиком. Просто ты будешь не таким разведчиком, как все... Поверь мне. Я знаю, что говорю.

— Я верю тебе, малыш, верю.

Ступени

В один из солнечных дней Юрий Полётов предстал в Мадриде перед Стариком. В разговоре участвовали ещё два сотрудника резидентуры. В конце двухчасовой беседы, в которой перед Полётовым были поставлены ближайшие задачи и обрисованы некоторые далеко идущие планы, шеф сказал:

— Есть ещё одно дело, Юрий Николаевич, на которое я прошу обратить внимание.

— Что именно?

— Прошла информация о том, что в Европе сейчас действует целый ряд религиозных организаций, которые всеми силами пытаются продвигать своих людей в высшие эшелоны власти. Эти организации имеют, если верна информация, широкую агентурную сеть, что, впрочем, меня ничуть не удивляет. Сегодня любая организация имеет свою службу безопасности, разведку, контрразведку и чёрт знает что ещё. Даже какой-нибудь сраный — простите за грубость — игорный дом, и тот кишит своими агентами. Никогда толком не знаешь, что за контора прилипла к тебе. Ну так вот... Есть непроверенная информация о том, что некоторые фонды занимаются активной поддержкой русской православной церкви.

— В России? Какой же у них интерес?

— Одно из направлений их деятельности (ещё раз повторяю, что это информация пока ничем не подтверждена), так вот одно из направлений их работы, похоже, заключается в том, что они пропагандируют православие, намерены создавать православные школы, требуют придать церковным праздникам статус государственных, — Старик сделал многозначительную паузу. Полётов ждал продолжения. — На первый взгляд может показаться, что в этом нет ничего серьёзного. Но наличие государственных православных праздников в нашей стране — опасно. Во-первых, государство незаметно потеряет свою светскость, попадёт под власть церкви.

— Религия станет идеологией, — сказал Полётов.

— Я закоренелый атеист, не верю в Бога, — продолжил Старик, — но если уж говорить о вере, то человек должен сердцем выбирать свою веру. Насаждение любых доктрин чревато тяжёлыми последствиями. Собственно, какая разница, с помощью чего детям «пудрят мозги» — коммунистическими символами, нацистскими или религиозными. Государство не имеет права становиться на одну ступеньку с церковью. Религиозность — личный выбор человека. Представители церкви давно обзавелись множеством влиятельных друзей в высших эшелонах власти и с их помощью активно укрепляют свои позиции. Церковь сегодня превратилась в партию. Это моё личное мнение, я могу заблуждаться, но не хотел бы, чтобы наши дети и внуки дожили до времени, когда христианство станет главным знаменем в нашей стране. Это будет похлеще сталинизма. Там всех клеймили за нелояльность по отношению к большевикам, а тут будут жечь на кострах за нелояльность к «истинной» вере. Абстрактное слово «грех» превратится со временем в страшное обвинение. Массы религиозных фанатиков — прекрасный материал, чтобы манипулировать страной... Во что превратился Ближний Восток? Религиозные фанатики подминают под себя одну страну за другой, прикрываясь исламом. Террор распространяется с бешеной скоростью. По сути это фашизм... Но вернёмся к сегодняшнему дню. У нас на руках лишь одно — информация о финансировании из-за рубежа различных общественных фондов, имеющих православную окраску. На первый взгляд в этом нет ничего плохого. Однако в действительности это — попытка подточить государственные устои. Нашу страну не удалось сломить ни открытой войной, ни экономическими санкциями, теперь, похоже, делается ставка на другие рычаги. С Запада к нам текут деньги на поддержку любых организаций, которые вносят смуту в общественную жизнь, теперь же особое внимание стало уделяться религии. Возможно, через это будут подпитываться близкие к церкви организации, проповедующие нетерпимость к чему угодно.

— Если это так, то задумано тонко, с перспективой.

— Фундаментальное усиление одной из конфессий в стране фактически подводит базу для усиления религиозной вражды, а затем и этнической. Нетерпимость — худшее из зол. Уже сейчас чувствуется горячность, многие церковники проявляют небывалую напористость, роют копытом землю. Не к добру... Так вот, Юрий Николаевич, надо

нащупать, какие организации имеют отношение к этому, так сказать, проекту. Нам нужны люди из этих организаций.

— Может быть, есть агенты, которые располагают соответствующими связями?

Старик посмотрел на Полётова с удивлением:

— Если бы у нас были такие агенты, Юрий Николаевич, или было бы вообще что-нибудь осязаемое по этой теме, перед вами сейчас ставились бы более конкретные задачи... Попробуйте поискать. Под вашей журналистской «крышей» это сделать легче, чем под любой другой. Одним словом, приступайте к работе. Да, вот ещё что. Послезавтра мы будем проводить встречу с агентом, которого потеряли три года назад. Он проходит у нас как Эль Греко. По информации Центра, Эль Греко был завербован шесть лет назад на компрометирующих материалах, затем сотрудничество было подкреплено материальной основой. Он служил в посольстве в Москве, потом вернулся на родину и исчез. Меня лично настораживает тот факт, что с ним не были проработаны условия связи на будущее. — Старик задумался и сказал: — Полагаю, что от Центра мы не получим ничего иного, кроме того, что нам уже прислали для размышления. На этого Эль Греко мы вышли здесь совсем недавно. Он работает курьером, напрямую связан с секретными документами. Но как вести себя с ним? Всё-таки три года прошло. За это время он мог уже покаяться в своих грехах, хотя вряд ли... В двух словах: он никак не соглашался приходить на встречу, а когда, наконец, согласился, то всё-таки не пришёл. Ни первый вариант встречи не сработал, ни запасной. Этим подозрительным Эль Греко занимается Вадим, — резидент указал рукой на молодого человека, сидевшего в углу кабинета. — Вадим ездил на повторные встречи через неделю, но тоже безрезультатно.

— Похоже, Эль Греко прячется?

— Когда мы снова вышли на него, он стал объяснять что-то невразумительное про здоровье и какую-то другую срочную работу... Очередная встреча назначена на послезавтра. Едет Вадим, так как он с ним уже знаком. Вы отправитесь туда со Степаном Пархоменко. Полагаю, что поначалу хорошенько прошвырнётесь по городу, может, заглянете в музей куда-нибудь. А затем зайдёте перекусить в «Парадисо». Все детали узнаете от Степана...

Полётов и Пархоменко появились в «Парадисо» чуть раньше

назначенного срока.

— Нервничаешь? — Степан улыбнулся. Он был года на три старше Юрия, но выглядел совсем юнцом.

— Тебя вон тот хлюст в полицейской форме не смущает?

— А что с ним? Обыкновенный полицейский.

— Топчется возле самого входа, — с сомнением в голосе сказал Юрий.

— Пусть топчется. Пошли внутрь.

В «Парадизо» стоял шум, играла музыка.

В глубине зала сидела за столиком темноволосая девушка. Это была переводчица резидентуры, которая в силу своей работы не могла находиться в поле зрения испанских спецслужб. Она была блондинкой, но пришла в «Парадизо» в чёрном парике. Юрий не был знаком с ней.

— Светка чертовски хорошо выглядит, да? — не то спросил, не констатировал Степан и подмигнул Юрию.

— Светка?

— Она заняла столик для Вадима. Вообще-то надо было послать менее привлекательную бабёнку.

Они устроились за стойкой, разглядывая зал через зеркало на стене. Вадим пришёл ровно в назначенный час и неторопливо проскользнул между занятыми столиками к Светлане. Она сразу поднялась, уступив своё место Вадиму, и направилась к выходу, оставив деньги за свой кофе на столе. Полётов нервничал. Ничего особенного не происходило, но он нервничал и боялся, что это могло быть видно со стороны.

— Всё в порядке, — проговорил Степан в свою кружку, — вот и наш клиент.

Юрий заметил высокого худощавого мужчину в светлом костюме. Он остановился перед стойкой и взял себе бокал вина. Потоптавшись на месте, он задержал усталый взгляд на столике, где сидел Вадим, причмокнул, сглатывая вино. Юрий отчётливо видел его отражение. Его брови сложились в многозначительную складку, поднялись и упали на прежнее место. Он пошёл к Вадиму, не глядя на него впрямую, но будто подыскивая для себя место поудобнее. Остановившись, он обратился к Вадиму, спрашивая, можно ли присесть к нему. Они начали неторопливый разговор.

Когда всё закончилось, Полётов чувствовал себя прескверно.

— Нервы? — посочувствовал Степан.

— Они самые, — признался Юрий, — не думал, что меня так продерёт.

— Сейчас прямым ходом к Старику. Доложим, порадуем.

Вечером, когда у Старика появился Вадим, стало известно позже, что встреча с Эль Греко прошла удачно, агент согласился вернуться к работе.

— Можно отметить этот факт стаканчиком красного вина, — предложил Степан.

— Ваше право, ребята, — кивнул Старик. — Только без меня. Сердце что-то пошаливает. Хочу отдохнуть. Завтра много неотложных дел.

Через два дня Полётов улетал в Барселону. Зайдя к Старику попрощаться, он застал резидента в угрюмом настроении.

— Что-нибудь случилось? — спросил Юрий, усаживаясь в кресло напротив шефа. — Я не вовремя?

— Вы не можете быть не вовремя, Юрий Николаевич, так как я назначил вам именно это время для встречи. На мою хмурость не обращайтесь внимания. Возраст сказывается, случаются приступы хандры... Но это между нами... Вы-то как? Готовы лететь?

— Perfecto, — отозвался Полётов. — Всё отлично.

Резидент достал из-под стола банку растворимого кофе и протянул её Полётову:

— Это надо передать сеньору Отеро Де Сильва, он руководит газетой «Финансьял». Вас к нему направляет ваш общий друг Кирпиченко. Кофе — подарок от Кирпиченко. При встрече обязательно подчеркните, что именно от Кирпиченко. Это очень важно. В кофейной банке лежат деньги, плата за выполненную работу... Согласно легенде, у вас заказ на статью о каких-нибудь финансовых проблемах российских портов, поэтому вам нужна помощь Отеро в проведении сравнительного анализа с испанскими морскими портами. Детали додумайте сами. Адрес «Финансьяль» найдёте в любом справочнике... Теперь касательно вашего Историка, — резидент сделал паузу, и Юрий внутренне напрягся, представив лицо Моники. — Начинайте разработку. Я получил добро из Центра. Впрочем, вы, должно быть, сами слышали об этом, когда ездили в Москву. Нет? Ну, теперь слышите от меня... Ведите себя мягко, Юрий Николаевич, девушка должна чувствовать дружеское, очень дружеское участие. Начните готовить её к мысли, что она сможет поступить в университет и что вы постараетесь найти для этого нужную поддержку. Никаких гарантий не давайте. Пусть начинает заниматься, пусть готовится, пусть прикладывает силы, а мы создадим нужную

поддержку с нашей стороны. Поглядим, как будут развиваться события...

Выйдя из кабинета резидента, Юрий машинально взвесил в руке банку с растворимым кофе, но думал при этом о Монике. Значит, милая девушка всё-таки будет превращена в орудие разведки. Юрию стало грустно. Он вдруг почувствовал себя так, будто кто-то огромный и наглый вторгся в его личную жизнь. Да, он сошёлся с Моникой только по служебной необходимости, ему нужна была женщина в Барселоне, может, даже не одна...

— Я видел афишу, открывается сезон корриды. Не составишь мне компанию? — спросил Юрий.

— Нет, — сухо сказала Моника.

— Почему?

— Так... Не люблю корриду...

— Но почему?

Она пожала плечами и не ответила. Прошло несколько минут, и девушка вдруг заговорила:

— Ладно, я скажу... У меня был парень, его звали Маноло. Он был хороший матадор, к нему только-только начала приходить настоящая слава... И вот бык убил его... Я сама видела... Это выглядело ужасно... Как кукла, мягкая, помятая, безвольная, он висел на рогах, а потом упал под ноги быку. И никто из его команды не сумел помочь ему. А ведь Маноло был очень ловок и силен. Я боготворила его тело, такое стройное, мускулистое, гибкое... Я ненавижу корриду и с тех пор ни разу не была на арене. Ты понимаешь меня?

— Понимаю. Ты уж извини, что я завёл этот разговор. Я схожу на представление сам.

— Сходи. Нельзя понять Испанию, не побывав ни разу на корриде.

«Пласа де торос Монументаль» производила впечатление мощного античного сооружения. Слившись с пёстрым людским потоком, Полётов устремился внутрь, испытывая чувство мистического восторга. Проходя под сводами тёмной каменной арки, он ощутил себя жителем древнего мира, которого манил к себе запах потных гладиаторов, обещавший потоки крови и яростную схватку за жизнь. Зрители возбуждённо гудели, перекрикивались, приветственно помахивали друг другу. Звучал оркестр.

Если судить о зрелищности корриды по обилию крови, то Юрию повезло. Первый выпущенный на арену бык сбросил с лошадей трёх пикадоров, поджидавших его с пиками наперевес; две лошади упали замертво, заливая песок тёмной кровью; у одной из них вывалились кишки; третья в испуге металась туда-сюда, свалив набок свои защитные покрывала. Рёв публики оглушил Полётова, люди повскакивали с мест, размахивая руками. Свирепость быка привела толпу в восторг.

— Оле! С этим будет нелегко сладить! — бешено вопил кто-то из-за спины Юрия.

Служители бегали по арене с большими корзинами песка, засыпая лужи крови. Под громкие аплодисменты на арене появились новые всадники с пиками. Глаза лошадей были закрыты щитками, чтобы вид свирепого быка не пугал их, но животные чуяли кровь и присутствие мёртвых коней, и это заставляло их сильно нервничать. Они отказывались повиноваться наездникам, и публика обрушивала за это на пикадоров лавину насмешек.

В конце концов появился матадор со шпагой в руке, помахивая ею, как тросточкой. Со стороны казалось невероятным, что эта крохотная булабочка могла сразить тяжеленную тушу быка с одного удара. Матадор развернул мулету — красное полотно — и, подступив к быку на пугающе-близкое расстояние, сделал несколько взмахов перед мордой животного. Бык рванулся вперёд, воткнутое в его спину банделильи — украшенные цветами и пёстрыми лентами короткие дротики — вздрогнули, надорвали кожу быка острыми наконечниками. Из-под них побежала кровь. Кровь была хорошо видна. Юрию казалось, что она стекала по телу быка двумя волнами — тёмной и ярко-алой.

«Какая разная кровь в одном теле», — подумал он.

Каждый взмах мулеты в руках матадора вызывал восторженный рёв толпы, зрители вскидывали вверх руки, размахивали белыми платками, и тогда казалось, что над стадионом вдруг начинали трепетать сотни тысяч белоснежных мотыльков.

Вот тореро сделал очередное элегантное движение, пропуская мощную тушу быка в нескольких сантиметрах от своего бедра. Послышались отдельные голоса, выкрикивавшие имя тореадора.

— Маррон! Маррон!

Бык споткнулся, тряхнул пыльной спиной, от чего кровь потекла из ран с новой силой, оставляя грязные следы на тёмной шкуре.

Полётова потрясла атмосфера цирка, охвативший всех дух безумства. Не шум, не яркие краски, не ловкость пышно наряженных toreros, но правивший на арене дух поверг Юрия в мрачное настроение. На глазах зрителей тореадоры подвергали себя смертельной опасности. Справедливая ли, честная ли это была игра, затеянная людьми против могучего рогатого животного? Равны ли были их шансы? Не в том суть. Они выставляли смерть на показ. Они проливали кровь ради толпы, они убивали ради толпы. А почему бы тогда не выходить красиво одетым сеньорам и не играть на глазах у восторженной публики в «русскую рулетку»? Пять попыток застрелиться при одном патроне в барабане. Чем это развлечение было хуже корриды?..

Шпага матадора вошла точно и невероятно мягко. Бык отступил на шаг, его задние ноги подогнулись, он вздрогнул и в следующую секунду тяжело свалился на песок. Тореро элегантно поклонился зрителям и подошёл к неподвижной чёрной туше. Шпага вонзилась в быка по самую рукоятку, её совсем не было видно. Матадор выдернул своё оружие и поднял его над собой. Толпа бешено кричала.

Юрий поднялся и направился к выходу. Нет, коррида не пробудила в нём восторга.

Медленно шагая вверх по улице, он слышал за спиной звуки оркестра. Праздник в цирке продолжался. На арену выпустили очередного быка.

Полётов остановился перед крохотным кафетерием и взял себе бокадилью с ветчиной. Несколько мужчин сидели в глубине заведения и неторопливо отправляли в рот порции пазлы, окуная хлеб в тарелочки с густым соусом и запивая красным вином.

На углу улицы, которая вела к отелю «Арагон», Полётов зашёл в фотоателье, на которое обратил внимание ещё вчера.

— Добрый вечер! Могу я оставить вам фотоплёнки? У меня их пять штук.

Заказ приняла совсем молодая девушка. Она осмотрела Юрия с ног до головы огромными глазищами, причмокнула пухлыми ярко накрашенными губами и протянула квитанцию.

— Кто у вас тут хозяин? — поинтересовался Юрий.

— Сеньор Суарес.

— С ним можно поговорить?

Девушка недовольно пожала плечами, похоже, собираясь заворчать,

и сжала свои вишнёвые губы.

— У вас прекрасный кулон, сеньорита, — сказал Юрий, указав на болтавшуюся у неё на шее безделушку, и одарил её улыбкой, которая должна была растопить даже сердце андерсеновской снежной королевы. Она повела чёрной бровью и усмехнулась, мол, у неё всё прекрасно. Юрий поторопился довести начатое наступление до конца и вкрадчиво проговорил: — Если бы я знал хотя бы два-три десятка слов по-каталонски, я бы наговорил вам кучу настоящих любезностей. Увы! Я говорю лишь по-испански и то не слишком уверенно, я ведь приехал из другой страны.

Она негромко хохотнула, запрокинув голову, и отмахнулась. Вильнув оттопыренным задом, она ушла в боковую дверь. Через две минуты появился низенький мужичок, помятое лицо которого украшалось громадным носом.

— День добрый, сеньор Суарес. Не могли бы вы уделить мне минутку-другую?

— Что вам угодно, сеньор?

— Видите ли, я приехал из Франции, — сказал Полётов, — мне много приходится фотографировать, так как я работаю журналистом. Я хотел просить вас обратить особое внимание на мои плёнки. Мне очень важно, чтобы они были проявлены и отпечатаны качественно.

— В моей мастерской всё делается качественно! — В голосе хозяина прозвучал вызов. Его свесившийся над губами нос шумно шмыгнул.

Полётов ожидал такой реакции, поэтому продолжил как можно более доброжелательным тоном, отведя Суареса под локоть чуть в сторону и отвернувшись от девушки:

— У меня не было желания обидеть вас, сеньор Суарес. Просто я готов заплатить вам дополнительно за то, чтобы вы проследили за работой. Иногда фотографии бывают нужны мне в этот же день. Такая уж специфика моей деятельности. Я должен знать, что получилось, и успеть переснять, если что-то мне не нравится. — Юрий понизил голос. — Сколько я должен вам сверх нормы?

Услышав про дополнительный заработок, хозяин сразу подобрел.

— Конечно, я готов помочь вам, сеньор. Вы гость в нашей стране. Я буду польщён оказать вам эту маленькую услугу. Ваши плёнки и отпечатанные снимки будут готовы сегодня же... Ох, сегодня уже поздно. Но утром ваш заказ будет ждать вас... Как вас зовут?

— Антуан Полье, — ответил Юрий и положил в его ладонь сумму, которая оплатила бы проявку целого ящика фотоплёнок.

— Это слишком много! — Суарес вытаращил глаза.

— Я буду часто заходить к вам, мой друг, — объяснил Юрий. — Иногда на меня обваливается целая лавина работы. Кроме того, — Юрий придвинулся к его уху, — на моих плёнках могут быть снимки совсем не служебные, а с некоторыми моими подругами. А женщины, вы понимаете, не любят, когда некоторые их, скажем так, откровенные снимки попадают в чужие руки...

— Я всё отлично понимаю, сеньор Полье. — Суарес многозначительно приложил указательный палец к своим губам. Затем он взвесил на ладони кассеты с плёнками с проговорил с заметной грустью: — Нынче всё меньше людей пользуется фотоплёнкой, предпочитают цифровые аппараты.

— Вам не нравится цифровая съёмка?

— А что в ней хорошего? Только необыкновенная чёткость. Но разве в качестве фотографии чёткость играет главную роль? Нет, сеньор, сама плёнка придаёт снимку свой вкус, свою прелесть... Фотоплёнками пользуются всё меньше и меньше. Многие вообще ничего не печатают, рассматривают снимки прямо в компьютере! Это ужасно, сеньор, по-настоящему ужасно! В погоне за новыми технологиями народ потерял чувство прекрасного...

Полётов покинул ателье, довольный тем, что удалось завязать отношения с его владельцем. Юрию нужно было найти несколько мест, которые могли бы в будущем служить так называемыми «почтовыми ящиками», где агенты могли бы оставлять важную информацию для Юрия и его коллег. Мастерская Суареса вполне могла бы служить такой точкой. Надо было лишь приучить хозяина к мысли, что он будет регулярно получать деньги за эту услугу. Не за внимательное отношение к заказам, разумеется, а за хранение пакетов, которые ему будут передавать для журналиста Антуана Полье его друзья. Но всему своё время. Пока Юрий лишь бросил Суаресу наживку. Тот проглотил её.

Деньги! Как легко они цепляют на свой крючок людей, особенно когда они даются без труда...

В «Арагоне» Юрий направился в бар и увидел там Монику.

— Как коррида? Понравилась? — спросила она, ставя стаканы с пивом на поднос.

— Одним словом не ответить, впечатлений много.

— Сейчас я вернусь,— прервала она Юрия и выпорхнула из-за стойки с подносом в руках.

— Скажи, у тебя есть друзья среди этих людей? — заговорил Полётов, едва она вернулась.

— Каких людей?

— Среди тореадоров.

— Да, но я практически не вижусь с ними.

— Моника, я бы хотел познакомиться с ними,— настаивал он,— это очень интересный материал.

— Понимаю. Ты журналист, у тебя ко всему глубокий интерес. Но я не хочу никаких разговоров на эту тему.

На следующий день Полётов приехал к ней домой и принялся упрашивать её с новой силой. Угощая Монику дорогим красным вином, он подкрадывался к ней с разных сторон, с чувством рассказывал о пробудившемся в его душе интересе к этой профессии, пытался внедрить в сердце девушке уверенность в том, что её роль в таком знакомстве имела бы первостепенное значение.

— Помоги мне, любимая, пожалуйста. Ты даже не догадываешься, насколько твоя помощь важна мне. Представь меня кому-нибудь, введи в их круг. Ты знаешь испанцев! Если я появлюсь там как человек от прессы, со мной никто не будет достаточно откровенен. А ты сможешь ввести меня в самую сердцевину.

— Я тебе уже рассказывала, что у меня был парень. Тореро. Он погиб,— Моника замолчала, уставившись куда-то в угол потолка.— С тех пор я никогда не ходила на корриду. И никогда не общалась с его друзьями. Я вычеркнула тот мир из моей жизни.

— Но...

— Не хочу никаких «но»!

— Моника, милая, мы же с тобой прекрасно ладим. Я не прошу тебя ни о чём сложном, мне не нужны никакие рекомендации. Я просто прошу познакомить меня с этими людьми. Так или иначе, но я сделаю это. Сам сделаю, просто у меня это займёт много времени.

Она молчала.

— Дорогая,— снова заговорил он,— я очень прошу тебя... Я познакомился уже со многими испанцами, чтобы понять кое-что... Вы — народ сложный, не любите чужаков. Но когда кто-то приводит

в компанию нового человека в качестве своего друга, то навстречу этому чужаку открываются дружеские объятия. Я понимаю, что ты не хочешь ворошить прошлого, но сделай мне одолжение...

— Ладно, — Моника вздохнула, — я познакомлю тебя с Мигелем Марроном.

— Кажется, я видел его на арене.

— Он один из самых популярных сегодня матадоров. У него очень хорошая команда. Он был лучшим другом моего Маноло... А теперь пойди и смой с себя запах стадиона. Я терпеть его не могу.

— Я был на стадионе вчера, дорогая. Я принимал душ и вчера и сегодня утром.

— После этого ужаса трудно отмыться. Иди в душ.

— Ладно.

Когда он вернулся в комнату, Моника стояла у задёрнутого шторами окна. Платье лежало пёстрым ворохом у её ног вместе со скомканными белыми трусиками.

— Иди ко мне, — сказала она и стиснула руками свои груди.

Моника была на редкость хороша в тот день, просто дьявольски хороша. Она никогда ещё не выглядела так чудесно. Юрию казалось, что её тело словно наполнилось чудотворной силой...

До чего прекрасно предчувствие любви! Вздурораженная кровь рвётся наружу, это ожидание не сравнится ни с чем... Но как ничтожно то, что следует за этим ожиданием... Как это Моника сказала однажды: «Когда получаю удовольствие, то получаю его лишь наполовину, ибо слышу, как оно вот-вот закончится»...

— Милая, славная девочка! — прошептал он, отодвигаясь от её пахнущего вином рта. — Нам бы следовало растянуть ожидание по возможности дольше, дабы удовлетворение наступило как можно позже.

— Я и не тороплюсь, — проворковала она в ответ. — Я буду подкрадываться к удовлетворению долго-долго, — она откинулась на спину и с грустью посмотрела вверх, где по потолку ползли расплывчатые тени. — Если бы вся жизнь была для нас радостью, то мы бы не ждали с таким восторгом вот этих коротких мгновений.

— Похоже, ты жалуешься.

— Нет. Пою песню. Песню печали.

— Зачем тебе печалиться сейчас, когда ты вполне счастлива?

— Я начинаю бояться завтрашнего дня. Вдруг он принесёт боль?

— Глупо! — Юрий поднялся с кровати. — Глупо! Жизнь полна чудесных мгновений. Откуда в тебе берётся пессимизм? Ты же молода, красива, у тебя всё впереди!

— Что у меня впереди, милый? Эти бесконечные дни в «Арагоне»? — она медленно отвернулась.

Юрий обнял её за плечи. Это был идеальный момент, чтобы поднять вопрос об учёбе.

— Послушай, — заговорил он после некоторой паузы, — я разговаривал кое с кем из моих друзей. У них есть связи... Не так чтобы в очень высоких сферах, но всё же серьёзные...

— И что?

— Иногда они помогают материально людям, которых сочтут перспективными. Я просил, чтобы с ними поговорили о тебе.

— Обо мне? — она взглянула на него из-под упавшей со лба пряди волос.

— Чтобы оказали тебе содействие. Если всё будет в порядке, то ты сможешь учиться и в конце концов станешь историком. Разве это не прекрасно?

Моника с недоверием посмотрела на Юрия.

— Ты говоришь серьёзно? Такое и впрямь возможно?

— Ты даже не представляешь, насколько это серьёзный разговор, — ответил он без улыбки. — Если всё решится положительно, то у тебя не будет нужды тревожиться за твоё будущее.

— Пречистая Дева, — зашептала девушка и сложила руки на груди, — неужели это свершится?

— Свершится. На днях мне сообщат, к кому из профессоров мы должны сходить в университет, чтобы он мог побеседовать с тобой. Так что ты подготовься к разговору.

— Я готова хоть сейчас!

— Сейчас уже вечер. Сейчас мы будем заниматься любовью...

Познакомившись с Мигелем Марроном, Юрий стал часто появляться в компании знаменитого тореро, сошёлся с множеством поклонников и вскоре был приглашён в «Клаусуру» — закрытый клуб, который года

полтора назад создали очень богатые почитатели Маррона, так называемые марронисты. Приведя Полётова в «Клаусуру», Мигель прежде всего представил русского журналиста барону Хименесу.

— Дон Эстебан — мой самый надёжный друг, — сказал тореро чуть позже, отведя Юрия в сторону и указывая глазами на Хименеса. — Он не раз оказывал мне серьёзную поддержку. Признаюсь, если бы не дон Эстебан, я мог бы сейчас и не разговаривать с тобой.

— Почему? Что за таинственное прошлое у тебя, Мигель? — Юрий приподнял брови, подчёркивая удивление и наивное любопытство.

— Была у меня неприятная история, примерно год тому... Не хочу вспоминать о ней...

— Что-нибудь противозаконное?

— Да, к сожалению, — неохотно кивнул Маррон. — Хорошо, что у Хименеса обширные связи. Но если бы история вышла наружу, то nepоздоровилось бы не только мне, но и ему. Ты ведь журналист, сам знаешь, какой вес приобрело сейчас общественное мнение.

— Ладно, оставим эту тему, — сказал Юрий. — Не будем растревоживать больные места минувшего, — он прикоснулся своим бокалом к бокалу Маррона. — Да и мне, дружище, не следует знать того, что не следует, дабы избежать соблазна состряпать лёгонькую статью.

— Нет, нет, Юрий, я тебе верю! — воскликнул с жаром тореро. — Моника сказала, что ты не имеешь никакого отношения к «жёлтой» прессе, ты — серьёзный журналист и исследователь. Если хочешь, я расскажу тебе обо всём! — Маррона заметно развезло от выпитого. Его тянуло на откровения.

— Спасибо, Мигель, спасибо, что ты доверяешь мне. Но не нужно... Зачем мне знать чужие тайны? Тем более, что это не только твоя тайна, как ты сказал, но и сеньора Хименеса.

— Да, конечно, ты прав...

Уже на следующий день Полётов передал отчёт о встрече в «Клаусуре», подробно изложив беседу с Марроном, и особо обратил внимание на тот факт, что барон Эстебан Мария Хименес был покровителем Мигеля Маррона и что он примерно год тому назад каким-то образом вызволил Маррона из «неприятной истории», которая сулила тореадору тюремным заключением. Сообщение Полётова было проанализировано, сделаны соответствующие выводы, даны конкретные распоряжения, агентурная сеть получила задания добраться

до информации, связанной с «неприятной историей». Через три месяца на столе у Старика в Мадриде лежала справка на Маррона и Хименеса. Оказалось, что знаменитый тореро Маррон, этот сильный мужчина с эффектной внешностью, страдал безудержным влечением к малолетним девочкам. Источник сообщал, что в присутствии двенадцатилетних девчушек тореро буквально терял над собой контроль. Год назад пагубная страсть едва не привела его на скамью подсудимых, но барон Хименес сумел надавить на следователя и замял дело.

— Любопытно, любопытно, — читал документы Старик, — полезные бумаги. Похоже, нам есть чем надёжно привязать к себе сеньора Хименеса. Человек он влиятельный, вхож в Национальное Законодательное собрание. И вот тебе на — такой серьёзный человек покрывает педофила! С нашей стороны будет недопустимой оплошностью не воспользоваться этой информацией. В Европе существует международный клуб педофилов, куда входят высокопоставленные правительственные чиновники из разных стран. Закрытый, разумеется, клуб, подпольный. Этот клуб занимается торговлей детьми. По сути это рабовладельческий клуб. Думаю, у нас появился шанс подобраться к этим ублюдкам через Маррона и Хименеса...

Шифровка ушла в Центр.

Полётов продолжал заниматься своей журналистской работой. Ежемесячно в журнале «Поколение-7» появлялись его статьи, чаще этнографического толка, иногда — экономические, были и политические. Будучи умелым рассказчиком, он без труда излагал свои впечатления об увиденном и услышанном, пропитывая информацию своими сугубо личными, почти интимными мыслями, что придавало его статьям неповторимый вкус. Мало-помалу его имя стало появляться и в других журналах; корреспонденты российского телевидения искали с ним встреч, брали интервью.

— Юрка, — радостно крикнула однажды Таня в телефонную трубку, — а ведь ты у нас известным стал! Некоторые издательства заинтересовались твоими книгами!

— Правда?

— Правда, правда! — засмеялась она. — Так что будь добр, возьми за то, что у тебя лежит незавершённое.

— Тань, я сейчас не могу, дел по горло... А о каких книгах речь-то?

— «Ведьма», «Пустырь» «Хрупкое небо». Я сказала, что ты в ближайшее время закончишь ещё пару повестей.

— А что у меня ещё есть на сегодня подходящего?

— Во-первых, «Уснувшее озеро», тебе надо обязательно как следует отредактировать его и переделать концовку. Ну и «Лесные волосы» — почти готовая книга.

— Танюша, но это всё требует времени...

— Значит, ты найдёшь это время! — отрезала она. — Одним словом, я тебя поздравляю. Когда появится сигнальный экземпляр, я дам тебе знать, дорогой, — её голос звучал теперь почти сухо. — Надеюсь, ты выкроишь пару дней, чтобы приехать в Москву на презентацию твоих книг.

— Ты уже об этом думаешь? — Юрий почувствовал неловкость. Таня активно занималась его литературными делами, а он был словно и не рад успеху. — Не рано ли о презентации говорить?

— Самое время, дорогой. Только так и надо. Всё, я целую тебя. Мне пора бежать, — она повесила трубку.

Некоторое время Полётов сидел в глубоком молчании, затем взглянул на часы. Ему было пора ехать в «Клаусуру». Сегодня там обещался быть дон Эстебан. Юрий очень незаметно сумел стать любимым собеседником барона, много рассказывая о жизни в России, о своих друзьях, вымышленных и настоящих, о творческих планах, которые непременно приводили в восторг не только барона Хименеса, но вообще всех слушателей. Иногда Юрий удивлялся сам себе: замыслы повестей и романов зачастую рождались в нём прямо во время разговора, хотя даже намёка на эти сюжеты не было в его голове раньше. Когда он писал отчёты для резидентуры, он вынужден был то и дело отвлекаться, чтобы параллельно записывать для себя сюжеты книг, родившиеся во время бесед с Хименесом.

Однажды, приехав в Мадрид, он сказал Старику:

— Я подготовил хорошую книгу о корриде.

— О корриде?

— Называется «Торжественная смерть». О корриде и обо всём, что вокруг неё.

— Любопытно, — на губах резидента появилась едва заметная улыбка, но он тут же погасил её и свёл брови. — Вижу, вы время своё

используете на все сто процентов, Юрий Николаевич.

— Для «Поколения-7» этот материал великоват. Там можно только фрагменты напечатать. Я хотел просить вас о содействии. Хорошо бы эту книгу опубликовать целиком побыстрее. А я бы смог предложить её здесь для издания на испанском языке.

— Думаете, это пошло бы нам на пользу?

— Уверен. Я уже заработал себе имя, оно хорошо известно в России.

— Знаю.

— Пора перекинуть эту известность и сюда. Давайте я оставлю вам текст, а вы поглядите и решите сами. Я думаю, что моё положение здесь заметно укрепилось бы после презентации этой книги в Испании. Для испанцев я специально сделал бы кое-какие добавки, упомянул бы некоторые имена, тонко помазал бы их мёдом.

— Оставляйте текст, Юрий Николаевич, я почитаю...

Через три месяца книга вышла в Москве. Обложка была мягкой, бумага — жёлтой, тираж — более чем скромный, всего тысяча экземпляров. Но всё-таки книга получила жизнь. За перевод её на испанский язык Полётов взялся сам, а когда всё было готово, то пошёл с испанским вариантом «Торжественной смерти» к Отеро Де Сильве в «Финансьяль», с которым у Юрия успели сложиться тёплые отношения. Во время их первой встречи, произошедшей более года назад, когда Полётов по указанию Старика передал Де Сильве банку с растворимым кофе, где лежали деньги за какую-то выполненную работу, Юрий повёл себя так, чтобы у Де Сильвы создалось впечатление, будто его, Полётова, использовали «втёмную» просто для передачи кофейной банки. Поэтому в дальнейшем между Полётовым и Де Сильвой установились профессиональные журналистские контакты, как это нередко бывает у журналистов, постепенно переросшие в товарищеские. Юрий охотно участвовал в работе «Финансьяля», используя каждую поездку с Отеро по Испании для расширения своих знакомств. Он чувствовал, что Де Сильва хотел перестраховаться — работавший в его газете русский журналист мог легко объяснить и некоторые другие знакомства с русскими людьми, которые могли вдруг показаться испанским спецслужбам подозрительными.

— Я попытаюсь найти денег на твою книгу, — сказал Отеро, взвешивая на ладони русское издание «Торжественной смерти». — Где перевод?

Полётов протянул редактору дискету:

— Хочу надеяться, что ты проглотишь это одним махом. Для испанцев «Торжественная смерть» будет полной неожиданностью. Поверь, Отеро, я не хвалюсь, просто я умею оценивать себя объективно.

— Я знаю твой стиль, Юрий, мне нравятся твои статьи. А тут, как я понимаю, у тебя взгляд изнутри на корриду и на весь бизнес, крутящийся вокруг этого действия. Вдобавок, это взгляд иностранца. Я ещё не читал, но мне уже любопытно. Я прямо вижу подзаголовок: «Самый острый русский журналист рассуждает о самом испанском зрелище». Да, интересно...

Юрий быстро и легко обрстал знакомствами. В любой компании он сразу становился «гвоздём программы», привлекал к себе всеобщее внимание, рассказывая о России и об Испании то, чего не знал никто. Иногда ему приходилось сочинять на ходу, но он делал это с таким искусством художника, что заподозрить его в фальсификации фактов не смог бы никто из профессионалов, участвовавших в беседе. Полётов легко вписывался в компанию, органично вливался в любой коллектив, практически всегда незаметно переходил с диалога на монолог, завладевая интересом собеседников и проявляя свой искренний, но неназойливый и очень человечный интерес к их личностям. Юрий умел затронуть в людях именно те струнки, которые пробуждали в них желание раскрываться.

— Знаете, мой друг, — признался ему Алонсо Гонсалес, один из высокопоставленных правительственных чиновников, — я бы хотел, чтобы вы были моим психоаналитиком. Мне хочется с вами откровенничать. Я никогда не думал, что во мне есть это качество. Я всегда был скрытным, кстати, из-за этого я сильно страдал, ведь замкнутость делает нас чёрствыми, лишает нас радости... Все эти бесконечные заседания, решения, которые чёрт знает кому нужны... Даже не могу понять, чем мы все занимаемся, а уж тем более не могу уяснить, зачем мне надо всё это! Политика! Нет ничего более омерзительного! Нет ничего более надёжного, чтобы убить в человеке человека! Но вы, мой друг, открыли во мне живительный родник!

— Вы мне льстите, сеньор Гонсалес, — Юрий тепло улыбался в ответ.

— Нет, нет! Я рад и горд знакомству с вами, мой друг, — Гонсалес покачал головой, и густые седые волосы ссыпались ему на глаза. — Вы как-то чудодейственно повлияли на меня. Я хочу теперь ощущать жизнь.

Хочу не просто жрать, а наслаждаться едой. Не просто заниматься сексом, а любить! Я намерен знакомить вас со всеми моими друзьями, буду звать вас всюду, если вы, конечно, не откажете мне. Я хочу, чтобы вы оживили моих знакомых.

— Боюсь, что на всех у меня не хватит сил, — Юрий скромно потупил взор. — Я ведь всего лишь журналист. Я умею интересно рассказывать, но ничего более...

— Вы себя недооцениваете, — Гонсалес похлопал Юрия по плечу, вкладывая в этот жест свою признательность. — Поверьте человеку, который повидал жизнь...

Раз в неделю Юрий старался наведываться в «Клаусуру», хотя иногда поездки по Испании не позволяли ему появиться в клубе. Постоянные члены «Клаусуры» прекрасно знали Полётова, и с удовольствием представляли его гостям, пришедшим по приглашению кто-нибудь из членов клуба. Юрий сделался своего рода неповторимой особенностью клуба, которой было приятно прихвастнуть.

— Юрий, правда ли, что вскоре выйдет ваша книга о корриде? — обратилась к нему Амаранта Монторья, женщина лет сорока, которую только что представили Полётову.

— Да.

— Очень любопытно почитать. Я слышана о ваших нестандартных взглядах...

— Забавно слышать такое словосочетание, — улыбнулся он.

— Какое? — Амаранта прищурила глаза, неотрывно глядя на Юрия.

— «Нестандартные взгляды». Мне представлялось, что Испания — сама по себе страна нестандартная, так что тут привычны к разным взглядам.

— Вы находите? Ну а я? Как я вам кажусь? Нестандартной? — в голосе Амаранты послышался вызов, который женщина бросает мужчине, чтобы привлечь к себе его внимание.

— О, сеньора! Такая яркая женщина как вы не может быть заурадной личностью, а любая незаурадная личность не может быть стандартной. Стандарт — это штамповка, однообразность, разве не так?

— Конечно, — улыбнулась женщина и, поведя густыми бровями, печально опустила уголки губ. — Раз вы считаете меня такой... Однако вы всё же не можете себе представить, насколько неинтересна у меня жизнь.

— Почему же, сеньора? — с участием спросил Юрий. — Чем же плоха ваша жизнь?

— Мой муж — сухарь. Настоящий сухарь и даже хуже. Он и книг-то не читает, его интересуют исключительно дела. Он работает в министерстве юстиции. Можете легко представить, насколько скучно жить с таким сухарём. Если бы не сеньор Альтавас, то я бы давно сошла с ума от скуки...

— Думаю, что вы сгущаете краски, сеньора...

— Называйте меня просто Амаранта, — попросила она, слегка качнувшись вперёд и приложив свою пухлую ручку к груди Юрия.

— С удовольствием, Амаранта...

— Скажите, Юрий, а вы вправду считаете, что у Испании и России схожие судьбы? — это остановился возле него Августин Альтавас, советник одного из сенаторов, мужчина средних лет, элегантный, с задиристым взглядом. — Я слышал краем уха в прошлый раз вашу беседу с бароном Хименесом.

— Ну, это нечто вроде моих теоретических изысканий. Ничего серьёзного.

— Поделитесь, Юрий, мне крайне любопытно. Что же в наших странах есть общего?

— Да, очень интересно, — вставила своё слово Амаранта.

— Скорее схожего, чем общего, — уточнил Полётов.

— Пусть схожего, — кивнул Альтавас.

— Впрочем, было и общее. Например, граница.

— Общая граница у Испании и России? — Альтавас в недоумении вскинул брови.

— В Америке, дон Августин.

— Верно! Никогда не задумывался над этим. Испанская Калифорния и русская Америка! Как это просто! — Альтавас шлёпнул себя ладонью по лбу. — Вот чем замечательны хорошие журналисты: у них глаз цепляется за то, чему остальные не придают значения.

— Ну а если говорить о схожести... В то время как Испания продвигалась на запад и покоряла Америку, Россия шла на восток и завоёвывала Сибирь. Это происходило примерно в одно и то же время. Пройдя весь континент, Россия переправилась через океан и пошла по западному побережью, пока не сошлась с Испанией в Калифорнии. Мы сошлись, но без войны. Никаких серьёзных конфликтов у нас

не было.

— Интересное наблюдение. Мы шли навстречу друг другу!

— Более того, — продолжил Полётов, — наши страны примерно в одно время пережили гражданскую войну, диктатуру, а затем шагнули в мир демократических преобразований. Удивительное сходство.

— Действительно, — согласился Альтавас. — А вот и Эстебан! Наконец-то!

В зал неторопливой походкой вошёл барон Хименес. Он поздоровался за руку с несколькими мужчинами и сделал приветственный знак Юрию.

— Вы ещё не успели побывать у Эстебана на вилле? У него умопомрачительный дом! Великолепные лошади! И вышколенная прислуга, — спросил Альтавас, заглядывая Полётову в глаза, и Юрий вдруг увидел в зрачках советника особый блеск.

«Неужели?!»

Полётов дружески положил руку на плечо Альтаваса и мягко потрепал его.

— Сеньор Альтавас, — проговорил он вкрадчиво, — надеюсь вы замолвите за меня словечко. Кажется, у барона намечается какое-то торжество в ближайшее время? Говорят, он всегда устраивает потрясающее представление. Мне самому как-то неловко напрашиваться к нему, хотя мы уже и по-настоящему подружились.

— Если Эстебан забудет пригласить вас, сеньор Полётов, то вы можете прийти со мной, просто как мой друг. Я буду рад, — Альтавас сладко улыбнулся.

— С удовольствием, — Юрий снова потрепал советника по плечу.

«Точно! Он гомосексуалист! У него слюни текут, глядя на меня!»

— Вы позволите мне называть вас просто Юрий? — ещё шире улыбнулся Альтавас.

— Вижу, вы тут славно воркуете, — подошёл к ним барон. — Как дела, друзья мои?

— Чудесно, дон Эстебан, — сказал Альтавас. — Обсуждаем намечающееся у вас торжество.

— Рано обсуждать. Вы ещё не видели ничего. А у меня задумано нечто любопытное. Юрий, ты свободен в воскресенье? Надеюсь, ты приедешь?

— Буду рад, дон Эстебан. Но сейчас мне пора ехать. У меня завтра

намечено интервью с руководителем российской научной делегации, приехавшей на международную ярмарку.

— Неужели ты не наговорился с твоими соотечественниками на родине?

— Дон Эстебан, во многих отношениях я — человек подневольный. Мне позвонил главный редактор и велел в обязательном порядке сделать это интервью. Я просто обязан. Иначе меня отзовут из Испании, а мне так нравится здесь! — Юрий развёл руками.

— Ну что ж, тогда свяжись с моим секретарём, выясни, как проехать, — и, взяв Юрия под локоть, отвёл его на пару шагов в сторону. — С Альтавасом будь начеку.

— Что такое?

— Он же «голубой»! Разве ты не понял этого? — барон выкатил глаза. — Друг мой, ты не заметишь, как он затащит тебя в постель! Он обожает мальчиков вроде тебя.

— Буду осторожен, — засмеялся Юрий.

— Ладно, увидимся в воскресенье, Юрий. Жду тебя на моей вилле. Амаранта Монторья будет там тоже, но без мужа. Имей это в виду. Она — страстная женщина, а её муж давно интересуется только особами мужского пола. Кстати, это он продвинул Альтаваса так высоко. Разумеется, за его податливость в кровати...

Распрощавшись со всеми, Полётов покинул клуб.

Подходя к своему автомобилю, он заметил двух шагавших навстречу мужчин. Один был высокий, другой — приземистый и широкоплечий. Высокий шарил по своим карманам, вероятно, ища спички. Подойдя к Юрию, он поднёс руку к торчавшей в зубах сигарете, приготовившись взять её указательным и средним пальцем, и вежливо спросил:

— Простите за беспокойство, сеньор, не найдётся ли у вас прикурить?

Его длинное тело чуть склонилось, и вдруг рука его, так и не коснувшись сигареты, метнулась вперёд, чтобы ребром ударить Юрия по шее. Навыки, полученные на занятиях рукопашного боя, позволили Юрию отклониться, и удар пришёлся по скуле. В тот же миг второй мужчина подсёк ему ноги. Эти два одновременных удара, как мощный рычаг, свалили журналиста на землю. Полётов не успел ответить ничем на столь внезапную атаку. Он лишь запомнил, как его рубаха была вздёрнута рывком за ворот и натянута ему на голову, затем по всему телу посыпались тычки кулаками. Били профессионально. Ещё через

секунду что-то зашипело над ухом, и ноздри наполнились отвратительной вонью. «Баллончик с газом», — успел подумать Юрий и затаил дыхание. Он чувствовал, как напавшие на него люди обшарили его тело.

Через минуту возле Полётова никого уже не было.

Он тяжело поднялся на ноги. Голова шла кругом, накатывала тошнота.

Он ощущал себя с ног до головы. «Ничего не сломали, били со знанием дела. Только губу расклепали до крови. Бумажник на месте, ключи от машины тоже. Стало быть, не деньги их интересовали, — рассуждал он, — не воры они, совсем не воры. Обыскали они меня ловко, умело... Прошлись руками по груди, вдоль рук, по ногам... Чёрт возьми! Они искали технику!» Эта мысль больно резанула Юрия. Теперь он был уверен, что нападение было совершено на него ради того, чтобы проверить, имелись ли при нём прослушивающие устройства, когда он посещал клуб.

Он пошёл было к своему автомобилю, но передумал и направился к дверям клуба.

Швейцар посмотрел на него с изумлением.

— Что случилось, сеньор Полётов? Что с вашей одеждой? У вас рот в крови!

— Сделайте одолжение, Пепе, вызовите полицию. Я едва держусь на ногах. Похоже, меня хотели ограбить.

— Сию минуту!

Полётов опустился в кресло. «Может, это даже к лучшему, — подумал он, — сейчас тут поднимется переполох. Дон Эстебан ещё не ушёл и непременно захочет проявить заботу, ведь я некотором смысле его гость... А как всё-таки ловко они сработали, дьяволы! Как точно продуманы движения — рука тянется к сигарете, всё вполне естественно, никаких подозрений... Должно быть, у них настоящая специализация... Они меня поджидали. Чем же я так насторожил их? Дон Эстебан, конечно, фигура видная, но вряд ли из-за него возникло такое беспокойство. Похоже, они сильно обеспокоились фактом моего частого посещения „Клаусуры“... Какое внимание к моей скромной персоне! Но держи себя в руках, дружок, будь осторожен. Это внимание тебе не на пользу».

Как и предполагал Полётов, в клубе начался шум, приехала полиция.

На месте был составлен протокол.

— Сеньоры, — обратился Дон Эстебан к полицейским спокойным, но строгим голосом, — поймите, что нам, то есть нашему клубу, такая реклама совсем не к лицу. Нападение совершено прямо у дверей «Клаусуры». Это чудовищно. Мой личный друг был атакован на одной из самых уважаемых улиц Барселоны. Вам надо сделать серьёзные шаги, чтобы отыскать преступников. Сеньор Полётов — известный журналист!

— Примите мои искренние извинения, сеньор, — сказал молодой лейтенант. — Я прошу вас приехать завтра в наш участок с представителем русского консульства. Мы составим все необходимые бумаги. Не беспокойтесь, я лично прослежу за следствием... Но признаюсь, раз у вас не успели ничего отнять, то преступников вряд ли удастся найти.

— Хорошо, я буду завтра у вас. Мы всё оформим, как вы скажете, сеньор, — ответил Юрий.

На следующий день Полётов появился в указанном полицейском участке с Михаилом Соколовым.

Когда они покинули участок, Соколов сказал:

— Запомни этого лейтенанта Ревейроса на всякий случай. Те козлы, которые устроили нападение на тебя, сами не понимают, какой удобный повод для знакомства они подстроили тебе.

— То есть?

— Я распоряжусь, чтобы наши выяснили, где и когда бывает этот Ревейрос. Ты «случайно столкнёшься» с ним в каком-нибудь баре.

— Понимаю. Мы уже в некотором смысле знакомы с ним, есть повод для того, чтобы выпить пива.

— Вот именно.

Юрий

Недели через две я будто бы случайно вошёл в кафетерию «Примавера» в семь часов вечера, твёрдо зная, что там в свободное от дежурства время проводит досуг лейтенант Ревейрос. Я сразу приметил его.

— Эй, журналист! — позвал меня полицейский. Было очень важно, чтобы Ревейрос сам окликнул меня, а не я подошёл к нему. — Откуда ты тут?

— Так, бродил тут, фотографировал, — я ткнул в болтавшиеся на моей груди две фотокамеры с тяжёлыми объективами.

— Эх, да я вижу, что вы, русские, совсем ничего не понимаете!

— То есть?

— В Барселоне полным-полно грабителей, которые нападают на туристов.

— Я слышал об этом, но я не турист.

— У тебя фотоаппарат, для них это знак, хороший повод пожить. Хорошо ещё, что в нашем районе мало туристов. Потому и грабителей мало. Надо хорошенько думать, когда ходишь по городу. Эх ты, а ещё журналист!

— Я не могу без фотокамеры, лейтенант...

— Меня зовут Хуан. Называй меня так. Присаживайся, давай выпьем. Вот тут мои друзья. Знакомьтесь, этот русский журналист — мой знакомый, случайный знакомый по работе, по неприятной работе. Но теперь он попал в наши с вами руки, друзья, и не должен быть случайным. Мы обязаны проявить гостеприимство... Франсиско! Поднеси-ка нам вина! И пошевелись, дружок! Покажи, что такое настоящее радушие!

— Раз уж мы встретились, — я улыбнулся, — собственно, я уже хотел заглянуть к тебе в участок, Хуан, для этого, но раз уж мы встретились, то скажу сейчас.

— Говори, я слушаю, — лейтенант подался вперёд.

— Я по поводу того дела о нападении.

— Что такое?

— Видишь ли, я думаю, что бесполезно искать тех хулиганов. Для тебя это лишь головная боль, а результатов всё равно никаких не будет. Ведь они же ничего не успели у меня отобрать, так что предъявить им будет нечего. Так что я хочу написать заявление, что... как это правильно сказать...

— Ты хочешь забрать заявление?

— Да.

— Это очень хорошо, — обрадовался Ревейрос, — очень хорошо. Ты избавишь меня от множества проблем. Ты поступаешь как настоящий друг.

После этого мы стали встречаться часто. Я задавал Хуану Ревейросу безобидные вопросы, интересовался жизнью Барселоны («Жизнь города глазами полицейского — чудесная тема для моего журнала, Хуан!»), подбирал материалы для статьи, в которой — как я объяснил Хуану — намеревался раскрыть глаза русским блюстителям порядка на многие недостатки в работе московской милиции через освещение работы полиции Барселоны, Мадрида и других крупных городов Испании. Иногда я задавал Ревейросу и серьёзные вопросы, затрагивая темы, с которыми полиция соприкасалась косвенно, но часто. Однажды я сказал ему, что получил хороший гонорар за опубликованную статью, в основе которой лежала информация, полученная благодаря Хуану.

— Я думаю, что с моей стороны было бы несправедливо не дать тебе половину этих денег, — сказал я ему.

— Мне? Почему? За что? — удивился Ревейрос.

— Ведь ты меня консультировал. Если бы мы подписали с тобой договор о том, что ты выступаешь в роли консультанта, то ты бы получил эти деньги в редакции моего журнала официально. Но ведь ты не можешь поехать ради этого в Россию, верно?

— Верно, — согласился он.

— Да и руководство твоё вряд ли одобрило бы это. Всё-таки ты полицейский. Не всякому капитану понравится, что работающий с ним лейтенант выступает в роли консультанта у иностранца.

— Да, неумный человек может увидеть в этом что-нибудь противозаконное.

— Поэтому я просто делюсь с тобой половиной гонорара. Ведь это честно?

— Да, — согласился Хуан, — честно. В полиции платят не так много денег. Но всё же мне как-то неловко брать у тебя деньги.

— Тогда я должен купить тебе подарок. Я хочу отблагодарить тебя. Но мне кажется, что будет лучше, если ты сам купишь то, что тебе нужно.

Он кивнул. И тогда я вынул из кармана конверт. Заглянув в конверт, Хуан присвистнул:

— Хорошо быть журналистом!

— Да, — согласился я, — но только такие деньги приходят не каждый день. Это деньги за конкретную работу, за хорошую работу. Но работу могут и не принять. Меня, как волка, ноги кормят. Бегаешь, выискиваешь материал, пишешь, пишешь, пишешь, а статью не принимают. Проходит месяц, два, три, а никакого гонорара нет. Всякое бывает.

— Спасибо тебе, Юрий, — Ревейрос вдруг протянул мне руку. — Я всегда чувствовал, что ты честный человек и настоящий друг. Эти деньги мне сильно помогут...

— У тебя сейчас финансовые затруднения?

— Есть немного, — сказал он после некоторого колебания. — Жена легла в больницу. Проблемы с беременностью. Больница — это дорогое удовольствие.

— Тогда послушай меня, Хуан. Это твои деньги. Но я могу дать тебе ещё, если тебе надо. Пусть это будет считаться задатком за следующую помощь с твоей стороны. Ты ведь мне очень сильно помогаешь, подсказываешь. Без тебя я многое оставил бы без внимания. Журналисту нужны люди сведущие, специалисты в каждой области. Ты понимаешь меня? Я ещё не раз обращусь к тебе за дружеским советом. А потом получу деньги за мою работу. Улавливаешь мою мысль?

— Мне как-то неловко...

— Мы с тобой друзья? — серьёзно спросил я.

— Да, — ответил Ревейрос.

— Тогда тебя ничто не должно смущать.

Он кивнул:

— Спасибо. Я никогда не забуду твоей помощи. Хуан Ревейрос умеет ценить настоящую дружбу...

После этого я долго не обращался к нему ни с просьбами, мы просто встречались время от времени, сидели в кафетерии, потягивали пиво, болтали о жизни. Незаметно я вытягивал из него полезную информацию. А когда мне однажды по работе понадобилось устроить одного из моих

агентов на квартиру, которую по определённым причинам выбрала резидентура, но хозяин упрямылся, то я привлёк Хуана к решению этого вопроса. Он даже не подозревал, что за роль была отведена ему в том деле. Он лишь пришёл в своей форме, задал пару-тройку вопросов владельцу дома, походил по коридорам, посмотрел, и дело сразу решилось.

В то время я снимал квартиру на окраине Барселоны, хотя часто оставался у Моника. Она готовилась к поступлению в университет, я знакомил её с разными людьми, даже позволил себе однажды взять её на приём, устроенный бароном Хименесом, где на Моника сразу обратили внимание многие мужчины. Фактически я вывел её на дорогу, где её, возможно, ожидала участь любовницы многих из этих высокопоставленных кобелей. Я их знал. В обмен на любовную связь большинство из них готово было оказать фантастическую протекцию.

— У тебя такие важные знакомые, — шепнула она мне с восторгом.

— Со временем все эти люди станут твоими друзьями, — улыбнулся я.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я знаю.

— Ты умеешь видеть будущее?

— Будущее ничем не отличается от настоящего, дорогая. Будущее уже состоялось. Сегодня, вчера, позавчера. Оно уже есть. Твоё будущее решилось, когда ты надумала учиться.

— Но я ещё не поступила в университет.

— Многие из находящихся здесь мужчин захотят помочь тебе. Ты только посмотри, какими жадными глазами они глядят на тебя. Они — ступеньки к твоему будущему. Ступеньки уже сложены, они ведут тебя к твоей мечте.

— Ты говоришь так, будто рассказываешь сказку.

— Я рассказываю быль.

— А кто вон та женщина? — Моника указала головой на Амаратну. — Она не отводит от тебя взгляда.

— Это жена одного из крупных чиновников министерства юстиции.

— Так смотрят ревнивые любовницы. Ты хорошо знаешь её? — в голосе Моника послышалось подозрение.

— Она в меня влюблена.

— Она твоя любовница? Я угадала?

— Она в меня влюблена. Она во многих влюблена и всех ревнует.

Некоторые женщины считают всех мужчин своей собственностью.

— Ты мне не ответил. Ты с ней спал?

Я улыбнулся её настойчивости.

— Есть такое выражение: «Не спрашивай, и тебе не будут лгать».

— Не нужно лгать. Я не собираюсь ревновать тебя, обещаю. У меня нет на это никакого права, — Моника вздохнула. — Я не из тех, кто цепляется за мужчину и устраивает истерики. Просто если я чего-то не знаю, то я начинаю домысливать... Домысливать можно так много, что это превращается в пытку... Всякое домысливание тяготит, потому что оно по-своему лживо. Я предпочитаю правду.

— Да, однажды.

— Я это сразу почувствовала, увидев её. У неё, похоже, взбалмошный характер.

Моника была дорога мне. Я уделял ей много внимания, окружал заботами в меру моих возможностей. В отношениях с ней меня тяготило только одно: огромное здание наших отношений стояло на фальшивом фундаменте. Сейчас она спросила, спал ли я с Амарантой. Можно было запросто солгать. Но я ввёл Моника в круг этих людей, ей предстояло бывать здесь довольно часто и, стало быть, встречаться с Амарантой, а что представляет собой сеньора Монторья, мне было прекрасно известно.

— Ты угадала, — сказал я, — Амаранта любит закатывать истерики на людях. Пару раз я был свидетелем того, как она подходила к жене очередного своего любовника и подчёркнуто громко начинала рассказывать, что и как делает этот бедолага в постели.

— Со мной ей трудно будет тягаться.

— Что ты имеешь в виду?

— Не забывай, что я официантка. Я ко всему привычна.

Я поцеловал Моника в щёку.

— Обожаю тебя, — прошептал я. — Тебе здесь нравится? Или уйдём?

— Мне здесь любопытно. Я никогда не бывала в таком обществе...

Ту ночь мы провели в доме Хименеса, нам выделили шикарную спальню, и я впервые почувствовал, что заниматься любовью в богатых апартаментах было гораздо осязаемее, чем в обыкновенной квартире. Окружавшая нас роскошь каким-то непостижимым образом обострила во мне чувство телесной наготы. Золото, мрамор, бархат, шёлк, изысканная средневековая роспись стен, мозаичная кладка паркета,

тяжёлое бронзовое обрамление зеркал, выразительная лепнина потолка — всё это исходило из себя силу искусственной красоты, холодной, кропотливо сотворённой, лишённой нежности живой плоти и живого дыхания. Всё кричало о своей бешеной дороговизне и потому чуть ли не утешало, заставляя снова и снова бросаться друг другу в объятия, чтобы найти защиту и забвение в горячих ласках.

Утром на вилле Хименеса появились три человека, среди которых я увидел Олега Морозова! Того самого Олега, с которым у меня произошла стычка на дне рождения у Игоря Петрова! Того самого Олега, от которого ушла моя Татьяна!

Я слышал, что он сразу после института попал в МИД, но понятия не имел, в какой департамент. Возможно, его привели сюда дела, но какие?

Я наблюдал за ним из окна, стараясь не попадаться на глаза.

— Ты не знаешь, что там за делегация? — остановил я Амаранту.

— Где? Ах, эти... Мой муж привёз каких-то русских дипломатов, — холодно ответила женщина.

— Твой муж?

— Да.

— Какие дела могут быть у сотрудника министерства юстиции с русскими дипломатами?

— Откуда я знаю! — Амаранта высвободила свою руку.

— Ты злишься на меня? Из-за Моники?

— Я? Из-за этой девчонки? — она фыркнула.

— Не ревнуй, дорогая.

— Да я плевать хотела на твою простушку!

Я властно притянул женщину к себе и поцеловал её в шею. Она очень любила это.

— Не говори так, милая. Тебе не идёт, когда ты злишься.

— А что прикажешь мне делать? Ты проводишь ночь с какой-то девицей чуть ли не у меня на глазах! А я обязана делать вид, будто ничего не происходит?

— Амаранта, перестань. Я же знал, что в этот раз ты будешь с мужем. В вашем обществе принято соблюдать формальности. Хименес просил меня быть с дамой. Я вынужден был приехать с кем-нибудь.

— Вынужден! Какие слова... Ты уже не хочешь меня больше, Юрий?

— Я с ума схожу по твоему телу, дорогая. Но не здесь же...

— Давай уйдём в розовый кабинет. Дон Хименес держит его специально для таких случаев, — Амаранта потянула меня за собой.

— Не могу сейчас, — я не двинулся с места.

— Почему нет? — она коснулась моих брюк. — Ты ведь уже заводишься! Доставь же мне несколько минут наслаждения!

— Я не могу. Мне необходимо переговорить с Альтавасом.

— Зачем тебе этот голубой идиот?

— Милая, у меня много дел. Я не могу проводить время в праздности, как это делаешь ты. Мне надо на хлеб зарабатывать.

— Тебе нужны деньги? Юрий, дорогой мой, я дам тебе денег. Сколько ты хочешь?

— Амаранта, прекрати! За кого ты держишь меня? Я не жиголо! Ты хочешь оскорбить меня? — я придал моему лицу максимально оскорблённое выражение.

— Прости, — она поспешно вцепилась мне в локоть обеими руками, — прости. Я не подумала... Я глупа, как корова! Прости меня, милый!

Я изобразил глубочайшее возмущение и сделал слабую попытку вырваться.

— Не уходи, — капризно сказала она.

— Амаранта, мне пора.

— Когда я увижу тебя? Ты завтра не заедешь ли ко мне?

— Не знаю, — я раздражённо передёрнул плечами. — Надо уладить кое-какие вопросы... А сейчас мне пора идти. Ты не видела Монику?

— Эту твою девчонку? Минут десять назад она была в саду, прогуливалась под ручку с директором департамента культуры, — Амаранта ядовито улыбнулась.

— Что ж, в таком случае, может быть, она не будет искать меня в ближайшие пятнадцать-двадцать минут... Так что ты сказала насчёт розового кабинета?

Глаза Амаранты радостно вспыхнули:

— Пойдём. Неужели ты не был там ещё? Там фантастическая розовая мебель, сумасшедшие розовые подушки! Там всё прелестно!

Пока мы шли по коридору, я поглаживал её по обнажённой руке.

— А зачем, ты говоришь, эти русские дипломаты приехали? — спросил я. — Надо бы поприветствовать их...

Здороваться с Олегом Морозовым пока не входило в мои планы, разве что мы случайно столкнулись бы лицом к лицу. Его появление

насторожило меня. Ничего, конечно, странного и таинственного я не видел в приезде российских дипломатов к Хименесу, у них вполне могла быть намечена деловая встреча, ведь здесь собиралось много высокопоставленных персон. Но я ничего не слышал о том, что на приёме должны были присутствовать русские. Миша Соколов обычно был в курсе таких дел, но не предупредил меня ни о чём. Возможно, о приезде Морозова меня не поставили в известность, так как в этом не было необходимости. Возможно, этот визит был частной, а не служебной поездкой. Могло быть что угодно. И мне не хотелось попадаться на глаза Олегу.

— Амаранта, там много русских? Все трое?

— Откуда я знаю? Мне знакомо лицо только одного.

— Блондина?

— Да, блондин бывал у нас дома, — она подставила ладонь моим губам. — Поцелуй сюда. Ты же знаешь, как я люблю это. И прекрати говорить о работе. Мне дела нет до твоих соотечественников.

Приложившись губами к тёплой руке Амаранты, я продолжал думать о Морозове. Амаранта знала только его. Может, Олег вообще был единственным русским в той группе? Тогда с кем он приехал? Что за люди сопровождали его?

— Юрий! — в дальнем конце коридора появилась фигура Хименеса. — Наконец-то! Пойдём, я хочу представить тебя кое-кому.

Он протянул руку в нашу сторону, и на его пальце вспыхнул, попавший в луч солнца, золотой перстень.

Я остановился, одарил мою спутницу извиняющимся взглядом, виновато пожал плечами и быстрым шагом направился к Хименесу, радуясь случаю избавиться от Амаранты.

— Там приехал один русский, — сказал Хименес, — надо вам познакомиться.

Один русский...

Значит, остальные не из России. Очень любопытно, что же привело Морозова на виллу. Он вряд ли занимал в МИДе достаточно высокий пост, чтобы водить знакомство со здешними «сливками». Очень любопытно...

При моём появлении по лицу Олега Морозова пробежало смещение, которого он не сумел скрыть.

— Господин Полётов? — Олег развёл руками.

Он приложил усилие, чтобы вернуть себе спокойствие. Что за причина крылась за его волнением? Неужели он до сих пор испытывал неприязнь ко мне? Тяготился мыслью о том, что его молодая жена почти сразу после медового месяца ушла от него ко мне? Некоторые люди обожают терзать себя тоскливыми и злыми воспоминаниями. А некоторые упиваются поселившейся в них ненавистью. Может, Морозов был как раз из таких?

— Здравствуйте, Олег, — я протянул руку, он пожал её. — Простите, что не называю вас по отчеству, не знаю его. Мы с вами встречались лишь однажды. На свадьбе Петрова. Припоминаете? — почему-то я испытал удовольствие от произнесённых слов.

— Разумеется, Юрий Николаевич. Только это было очень давно. Сто лет назад! — его губы растянулись в улыбке, но в прозрачных глазах остались неприязнь и беспокойство.

— Давным-давно, — согласился я. — Наше знакомство было не самым удачным.

Он засмеялся в ответ:

— Ерунда. Мы были глупыми и заносчивыми юнцами. Как петухи. Не держать же из-за этого камень за пазухой... Но какая неожиданность видеть вас здесь! То есть я, конечно, знал, что вы живёте сейчас в Испании, читал что-то в газетах. И всё же никак не ожидал встретить знаменитого журналиста... Может, на правах старых знакомых, перейдём на «ты»?

— С удовольствием.

— Позволь представить тебе моих спутников, — Морозов указал на стоявшего возле него мужчину средних лет. — Это Джордж Уоллис, журналист из США. Эй, Джордж, — окликнул он, — это господин Полётов, звезда российской журналистики.

Уоллис услышал своё имя, обернулся к нам и приветственно оскалился. Как я успел понять, американец почти не говорил по-испански. Олег обращался к нему на английском языке. Второго мужчину звали Эндрю Блэйк, он был англичанин. Ничего больше Олег о нём не сказал.

— Вы тоже занимаетесь журналистикой? — уточнил я у него по-английски.

— Нет, я из другой области. Моя профессия — социология.

— Значит, — я повернулся к Олегу, — ты тут по делу?

— Как сказать... Я вот уже три месяца в Мадриде, в посольстве работаю. А сюда меня завлёт Августин Монторья.

— Я знаком с ним.

— Скучный тип, — поспешил сказать Олег.

— Вдобавок, он гомосексуалист.

— Неужели? Не знал... Впрочем, мне нет до его ориентации никакого дела. Я с ним связан по работе. Бывал у него разок дома. У него обворожительная жена.

— Мы хорошие друзья с Амарантой.

— Ты всех здесь знаешь! Обширные связи!

— Такова наша журналистская жизнь. Надо уметь в любую задницу без мыла влезть, — я улыбнулся и посмотрел на американца. — Мистер Уоллис, вы освещаете светскую хронику?

— О нет, — американец показал красивый ряд фарфоровых зубов. — Я специализируюсь на религиозных вопросах: история, секты, конфликты... Но не подумайте, что я занимаюсь поисками скандальных материалов. Жёлтая пресса — не моё поле деятельности. Нет, я скорее аналитик... А здесь по приглашению господина Морозова.

Олег сказал, что приехал по приглашению Монторьи («...меня сюда завлёт Августин Монторья»), а Уоллиса, получается, пригласил Олег. Любопытно. Я бы не удивился, если бы Блэйк, в свою очередь, заявил, что его пригласил Уоллис. Что-то они темнили.

— А вот и сеньор Монторья, — Олег взмахнул рукой и сказал так, будто давал понять, что на данную минуту наша беседа окончена: — Мы ещё поговорим? Или ты уезжаешь, Юра?

— Да, мне пора. Я тут со вчерашнего дня, с обеда.

— А я сегодня вечером должен вернуться в Мадрид. Ты там будешь? Увидимся?

— Обязательно, — я пожал ему руку. — Как только прикачу туда, обязательно посидим где-нибудь, выпьем вина...

Олег приехал на виллу с американцами. Что-то насторожило меня в этом человеке.

На следующий день мне позвонил по телефону Джордж Уоллис.

— День добрый, Юрий! Вот решил я поприветствовать вас.

Я вспомнил, что дал ему визитную карточку. Приткий тип.

— Юрий, я не покажусь вам чересчур нахальным, если предложу встретиться? Всё-таки мы коллеги. Мне будет очень приятно поближе

познакомиться с российским журналистом. Я вообще люблю общаться с собратьями по перу.

— Деловой разговор?

— Нет, нет! Это беседа двух коллег, двух друзей.

Нахрапистый америкашка. Я таких никогда не любил. Впрочем, я вообще испытывал определённую антипатию к американцам. Вполне возможно, Уоллис работал на американскую разведку, там полно таких самодовольных и чрезмерно уверенных в себе мужиков.

— Окей, Джордж, — согласился я, — у меня сегодня полным-полно времени.

Уоллис навязывал мне своё общество, и грех было не воспользоваться возможностью завязать ещё один контакт.

Мы посидели в ресторане, болтая вроде бы ни о чём, но я постоянно чувствовал, что Уоллис как бы прощупывал меня, задавая время от времени вопросы о моих знакомствах, работе, пристрастиях.

— Женщины, Джордж, — засмеялся я. — Для меня нет ничего более привлекательного, чем женщины.

— Тогда вам не следует ездить в США, — захохотал он в ответ, — там с женщинами всё хуже и хуже. Феминизм дошёл до предельной точки сумасшествия. Вот здесь, в Испании, с девушками общаться легко. Говорят, в России тоже легко относятся к сексу. Это правда?

— Пожалуй.

— Я читал вашу статью о любви, Юрий, — сказал он. — Мне нравится, как вы мыслите. У вас очень не стандартный подход...

— Вы знаете русский?

— Нет! И поэтому очень сожалею, что основная масса ваших публикаций для меня недоступна. Я читал только то, что публиковалось в Испании. Пять-шесть разных материалов.

Это был его первый серьёзный «прокол». На вилле Хименеса он разговаривал с испанцами только на английском языке или же через переводчика.

— Мне показалось, Джордж, вы не говорите по-испански.

Уоллис не смутился и откровенно заявил:

— Я люблю, чтобы обо мне знали поменьше, — он закинул ногу на ногу. — Понимаете, когда находишься среди посторонних, лучше сойти за простачка. Журналисту всегда лучше иметь дополнительную информацию. Разве вы не согласны со мной? Я всегда здесь, когда

появляюсь в новом обществе, прикидываюсь, что не понимаю их языка. Они запросто разговаривают в моём присутствии о некоторых вещах, которые не позволили бы себе, если бы знали, что я понимаю их.

— Вы опасный человек, Джордж, — улыбнулся я. — Может, вы и по-русски понимаете?

— Нет, я говорю прилично по-испански, по-французски и немного по-арабски, — он явно хотел казаться откровенным.

— Мне кажется, вы почему-то заинтересовались мной, коллега, — я отхлебнул пива.

— Почему вы делаете такой вывод, Юрий?

— Вы читали все мои здешние публикации. Это странно, вам не кажется? — я подмигнул ему.

— Вы наблюдательны, Юрий, — кивнул головой американец. — Мы с вами непременно подружиться... Может, даже будем друг другу полезны.

— В какой области?

— Как я успел понять, ваши интересы обширны, — он хитро прищурился. — Коррида, женщины, литература... Вас манит всё. Меня же интересуют более узкие направления.

— Какие, если не секрет?

Уоллис упомянул на вилле, что его специализация — религиозные вопросы, но я сделал вид, что пропустил эту информацию мимо ушей. Пусть ещё раз скажет об этом. Или о чём-то другом.

— Я занимаюсь религией, — оживлённо он. — Всеми её аспектами. В том числе радикальными направлениями.

— Выгодная область для журналистики, огромное поле, — вставил я.

— Да, много интересного... У меня широкие связи в религиозных сферах. Но в России я ещё не был, а мне крайне интересно взглянуть на православие изнутри...

Через пару дней Миша Соколов дал мне прочитать справку на Уоллиса. Как я и предполагал, он был сотрудник ЦРУ, работал в управлении внешней контрразведки.

— Любопытный фрукт, — сказал Миша. — У него богатый послужной список. Кстати, он бывал дважды в России, но под чужой фамилией.

— Вижу, — я быстро проглядел бумаги, — но признаться в этом он не захотел... Слушай, а чем он у нас на родине занимался?

— Встречался с представителями некоторых религиозных сект. Мосты

наводил. Кое с кем из служителей православной церкви тоже завязки сделал, в основном с теми, кто в политике варится.

— Понятно. По-русски не говорит?

— Нет. Ты сказал, что он был с Морозовым на вилле Хименеса, — уточнил Миша.

— Да.

— Морозов в Мадриде совсем недавно, чуть более трёх месяцев. Пока нет никакой информации о том, при каких обстоятельствах он познакомился с Уоллисом и Блэйком. Сейчас этот вопрос прорабатывается. Попытайся выяснить у своей девицы, не упоминал ли кто-нибудь из тех гостей, с кем она общалась на вилле, о Морозове, Уоллисе или Блэйке.

— У Моники выяснить? Что ж, прощупаю.

— Теперь вот что, Юра, — Миша сделался подчёркнуто серьёзным. — Старик распорядился, чтобы никто из наших не появлялся в ближайшее время в Мадриде.

— Почему?

— У нас там закеросинило.

— В каком смысле?

— Крот, — Миша многозначительно причмокнул губами. — Кто-то из посольских, но вроде не из нашей конторы.

— Почему так думаете?

Миша вздохнул. Похоже, ему не хотелось вдаваться в детали, но он заговорил:

— Мы нашли зажигалку. В неё вделан фотоаппарат с микрочипом. Всякая кодировка натёркана, чтобы посторонние не могли вскрыть, но ребята в Центре быстро раскупорили секретку.

— И что?

— Там отснято много кабинетов, много сотрудников. Но ни одного помещения резидентуры.

— То есть фотограф не имел доступа к нашим кабинетам?

— Именно так. Возможно, это вообще первое его задание. Слишком уж много там бесполезных кадров, — сказал Миша. — Недавно была большая делегация из Москвы. Мог быть кто-то из них. Но не исключаются и сотрудники посольства. Лично у меня Морозов вызывает определённое беспокойство. Эта его поездка на виллу Хименеса в обществе мистера Уоллиса... Так или иначе, крот сейчас

обязательно затаится: потерять такую зажигалку — сам понимаешь. Но Старик велел, чтобы никто из «иногородних» сейчас в Мадрид не приезжал. Что касается Уоллиса, то прокачай, что его сейчас интересует...

— Вопросы религии. Это вполне может быть связано с той темой о которой Старик упоминал раньше.

— Да, да, религиозные организации, вывод церкви на государственные позиции... Попробуй выдернуть из него что-нибудь поточнее.

Павел Костяков прилетел в Барселону в составе делегации нашей торгово-промышленной палаты. Вместе со мной на встречу с Костяковым поехал Миша Соколов. Павел привёз сообщение из Центра, что из Лондона через Барселону через три дня проездом будет наш агент.

— Он готов передать документ особой важности, — сообщил Павел. — Осложняющим обстоятельством является то, что он прибудет в Барселону самолётом поздно вечером и уже через пару часов ему надо лететь дальше. Следовательно, передача документов нашему человеку должна пройти именно в этот короткий промежуток времени. Решайте, кого лучше предложить для выполнения этого задания, — он выжидающе посмотрел сначала на Мишу Соколова, затем на меня.

— Можно было бы поручить это Назарову... Или Пепита Ардьенте могла бы справиться с этим. Мы долго ничего не поручали ей, — неуверенно сказал я.

— Пепиту нельзя выдёргивать на это. Никого из испанцев. Надо, чтобы из наших, — решительно проговорил Костяков. — Но, принимая во внимание последние события в посольстве, надо послать на встречу кого-нибудь, кто давно не имел контактов с мадридской резидентурой.

— Тогда пусть Юрка едет, — предложил Соколов. — Он последнее время только через меня связь держит. Ему, пожалуй, удобнее всех... Журналист всё-таки. Мало ли кого он там ждёт, в аэропорту...

Я отрицательно покачал головой:

— Что значит «мало ли кого жду»? Операция, безусловно, не самая сложная, однако какие-либо сбои при её проведении абсолютно недопустимы. Мне не хотелось бы торчать где бы то ни было без

причины. Нужно прикрытие. Во-первых, то, что случилось в Мадриде, может «засветить» любого из нас. Во-вторых, после того случая, когда на меня напали, у меня нет оснований считать, что я больше не интересую здешнюю контрразведку.

— Это было давно! — отмахнулся Соколов.

— За жопу-то возьмут меня, и не будет никаких «давно» или «не давно». Посудите сами: какого рожна я буду сидеть в аэропорту, а потом просто уеду. Если я никого не встретил, то почему? Кто-то должен был прилететь и не прилетел? Да я это по справочному выяснить могу! Зачем сидеть и ждать-то? Нет, давайте-ка так: пусть кто-то на самом деле прилетит в Барселону. Но пусть рейс будет позже, чем моя встреча с «транзитником».

— А кто может прилететь из Лондона? — пожал плечами Павел.

— Придумайте. Найдите кого-нибудь для отвода глаз. И не обязательно из Лондона. Пусть из Москвы летит. Но я обязательно должен встретить кого-нибудь...

— Ладно, я запрошу Центр. Пусть там почешутся.

— У нас есть три дня.

В день операции у меня жутко разболелась голова. Самое омерзительное — головная боль, когда надо работать; ничто не рассеивает внимание так, как головная боль. Я проглотил сразу четыре таблетки и, запивая их водой из пластиковой бутылочки, сел в машину.

С самого начала всё шло не так, как хотелось. Самолёт с нашим «транзитником» задерживался почти на тридцать минут; это означало, что время, отведённое для встречи с агентом и получения от него документов, катастрофически сокращалось. А ведь мне нужно было сразу после проведения «моменталки» с «транзитником» встречать некоего господина Спиридонова, прилетавшего рейсом из Москвы и не имевшего ни малейшего отношения к разведывательной деятельности. Спиридонов ехал в Испанию на симпозиум, связанный с сельскохозяйственными вопросами, и его предупредили, что я встречу его и провожу в отель. Спиридонов был своего рода ширмой для меня и мог послужить объяснением моего появления в аэропорту Барселоны.

Когда голос диспетчера объявил о том, что рейс из Лондона совершил посадку, а через две минуты сообщил о прилёте самолёта из Москвы, я занервничал, головная боль вернулась и сдавила виски

с удвоенной силой, мои ладони взмокли. Ситуация стала чудовищной: Спиридонов и «транзитник» прибыли почти одновременно. Вся надежда была на то, что Спиридонов потратит некоторое время на получение багажа.

«Транзитника» я узнал сразу, его внешность точно соответствовала словесному портрету, полученному от Павла Костякова. Высокий, подтянутый мужчина с седой щёткой усов, седыми же, коротко стриженными волосами на голове, в затемнённых очках в тонкой золотой оправе на крупном горбатом носе, вышел из дверей зала прилёта. На нём были серые брюки с голубым отливом, длинный тёмно-синий расстёгнутый плащ поверх светло-голубой сорочки и синий галстук с двумя красными полосами. В его руке был светлый кожаный портфель с тиснёной крупной надписью «Алекс».

Я поспешил к намеченному месту встречи — небольшому бару близ зала ожидания. Как на зло возле стойки оказалось лишь одно свободное место. Я остановился возле стульчика на высоких ножках, загородив его от других посетителей, и сделал вид, что изучаю ценник. «Транзитник» прошёлся вдоль стойки, подыскивая свободное пространство, и увидел стул передо мной.

— Позвольте? — спросил он по-английски.

— Конечно, присаживайтесь, пожалуйста, — я с готовностью сделал шаг в сторону.

— Мне чашечку эспрессо, — заказал он, усаживаясь на стул и ставя портфель у своих ног.

Бармен кивнул.

— Будьте добры, сеньор, мне тоже, — поспешил сказать я бармену, стоя слева от «транзитника».

Бармен занял своё место возле блестящего никелированного аппарата, подставил одну чашку и нажал на кнопку. С громким шипением тёмная струйка потекла из краника.

Я нетерпеливо потёр поочерёдно оба виска, пытаясь избавиться от головной боли, и с раздражением подумал, что место для встречи выбрано неудачно. Несмотря на поздний час посетителей было много. Если бы возле стойки бара оказалось хотя бы на три человека больше, то я не смог бы оказаться возле «транзитника» и вся задуманная комбинация пошла бы прахом. Впрочем, операция ещё не завершена, праздновать победу было рано.

Бармен вернулся с двумя порциями кофе. Я с жадностью отхлебнул из моей чашки и ошпарил горло. И всё же я с наслаждением улыбнулся и проговорил вслух по-английски, ни к кому не обращаясь:

— Чертовски приятно после долгого пути выпить вот так, в полном спокойствии, чашечку кофе.

Это условная фраза, предназначенная для «транзитника», была первой частью пароля. Теперь я превратился в слух, ожидая ответные слова.

— Обожаю кофе, — ровным голосом сказал «транзитник», включаясь в беседу. — Но какая огромная разница во вкусе кофе здесь, на земле, и там, в полёте!

Всё! Контакт был установлен.

— Сеньор, — позвал «транзитник» бармена, — я тороплюсь, хочу заплатить сразу. Возьмите, сдачи не надо...

Он протянул купюру в десять евро. Это была вторая, вещественная часть пароля.

— Спасибо, — бармен широко улыбнулся, радуясь щедрости клиента.

Я опустил руку в карман, где лежали заготовленные пять монет по два евро, достал их и разместил стопкой перед собой. Затем снял верхнюю монету и с громким щелчком положил её на поверхность стойки.

— Получите.

Я всем телом вслушивался в происходящее, не зная наверняка, каким образом он передаст мне материал...

В ту же минуту мои глаза остановились на невзрачном мужчине, с тонкими усиками, большими залысинами, карими глазами. Он пристроился на другом конце стойки — она сильно изгибалась дугой, и все находившиеся клиенты были хорошо видны мне. Этот мужчина рассеянным взглядом смотрел на меня.

«Чёрт возьми! — пронеслось у меня в голове. — Неужели хвост?»

Я отвёл глаза, поднёс чашку ко рту, неторопливо отпил кофе, поставил чашку, провёл небрежно пальцами по поверхности стойки, будто смахивая крошки, и посмотрел на подозрительного мужчину. Он по-прежнему пялился на меня.

«Нет, наружка так тупо себя не ведёт. Он же просто буравит меня! Чего он таращится?»

Краем глаза я заметил, как «транзитник» нагнулся к своему

портфелю. В то же мгновение что-то едва заметно коснулось бокового кармана моей куртки.

«Транзитник» неторопливо пошёл к выходу. Я продолжал сидеть, допивая мой кофе. Поглядев на часы, я демонстративно шлёпнул себя по лбу:

— Дьявол! Я так пропущу моего пассажира!

Поспешно зашагав к двери, из которой густым потоком выходили пассажиры двух последних прилетевших рейсов, я мельком взглянул на мужчину, чьё поведение насторожило меня. Он продолжал неотрывно смотреть в ту же точку. Я с облегчением вздохнул. Это был просто случайный человек, у которого «залип» взгляд. Такое случается иногда у некоторых людей, когда они задумываются о чём-то, останавливают взгляд на какой-то точке и просто не могут отвести его, словно прикипев глазами к увиденному, при этом их вовсе и не интересует точка, за которую они зацепились глазами...

Я сунул руку в боковой карман и нащупал там микрочип, брошенный туда «транзитником». «Моменталка» прошла успешно.

Я извлёк из внутреннего кармана сложенный втрое листок с крупными русскими буквами «Спиридонов», развернул листок и поднял его на уровне головы. В ту же минуту ко мне подошёл тучный мужчина и громко сказал по-русски:

— Здравствуйте! Вы, должно быть, Юрий? А я Спиридонов. Как хорошо, что мы не разминулись! — он выглядел приятно возбуждённым.

— Добрый вечер, Вадим Игнатьевич, давно ждёте?

— Нет, только что вышел сюда, но я заранее нервничал. Я, знаете, всегда так беспокоюсь, что какие-то обстоятельства могут что-то напортить. Я страшно нервный и беспокойный. Это ужасно мешает мне в работе...

— Как долетели? — я пожал его руку и почувствовал, что моя ладонь всё ещё оставалась мокрой от волнения. — У нас сегодня что-то с погодой. Голова просто раскалывается. У вас не болит?

— Нет, нет, — он затряс плечами, — я себя чудесно чувствую. Такое, знаете, приподнятое настроение... Подумать только! Я в Испании! Всю жизнь мечтал, и вот на сорок третьем году жизни попал сюда! Сбылась, как говорил Бендер, мечта идиота! Ха-ха!

— Пойдёмте, у меня машина. Это весь ваш багаж?

— Да, только этот чемодан. Да много ли мне надо на неделю?..

Я поставил его чемодан на тележку, и мы вышли из здания аэропорта.

На ходу я набрал номер Миши Соколова.

— Алло, это я. У меня всё нормально. Встретил, сейчас идём с Вадимом Игнатьевичем к машине, так что минут через тридцать будем в отеле. Подкатывай.

Я надеялся, что размещу Спиридонова в гостинице и распрощаюсь с ним, но мне пришлось провести с ним почти всю ночь, он никак не хотел оставаться один, всё рассказывал о чём-то, делился впечатлениями. Было очень забавно наблюдать за человеком, всю жизнь проторчавшем в кабинете и не видевшем ничего, кроме своего рабочего стола, бесчисленных писем, отчётов и справок. Теперь его обуревали эмоции. Миша Соколов, дожидавшийся нас в холле, тоже был вынужден провести в обществе Спиридонова пару часов.

— Как вы думаете, а на корриду я сумею попасть? А вот я читал, что здесь, в Барселоне, есть парк, который построил Гауди. Это верно? Говорят, просто грандиозный парк. Можно будет взглянуть? Только вот успеть бы, а то ведь симпозиум, выступления, встречи разные... И ещё я слышал, что...

Он говорил без умолку, и я безмерно устал от его болтовни. Прощаясь, я протянул Спиридонову, исполняя привычный ритуал, мою визитную карточку. Этот жест вежливости меня и сгубил. На автомобильной стоянке я передал Мише то, что получил от «транзитника».

— Ну, как ты? — спросил Миша.

— В порядке. Но голова болела жутко, когда ехал в аэропорт. Я уж за плохое предзнаменование принял это. Всё, теперь поеду домой. Что-то у меня сил нет совсем...

Поспать мне удалось лишь пару часов. Телефонный звонок, вернувший меня в действительность, поверг меня в полное уныние. На проводе был Спиридонов.

— Алло, Юрий? Здравствуйте! Как дела? Выспались? А я, знаете ли, совсем не мог заснуть... Кстати, вы не могли бы помочь мне с транспортом? А ещё я хотел просить вас быть моим гидом, вы так славно рассказывали мне вчера про Испанию, пока мы ехали в машине...

Я согласился довезти его только до того места, где проходил

симпозиум, а там с огромным облегчением сдал его на руки руководителю российской делегации. Спиридонову я, сделав печальное лицо, сообщил, что в ближайшие несколько дней меня в Барселоне не будет, так что я, к моему глубочайшему прискорбию, не сумею исполнить роль гида. На том мы расстались.

Вечером мне позвонила Моника.

— Юра, ты слышал про Маррона?

— Нет. Что-нибудь случилось?

— Сегодня на выступлении его убил бык. Мне только что рассказал об этом подруга, она видела телевизионный репортаж. Журналисты утверждают, что Мигель намеренно подставил себя быку. Почему? Что с ним произошло? Это было самоубийство?

Я знал, что более полугода назад с Марроном начал работать один из наших агентов, представившийся тореадору как сотрудник Интерпола. Мигель, испуганный перспективой оказаться в тюрьме, сразу пошёл на сотрудничество и сообщил имена некоторых людей, с которыми встречался на шикарных оргиях и которые занимали посты в правительствах европейских стран. Но с первого же дня он впал в уныние, мысль о том, что никакое сотрудничество со спецслужбами не спасёт его, приводила Мигеля в отчаянье. Отважный на арене, где каждую минуту кривой бычий рог мог нанести ему смертельный удар, Маррон оказался беспомощным перед угрозой попасть за решётку. Этот страх был такой же бесконтрольный, как страсть тореро к маленьким девочкам. С каждым днём Маррон чувствовал себя хуже и хуже, весь его облик говорил о том, что в нём не осталось и следа от былой самоуверенности и силы. Должно быть, картины ужасного будущего настолько давили его, что он решил свести счёты с жизнью. Но сделал это не с помощью петли или таблеток, а красиво, как и подобало великому матадору. Он вышел на арену и подставил себя быку, навсегда вписав своё имя в список героев и сохранив его от несмываемого позора.

— Что ж, — сказал я в трубку, — такова судьба этих отважных парней.

— Ужасно, — упавшим голосом отозвалась Моника. — Вот и ещё один мой друг погиб на арене. Ужасно, что я никогда не узнаю, почему он покончил собой, если это и впрямь было самоубийство. Никто не узнает...

В Москве я появился в начале марта. После Испании мне стало сразу неуютно в тёмном сером московском воздухе, кишащем мокрым снегом. Солнечная погода всё-таки развращает.

Таня встречала меня у выхода из «зелёного коридора».

— Здравствуй! — она нежно приложилась губами к моей щеке, и я ощутил, что вот-вот растаю от охватившей меня теплоты.

— Здравствуй, дорогая.

— У меня хорошие новости, — она придала своему лицу деловое выражение.

— Рассказывай.

— Ты сначала скажи, надолго ли прилетел? — спросила она.

— Дали отпуск. В нашем распоряжении целый месяц. Потом, может, ещё на месячишко зависну здесь.

— Соскучился по Москве?

— По тебе.

— Неужели? Почему же звонил редко?

— Танюша, побойся Бога! Каждую неделю названивал обязательно.

— Не каждую. Случалось, забывал.

— Но ведь дела! Ты что? Неужели сцену устраиваешь?

— Ещё чего! Много вы о себе возомнили, господин Полётов!

Она улыбнулась и припала к моим губам.

Не найти в мире женщины прекраснее...

По дороге мы болтали всякую чепуху, избегая затрагивать серьёзные темы. Впрочем, таких тем и не было. Может, в глубине души что-то и беспокоило нас, но мы отворачивались от этого беспокойства, предпочитая наслаждаться тем хорошим, чем нас одарила судьба. Мы сидели рядом, видели друг друга, и нам не требовалось ничего больше. Пару раз я спросил Таню, о каких хороших новостях она упомянула, но она лишь сказала:

— Позже, не сейчас. Всему своё время.

Дома мы неторопливо поужинали.

— Ты устал? Хочешь заняться любовью?

— А ты изменилась, — хмыкнул я, разглядывая её.

— В какую сторону? Надеюсь, в лучшую?

— Не знаю, — я пожал плечами. — Что-то в тебе появилось такое...

- Какое? Говори же, не мнись. Что во мне появилось? Цинизм?
- Может...
- Ты ведь и сам циник.
- Ни в коем случае! Я романтик до мозга костей!
- Это в прошлом, милый, в прошлом. Ладно, не будем сейчас об этом...

Она сидела напротив меня. Я накрыл ладонью её руку.

- Малыш, я тебя люблю. Мне очень нехватает тебя
- Врёшь и не краснеешь.
- Не вру, — я потянулся вперёд и привлёк её к себе. — Пошли в кровать...

Как всегда, её тело околдовывало меня неодолимой возбуждающей силой. Целуя её, я невольно поймал себя на мысли, что мне чертовски приятно ласкать её губы и что это напоминало мне юношеские и подростковые годы, когда самое лёгкое касание девушки приводило в глубочайший трепет. Будь мы постоянно рядом, я бы не испытывал ничего подобного. Самое распрекрасное женское тело становится таким же обычным, как ежедневный вид из кухонного окна. Я знал это по моим отношениям с Моникой. Она была очаровательна, но магия её тела заметно ослабла. Её прикосновения давно уже не приводили меня в состояние нетерпения, поцелуи не будоражили. Моника стала легкодоступной любовницей, привычной, повседневной. Она доставляла физическое удовольствие, но я не мечтал о ней, хотя испытывал по отношению к ней чувство очень близкое к любви. Пожалуй, даже любил, но не так, как Татьяну. С Таней меня связывала не только любовь. В этой женщине я видел спутника жизни, несмотря на разделявшее нас расстояние и редкие встречи. Я мог довериться ей во всём. А Моника была просто моей женщиной. Да, я любил её, но в чувстве этом таился какой-то изъян, и дело было не в моей работе. Просто я знал, что рано или поздно покину Испанию и навсегда расстанусь с моей чудесной черноволосой подругой. Я был готов к этому, настроен на это. Но я не был готов к тому, чтобы однажды потерять Таню...

Я повернулся на бок и провёл ладонью по обнажённой женской спине. Как же мне нравилась эта спина! Как притягательны были формы, мягкой волной перетекавшие с поясницы на круглые ягодицы.

Лёжа на животе, Таня смотрела на меня из-под паутины золотистых волос, рассыпавшихся по её лицу. Мягкий жёлтый свет, лившийся

из коридора в спальню, жидко мерцал в чёрном зрачке её глаза.

— Ну вот, Юрка, теперь слушай новости,— проговорила она, не отрывая головы от подушки.— Через две недели состоится презентация твоих книг.

— Каких книг? О чём ты? Разве кто-то уже взял их? Я думал, что только разговоры...

— Это сюрприз, милый.

— Ничего себе сюрприз!

— Тебе не нравится? — Она продолжала лежать, не меняя позы. Её красивые губы снова лениво шевельнулись: — Разве ты не мечтал об этом?

— Подожди, Танюха, подожди немного. О чём ты всё-таки говоришь? — Меня охватила нервная дрожь. Я сел на кровати, скрестив ноги и в недоумении оглядел комнату, будто в её затопленных мутной тенью углах могло крыться какое-то объяснение. — Презентация? Это так неожиданно! Книги? Значит, несколько?

— Для начала три. «Ведьма», «Пустырь», «Хрупкое утро», — Таня подняла голову. На её губах появилась победная улыбка.

— Вот это номер! — я развёл руками, не в силах подобрать слова восторга и удивления. — И уже есть книги?

— Я видела сигнальный экземпляр, — Таня подползла ко мне и потёрлась щекой о моё колено. — У меня на руках есть также договор на «Бараний поток», несмотря на то, что ты ещё не закончил роман. Мы договорились, что они возьмут его, как только ты завершишь книгу.

— Таня! Чёрт возьми! Я не могу поверить! Ты просто чудо, а не женщина!

— Больше того. Я — твой ангел.

— Как же ты сумела не рассказать мне ничего? Как удержалась?

— Не ты один умеешь хранить тайны.

— Но когда ты успела проверить всё это?

— Как только ты дал мне доверенность, я начала шерстить всех знакомых. Меня свели с неким Василием Васильевым. Забавное имя, не правда ли? Его жена возглавляет издательский концерн «Папирусный дом». Зовут её Екатерина Алексеевна Васильева. В девичестве Кинжалова.

— Катя Кинжалова?

— Представь себе... Слово за слово, и вот выяснилось, что вы с ней

давние знакомые.

— Да, да! То есть Катерина взялась выпустить мои книги?

— Без долгих размусоливаний. У неё в офисе я заметила несколько номеров «Поколения-7». Почитывает она твои статейки.

— Мы с ней не виделись со студенческих времён.

— Теперь есть повод.

Я привалился к Татьяне и ткнулся лбом в её щеку. Давно никто не подносил мне таких подарков. Таких неописуемо щедрых подарков. Меня захлестнула волна странного чувства, почти сыновней любви, безбрежной благодарности.

— Танюша...

— Что?

— Знаешь, ведь я сам, наверное, никогда бы не понёс книги в издательство.

— Ты полагаешь, я об этом не догадывалась?

— Так бы всё и лежало в столе... Может, ближе к пенсии рискнул бы...

Нет, вряд ли...

— Ты слишком не уверен в себе.

— Я?

— Не понимаю, как ты работаешь в своей шпионской конторе. Ты самый неуверенный в своих талантах человек.

— Ты открываешь мне глаза, — я слушал Таню с большим удивлением.

— Надеюсь, это пойдёт тебе на пользу.

— Почему ты говоришь, что я неуверен в себе?

— Не говорю, а утверждаю. Ты привык считать свою литературную работой не работой, а баловством. Отсюда и растут ноги твоей нерешительности. Вспомни, сколько ты упрямился: «Книги не окончены, их нельзя никому давать»... Чушь! Кинжалова проглотила все три книги одним махом!

— Правда?

— Вот ты опять не веришь, — Татьяна начала злиться. — Ты думаешь, я всегда хвалила тебя только из-за моей любви или из боязни обидеть тебя? Ты не веришь в мою беспристрастность?

— Верю... Просто для меня всё это очень неожиданно.

— Стало быть, я добилась-таки своего, — засмеялась она. — Мечтала об этом, хотела, чтобы ты оторопел от удивления, чтобы дар речи

потерял.

— Сюрприз удался, — рассеянно сказал Юрий, — удался на славу. Но в голове ещё сумбур. Информация получена, но она продолжает оставаться чуть в стороне от меня. Странное состояние. Непривычное и незнакомое.

— Привыкай, — Таня успокаивающе погладила его по лбу, — и радуйся, Юрка, радуйся. Мне кажется, твоя работа разучила тебя радоваться.

Татьяна

Состоявшийся в «Папирусовом доме» фуршет не отличался пышностью. В скромном, но стильном зале — гладкие белые стены, пол в крупную чёрную и белую клетку — вдоль стен вытянулись покрытые синей скатертью столы с закуской и выпивкой, по углам помещения красовались огромные букеты ярко-рыжих цветов, похожие на застывшие брызги салюта. Сразу при входе в зал на небольшом столике лежали высокие стопки книг. Собралось человек пятьдесят: почти половину пришедших составляли журналисты, остальные были финансисты и гости из некоторых других книжных издательств. Кое-кого из приглашённых Юрий знал лично, но в основном лица были незнакомые.

Собираясь на презентацию, Таня заметно нервничала. С раннего утра она была на взводе, разбила две чашки и едва не проткнула себе ногу выскользнувшим из рук тяжёлым кухонным ножом. Полётов всячески старался успокоить её, но она отмахивалась, бодрилась:

— Ладно, ладно, не маленькая уже. Справлюсь. Вот придём туда, и я тотчас успокоюсь.

— Чего ты нервничаешь так?

— Не знаю. Рубеж какой-то. Слишком много торжественности в душе.

— Я тебя не узнаю

— Сама не узнаю себя, — она развела руками и улыбнулась. — Вся издёргалась. Как видишь, психологи тоже умеют психовать...

Но войдя в банкетный зал, Таня сразу изменилась, взгляд наполнился уверенным спокойствием, на губах заплясала чарующая улыбка.

— Вот я и в порядке, милый, — шепнула она на ухо Юрию и подтолкнула вперёд. — Иди, принимай поздравления.

Юра сразу увидел Кинжалову и направился к ней:

— Здравствуй, Катюша.

Она выглядела совсем не так, как девушка из далёких студенческих времён. Держалась подчёркнуто доброжелательно со всеми, но в чертах

её лица легко угадывалась своенравность и жёсткость профессионального дельца.

— Рада тебя видеть, Юрка, она потянулась губами, чтобы поцеловать его, но чмокнула только воздух, обозначив поцелуй в нескольких сантиметрах от щеки Полётова.

— Я тоже.

— Ты почти не изменился. Впрочем, нам ещё далеко до того возраста, когда люди становятся неузнаваемыми. Про твои дела не спрашиваю, потому что знаю, что всё в порядке, читаю всё, что ты пишешь. Или почти всё. Теперь вот и книги прочла залпом.

— Странно, что мы так долго не виделись. И странно, что наши дороги пересеклись нынче именно на книжном поприще. Теперь мы в некотором роде партнёры.

— Ты получил авторские экземпляры?

— Да. Вчера Татьяна привезла.

— У тебя потрясающий литературный агент.

— Вообще-то она не агент, а моя жена. Просто у меня не было ни времени, ни желания заниматься издательскими делами, вот она и взвалила на себя эту ношу.

— Жена? — Юрию показалось, что Кинжалову эта информация немного смутила.

— Мы, правда, ещё не расписаны, — добавил Полётов, следя за реакцией Катерины. В этой женщине не осталось и следа от той девчонки, с которой Юрий когда-то занимался «невинным» сексом. Она смотрела на него, как собственница. Он улыбнулся и тронул Катю за руку. — А твой супруг, я слышал, по банковскому делу?

— Да. Впрочем, наши отношения скорее похожи на деловые, чем на семейные, — она взяла с подноса бокал с белым вином и наморщила носик. — Ты меня понимаешь? Я практически свободна. У каждого из нас своя жизнь, — она взяла Юрия под локоть, и Полётов мысленно усмехнулся.

К ним то и дело подходили, завязывали какие-то бессмысленные разговоры, и он привычно улыбался, шутил, отвечал на вопросы. Время от времени он поглядывал на Татьяну. Вокруг неё суетились мужчины, протягивали визитные карточки, предлагали вино. Один раз Юрий встретился с Таней взглядом. Она подмигнула, и в её лице Полётов увидел бездну счастья...

«Нет в мире второй такой женщины, — в который раз подумал он. — Мне выпала самая удачная карта».

Вечером, когда они вернулись домой, она увлекла Юрия на диван. Прижалась к плечу головой, поджала ноги и тихонько вздохнула.

— Я очень счастлива сегодня. А ты?

— Наверное.

— Ты не уверен? Тебе чего-то не хватает?

— Не знаю. Я ещё не переварил случившееся. Не свыкся с тем, что я писатель.

— Ты уже давно писатель! Как ты этого не понимаешь! Ты писатель не потому, что твои книги опубликованы, а потому что ты пишешь!

— Но теперь я не просто писатель, а писатель изданный. И это вселяет в меня незнакомое чувство. Счастлив ли я? Думаю, что да. Но во мне какая-то расслабленность. Может, усталость?

— Как тебе твоя Кинжалова?

— Акула.

— Да, хищное существо, — согласилась Татьяна. — Скажи, а у тебя с ней было что-нибудь раньше?

— Ой, не спрашивай о моих прошлых женщинах. Ты же не из таких, кому надо знать всю эту мелочь.

— Я не из таких, но я видела её глаза сегодня. Она постелила тебе под ноги ковровую дорожку. Приглашает. Хочет заполнить тебя.

— У нас с ней были забавные отношения, — Юрий замолчал, размышляя, затем вкратце рассказал, что связывало его с Катей.

— О! — Воскликнула Татьяна, когда он закончил. — Она приложит все силы, чтобы затащить тебя в постель. У неё комплекс незавершённых отношений в отношении тебя.

— Что ж, — засмеялся Полётов, — буду отбиваться.

— Она не нравится тебе?

— Мне нравятся многие... Давай-ка выпьем по бокалу шампанского. Теперь можно забыть обо всех, раздеться, сбросить маски официальных лиц...

Таня поднялась с дивана и подошла к столу, на котором лежало три пачки книг. Она задумчиво провела рукой по ним.

— Сбывающиеся мечты пробуждают грусть, — проговорила она. — Тащи бутылку, милый. Ляжем в постель, будем пить и разговаривать, мечтать и вспоминать.

— Ты загрустила?

— Грусть — обратная сторона радости. Слишком много было положительных эмоций, теперь пришло время грустить.

— Тебе нравится грустить?

— Иногда нравится. Тосковать не люблю, а грустить можно. Жизнь надо вкушать с разными приправами, — направляясь в спальню, Таня на ходу стащила юбку.

Они проговорили всю ночь и уснули только под утро, обессиленные от переполнявших их эмоций...

— Звонил папа, — донёлся голос Тани из соседней комнаты, — поздравляет тебя, извиняется, что не смог приехать на презентацию.

Юра только что вернулся домой и ещё стоял в коридоре, не успев снять мокрую от снега куртку.

— Чёрт знает что на улице творится, — ворчал он.

Таня появилась в двери. Постояв несколько секунд в задумчивости, она проговорила:

— Папа сказал, что меня разыскивал Олег.

— Какой Олег? Твой бывший, что ли? Слушай, совсем забыл сказать тебе: я же видел его в Испании. Он, оказывается, теперь в Мадриде. В посольстве работает.

— Я не знала.

— Я тоже. Было большой неожиданностью столкнуться с ним нос к носу на приёме... Так он тебя разыскивает? Он разве в Москве сейчас?

Татьяна пожала плечами:

— Не знаю. Не поняла. Папа не стал давать ему телефон сюда. Он сказал, что Олег был сильно взволнован, чуть ли не испуган.

— Позвони ему сама, — предложил Юрий.

— Чего он вдруг вспомнил про меня? Мы после развода ни разу не общались. Я уж думала, что он забыл о моём существовании. Вы обо мне говорили при встрече?

— Нет, собственно, мы почти не разговаривали, перебросились ничего не значащими фразами. На виллу одного барона заплывали всякие крупные политические рыбы, и вдруг вижу — Олег! У меня чуть челюсть не отпала от удивления. Настоящий сюрприз.

— Разве он высокое положение занимает?

— Нет. И у меня много вопросов было к ребятам в связи с этим.

Заставил он меня задуматься.

— Над чем? Он себя подозрительно вёл? Олег в чём-то замешан?

— Понятия не имею. Тань, я же не следственный отдел. У каждого своя работа. Я лишь собираю информацию... Если он тебя искал, ты уж звякни ему, полюбопытствуй, что ему понадобилось.

Телефон у Морозовых не отвечал. Лишь вечером трубку подняла мать Олега.

— Евгения Максимовна, здравствуйте, — заговорила Таня.

В ответ раздалось всхлипывание.

— Что случилось, Евгения Максимовна? — спросила Таня. — Вы плачете?

— Танечка, горе-то какое... Олежечек мой...

— Что такое? Что у вас?

— Олег... Нету больше его... Умер...

— Как умер? Когда? Что вы такое говорите? Он же только вчера моим родителям звонил, меня разыскивал. Папа с ним разговаривал.

— Ночью сегодня... Он, Танечка, застрелился...

— Что?

Наступила долгая пауза. Татьяна почувствовала, как у неё в голове зашумело, где-то глубоко внутри медленно стала разрастаться холодная бездонная дыра, куда начало засасываться сознание.

«Застрелился! Какая-то глупость! Этого не может быть! Крепкий, здоровый, красивый... Застрелился! Не под машину попал, не на обледенной лестнице оступился и голову раскроил, а застрелился! Сам! Разве такое возможно?»

— Он, Танечка, должно быть, попрощаться хотел с тобой... Сам не свой был весь день... Вчера... Метался по дому, ждал чего-то, ждал, лицом изменился... Мальчик мой... Почему же так? Танечка, что ж такое происходит? Скажи, что у него стряслось?

— Я давно не общалась с ним, я совсем ничего не знаю, Евгения Максимовна.

После продолжительного невнятного разговора Таня повесила трубку и подошла к Юрию.

— Олег покончил с собой. Ты в это можешь поверить? — Её лицо выражало полное недоумение. — Подробности не знаю. С Евгенией

Максимовной невозможно сейчас говорить... Олег застрелился... Что это значит?

В глазах Юрия появился интерес. Подумав, он подошёл к телефону.

— Алло, Павел? Это Полётов. Привет. Ты про Морозова ничего не знаешь? Да, да, который в мадридском посольстве... Что? Его сюда вызвали?.. Почему спрашиваю? Потому, что он застрелился сегодня ночью... Что? — Юра внимательно слушал и в течение нескольких минут не произносил ни слова, затем кивнул: — Ах вот оно что... Значит, заподозрил... Ладно... Спасибо, я позже позвоню...

Полётов опустил трубку на рычаг и повернулся к Тане:

— Олега вызвали в Москву.

— Зачем?

— Якобы по делам. Авчера ему позвонили из прокуратуры. Судя по всему, он перепугался и поэтому покончил с собой.

— Не понимаю. Чего испугался? Неужто можно испугаться чего-то настолько сильно, чтобы наложить на себя руки? Ведь это какой страх надо испытать! Страх прежде всего перед наказанием. Ты сказал, что к нему были какие-то вопросы. Какие? Во что он вляпался?

Юрий зажгёт сигарету и неторопливо затянулся.

— Месяца два назад в нашем посольстве кто-то потерял зажигалку со встроенным фотоаппаратом. Шпионская игрушка. Стали всех проверять. Отпечатки пальцев были сильно смазаны, по ним ничего не определили. В фотоаппарате нашли чип с отснятым материалом. Деталей не знаю... Павел говорит, что эксперты, проанализировав снимки, точно установили, что фотографировал Олег Морозов.

— Как это можно установить?

— Проверили, кто на снимке, в какое время и где сделан кадр, с кем сфотографированный человек разговаривал в ту минуту и так далее.

— Ты хочешь сказать, что Олег работал на кого-то?

— Понятия не имею, — Полётов пожал плечами. — Он поддерживал тесные отношения с некоторыми сотрудниками ЦРУ. Конечно, мог не знать, кто они. Теперь же всё объясняется... Мне сказали, что те снимки сами по себе никакого урона не нанесли бы нам. Похоже, он просто опробовал технику. Но контрразведка, видно, нащупала что-то ещё за Олегом. Наверное, ребята вышли на какие-то серьёзные факты, связанные с его работой в МИДе. Не просто же так он пустил себе пулю в лоб. Выходит, было что-то серьёзное на его совести...

— Не понимаю, — Таня была в замешательстве. — Что могло заставить его? Он был абсолютно обеспеченным: квартира, машина, положение... И вдруг шпионаж! Зачем ему это? Ради денег? Или его запугали?

Юрий пожал плечами.

— Юр, тебе не страшно? — Она заглянула ему в глаза.

— Почему мне должно быть страшно?

— Ты подумай: жил человек, я была с ним прекрасно знакома. И вдруг получается, что ничего-то я про него не знала. Какой он? Кто он?.. Застрелился! Ведь как надо сильно испугаться, чтобы пойти на такой шаг! Ведь надо было смерти бояться меньше, чем наказания! И ведь знал... Наверняка знал, что всё может кончиться так, иначе не держал бы дома пистолет. — Она опустила в кресло и обхватила голову руками. — А кто ещё?

— Что «кто ещё»?

— Кто ещё из моих знакомых может оказаться шпионом? Ведь никого не заподозришь... Но получается, что подозревать можно любого! Это ужасно... Кто следующий застрелится? Сколько таких людей, которые работают против своей страны?.. И таких, как они, делают такие, как ты... Скажи, тебя не тяготит сознание того, что вы — ну, ты и вся твоя контора — превращаете людей в подонков, сволочей, предателей, заставляете их жить в постоянном страхе перед разоблачением?

— Поначалу тяготила. Теперь свыкся с этой мыслью. Сейчас есть только рутина. Если переживать из-за этого, то невозможно будет работать... Может, выпьем немного?

— Юр, ответь мне, — Таня поднялась и подошла к нему, — чувствуешь ли ты вину за то, что совращаешь людей? Совесть у тебя не болит?

— У государственных людей нет совести. Они не имеют на неё права.

Лицо у Полётова сделалось при этих словах чужим, неузнаваемо-холодным. Татьяне стало не по себе. Она не представляла, что Юрий мог быть таким.

— Но ты должен испытывать что-то, — неуверенно проговорила она.

— Что испытывает человек во время азартной игры?

— Но шпионаж — не игра. Гибнут люди. Ломаются судьбы. Совершаются государственные перевороты.

— Именно так. И всё это — большая игра... Ты спрашиваешь, бывает ли мне стыдно за мои поступки? Да, временами. Но чувство вины

и стыда легко отступают, потому что я совращаю людей не из личных корыстных интересов и всё-таки не ради того, чтобы сделать из людей предателей. Это не самоцель. Такова специфика. Я добываю информацию. Почему во мне должно жить чувство вины? С таким же успехом каждый из нас должен переживать из-за того, что давит муравьёв.

— Это не одно и то же.

— Так уж устроен мир: кто-то кого-то пожирает, чтобы выжить самому. Государства не могут не пожирать друг друга. Разведчик не может оставаться в стороне, он исполняет то, что ему поручено... Пожирает кого-то, уничтожает кого-то, рушит чью-то жизнь...

— Мне не нравится такое мироустройство.

Таня посмотрела на него долгим взглядом, и Юра понял, что никогда не видел столь необъятного отчаянья и столь великой беспомощности в её глазах.

— Малыш, не думай об этом, — проговорил он, обняв её. — Мы пришли в эту жизнь. У нас нет выбора. Жизнь — это данность.

— Разве?

— Всё может быть только так, как оно есть.

— Разве? — Опять спросила она.

— Убеждён.

— Пусть общество и не может измениться, — тяжело вздохнула Татьяна, — но нам-то не обязательно принимать участие в его страшных играх, правда? Мы же имеем право просто на жизнь?

— Это как?

— Ты можешь полностью посвятить себя литературе. А я посвящу себя тебе.

— Это мечты, Танюш.

— Но ведь мы имеем право друг на друга?

— Да.

— Тогда давай начнём быть рядом. Быть вместе.

— Как?

— Поедем куда-нибудь... — Она робко поглядела на него, будто боясь получить отказ сразу. — Ну, хотя бы для начала...

— И куда ты предлагаешь махнуть?

— В Африку, Индию, на Северный полюс... — сказала она. — Куда угодно можно. Мир огромен.

Он смотрел на Татьяну в течение нескольких секунд и вдруг решительно кивнул:

— Поехали в Индию.

— Ты серьёзно? — Она не поверила.

— Вполне. Давай паспорт, я сегодня же съезжу в турбюро.

— Так сразу?

— А чего тянуть? Уж решаться, то сразу. Время тикает, отпуск мой не вечен.

— А маршрут?

— Дели, Агра... — Юра пожал плечами. — Что там ещё любопытного? Бенарес какой-нибудь! Да в Индии, по-моему, в любую дыру заехать можно и увидеть что-нибудь историческое или религиозное, в самую захудалую глухомань.

Индия оглушила их зноем и буйством красок.

— После Испании мне здесь всё кажется диким, — сказал Полётов во время первой прогулки по улице. — Будто я хожу посреди мусорной свалки. Какое-то повсеместное ощущение грязи. Вселенская нищета...

— Есть такое, — согласилась Таня. — Может, на Востоке всюду так?

В ответ он пожал плечами.

— Но разве ты не чувствуешь в этом своеобразной прелести? — Таня потянула носом горячий воздух. — Тут даже пыль как-то иначе пахнет.

— Не спорю.

Уже на следующий день они отправились на туристическом автобусе в Варанаси. В путь тронулись рано утром, чтобы успеть как можно больше времени проехать до восхода солнца и тем самым спастись от его безжалостных лучей.

За окном тянулись поросшие кустарником пологие холмы, кое-где выпирали из коричневой земли громадные каменные глыбы, гладко вылизанные жарким ветром, мелькали чахлые глиномазанные хижинки с крышей из пальмовых ветвей, бродили худые коровы с высокими горбами и сильно выступающими рёбрами, женщины, закутанные в пёстрые сари, несли на головах огромные корзины. Автобус мчался, вздымая за собой густые клубы пыли. Темнокожий водитель самозабвенно подпевал хриплому радиоприёмнику и покачивался в такт

песням. Сидевший на переднем кресле гид неторопливо сообщал пассажирам факты из древней истории страны, сопровождая их стихами из «Рамаяны» и «Гиты».

Варанаси встретил туристов палящим солнцем и неопишным шумом.

— У вас есть три часа на осмотр достопримечательностей, господа! — крикнул гид со ступенек автобуса.

— Ну? Как тебе эта провонявшая навозом и раскалённой пылью дыра? — спросил Полётов, выйдя на улицу. — Великий город Варанаси.

— Бенарес, — с улыбкой возразила Татьяна. — Мне больше нравится, когда его называют Бенарес. Как-то убедительнее звучит.

— И сказочнее, — добавил Юрий. — Если верить справочникам, то здесь находится более полутора тысяч храмов. Этакоеместилище святости... А заодно крематорий под открытым небом и центр массового утопления покойников. Честно сказать, не понимаю, как люди не боятся здесь заходить в реку, набитую трупами, и совершать омовение.

— Сейчас увидим, что тут такое, — Таня потянула его за собой.

Поплутав по узким извилистым улочкам Старого города, они в конце концов добрались до места, откуда им открылась великая река Ганг. К ней спускались толпы людей, все чем-то гремели, шумно разговаривали. Всюду на широкой каменной лестнице стояли велосипеды, сидели седовласые старики, шипели на сковородах и в котелках неведомые нам угощения, плакали и смеялись голые детишки, туристы сверкали объективами фотокамер. Тут и там виднелись обнажённые тела священных мужей, исхудавших до невозможности от длительного поста.

— Потрясно, — прошептал Полётов.

— Просто другой мир.

— Гарью, правда, тянет откуда-то, палёным...

Со всех сторон поднимались стены древних храмов, грязные, облупившиеся, заплёванные. Жаркий ветер тащил над головами клочья чёрного дыма.

— Господин! — Послышалась из-за спины Полётова английская речь с ярко выраженным индийским акцентом. Голос звучал просительно, но не жалобно. — Возьмите лодку для прогулки! Я прокачу дешевле всех! Вы нигде больше не найдёте таких низких цен!

Юра обменялся взглядом с Татьяной:

— Поплывём?

— С удовольствием.

Лодочник услужливо согнулся, указывая путь к своей лодке.

— Здесь, сюда, осторожней, не опрокиньтесь...

Посудина с вёслами была старой, но крепкой. Зелёная краска, некогда покрывавшая борта, давно облупилась. Юра помог Татьяне усесться на гладкую лавочку и сам устроился рядышком. Раскалившееся на солнце сиденье источало жар.

На берегу шумная толпа индусов провожала в последний путь крохотного старичка. Его усадили со скрещёнными худыми ногами на большую каменную плиту и привязали к ней. Старичок всё время заваливался, сминался, как ватная кукла. Хлопотливые друзья и родственники опутывали покойника толстыми веревками и закрепляли на нём ещё камни, хотя плиты, служившей мертвецу тронem, хватило бы вполне, чтобы утащить на дно реки десяток человек. Старичок болтался из стороны в сторону и ронял украшенную пышными усами и бородой голову в гирлянды жёлтых и оранжевых цветов, покрывавших его грудь. Суетившиеся вокруг него люди гудели, как пчёлы, некоторые пели. Как только лодка с покойником отплыла, все разом принялись колотить железками по металлическим гонгам, дуть в трубы и рожки, хлопать в ладоши и завывать какую-то песню. Шум погребальной процессии больше напоминал спонтанный балаган, а не строгую церемонию. Можно сказать, что выглядело всё вполне буднично, никаких красочных одежд, никаких ритуальных костюмов. В основном все были одеты в белые рубахи и белые же штаны. Что касается лодочников, то все они были в изрядно изношенных майках и обёрнуты линиялыми тряпками вокруг бёдер. Едва покойника сбросили за борт и вода с плеском поглотила его, песни и звон железа прекратились. До слуха донеслось несколько запоздалых выкриков:

— Харе, харе!

Окружающее пространство наполнилось умиротворённой тишиной. Вдали слышались песни других погребальных групп, мерно колыхались коричневые воды Ганга.

— Посмотрите, господин, — указал лодочник, — вот плывёт бедняк.

Возле лодки покачивался на волнах труп. Он был похож на сломанную куклу, завернутую в грязную тряпку. Одна нога его ушла под воду, другая выгнулась костлявым коленом вверх. Облепленное

мокрой тряпкой лицо уставилось в небо.

— Не хватило денег даже на камень, — пояснил лодочник.

— Почему некоторых сжигают, а некоторых топят?

— Сжигают тех, у кого есть деньги на кремацию. Каждый индус хочет в старости побывать в этом месте, чтобы подготовиться к смерти. Когда он умрёт, его сожгут, а прах опустят в воды Ганга. Но огонь тут очень дорог, поэтому бедняков и нищих не сжигают. Умерших священников тоже не сжигают, их хорошенько заворачивают в ткань, чтобы скрыть их лицо, и топят в Ганге...

Труп легонько стукнулся о борт и поплыл дальше словно поняв, что ему не получить никакой помощи от туристов.

Лодок было много, но они не уходили далеко от берега, кружили неподалёку. Ближе к середине реки пространство оставалось почти пустым. Как только отчаливала очередная посудина с мертвецом, за ней следовали лодки с туристами, жадно следившими за погружением трупа в воду.

Добравшись до середины Ганга, лодочник бросил вёсла, чтобы дать пассажирам возможность насладиться видом Бенареса издали. Город напоминал картинку из книги сказок. Отсюда не было видно грязи, обшарпанных и заплёванных храмовых стен, не чувствовалось зловония, не оглушал общий шум. Отсюда город был похож на причудливое творение насекомых, выгрызших в белых и розовых камнях ровные ряды окошек и дверей. Дворцы магарадж громоздились друг на друга, отовсюду высовывались причудливые башенки храмов, возвышались мощные каменные стены, сбегали вниз широкие полосы лестниц, а внизу, у самой воды, колыхались разноцветные тряпичные навесы и зонты, кое-где тянулся к небу чёрный дым.

— А можно ли посмотреть, как сжигают покойников?

— Можно. Тут всё можно. Бенарес открыт для всех, — отозвался лодочник и приналёг на вёсла.

Юрий повернулся к Татьяне:

— Как удивительно.

— Ты о чём?

— Этот город абсолютно открыт, не таится, не изображает из себя священного места. Он просто есть священное место.

— Тебе не верится, что такое возможно?

— Не верится, — признался Юрий. — Я привык, что всюду все лгут,

прикидываются, натягивают на себя маски. Людям по жизни отведена какая-то роль, но они непременно стараются изображать что-то ещё, что-то постороннее, чтобы скрыть себя настоящих. А уж так называемые священные места тем более пронизаны духом лжи. Нигде я не видел, чтобы воздух был наполнен искренностью. И вот наконец я приезжаю туда, где всё настоящее. Индия не кичится своей святостью. Святость привычна для этой древней страны и естественна, как сама жизнь. Ведь жизнь являет пример того, как самое чудесное и святое может сделаться в глазах человека скучным и даже неприглядным, потому что всё очень обыденно. Ты же видела, как в двух шагах от разложенных на песке покойников запросто сидит парикмахер и обслуживает клиентов. А по другую руку от покойника рабочие занимаются починкой вытасченного на берег баркаса. Здесь всё естественно.

— Может, и у нас в стране так же? Просто мы не замечаем этого?

— Не знаю, — пожал плечами Юрий. — Нет, пожалуй, у нас не так, совсем не так. И в Европе не так.

Вдоль берега было полным-полно всевозможных речных судёнышек, многие из которых давно уже не спускались на воду и служили пристанищем для тех, кто хотел получить за небольшую плату ночлег на Ганге.

Юрий улыбнулся и тронул Таню на плечо:

— Смотри!

Он указал на светловолосую девушку, почти девочку. Она стояла на носу прогнившей баржи, одетая в вызывающе открытый купальник европейского пошива, и бросала в Ганг латунную посудину на верёвке. Она ловко управлялась с той посудиною, поднимала её на борт, жадно выливая воду себе на голову, в блаженстве запрокинув голову, и снова швыряла верёвку вниз. Некоторое время они покачивались на волнах напротив неё, а она всё обливалась и обливалась, как замороженная. На её груди пылал золотой католический крестик.

— Здесь куча европейцев, — сказал Юрий. — Складывается впечатление, что многие стремятся стать отшельниками, носят оранжевую одежду, спят на циновках, бреют голову.

— Мода на индуизм была всегда, — ответила Таня.

Обогнув пару лодок, с которых только что сбросили в воду мертвецов, они вскоре подплыли к тому месту, где грудой лежали бревна и доски и топтались около костров служители священного ритуала

кремации.

— Глянь, — удивилась Таня, — никаких тебе церемониальных костюмов. Совсем обыденно, даже чересчур.

Люди, занимавшиеся кремацией, были одеты в потные майки, короткие просторные штаны или же в обмотки. Они суетливо носили дрова из грузовых баркасов.

— Давай чуть подальше, — Юрий тронул лодочника за локоть. — Вон туда.

Перед стенами храма происходило трупосожжение. Множество любопытных сидело на ступенях, поднимавшихся от реки вверх к храмовым воротам. По этим же ступеням бродили худые коровы, вылизывая грязные камни. Какая-то собачонка с облезлым хвостом выгребала что-то из груды остывших углей, возможно, не сгоревшую часть человеческого тела. Одинокaя молодая женщина сидела возле завёрнутого в цветную материю мужчины и поглаживала тонкой рукой его лицо. Казалось, что она успокаивала его, убаюкивала. Её лицо не выражало горя, на нём лежала печать торжественного спокойствия. Рядом с той женщиной не было никого из родственников, она одна провожала умершего мужчину. Чуть в стороне от неё группа сосредоточенных стариков держала над водой укутанного в белый саван мертвеца и опрыскивала его водой, черпая её ладонями из реки. Ещё дальше на волнах покачивалась лодка, из которой готовились вынести покойника на берег. Его уже приподняли, но он выскользнул и громко стукнулся головой о борт.

Немного в стороне на сложенных дровах лежал другой умерший, которого заканчивали обкладывать ветвями деревьев.

— Остановимся, — попросила Таня.

Седовласый старик взмахнул связкой хвороста. Его товарищ заговорил, живо жестикулируя, и велел ему, судя по всему, размахивать получше, чтобы огонь разгорелся быстрее и был виден отовсюду. Собравшиеся возле костра певцы начали петь, иногда покрикивая и прихлопывая в ладоши. Пели они очень слаженно, громко, почти задорно. Все были весьма почтенного возраста, но их лица выражали не скорбь, а радость. Поголосив минуты три, певцы разом замолкли. Пламя костра вспыхнуло ярче. Теперь под треск дров затянул песню самый старейший из присутствовавших. Через его лоб тянулись две проведенные желтой краской горизонтальные полосы. Он пел

задумчиво, закрыв глаза, широко открывая рот. Он пел для того, чтобы подсказать душе, что ей надо последовать за дымом и подняться от погребального костра к небесам.

Огонь окутывал покойника с неохотой.

Одна нога, уже почерневшая от пламени, то и дело вываливалась из костра. Её приходилось заталкивать палками обратно но она упрямо выскакивала из-под поленьев наружу, будто покойник насмехался над стараниями живых людей.

Юрий спросил лодочника:

— Долго сгорает труп?

— Часа три-четыре. Я слышал, что многие родственники уходят от костра сразу после того, как огонь разойдётся, и не ждут окончания процедуры.

— Почему?

— Некоторые не могут сдержать своих слез. А индусы считают, что слезы родственника мешают гореть погребальному костру.

Юра повернулся к Тане:

— Насмотрелась? Поедем?

— Пожалуй.

— А вот хозяин пришёл, — негромко сказал лодочник и указал на только что появившегося на территории крематория крупного мужчину. Его волосы гладко расчесаны на пробор и мелко завиты за ушами. Он одет в белую рубаху и белые штаны в тонкую коричневую полосу.

— Раз в неделю он приходит сюда, просеивает пепел. Не сам, конечно, а его работники. Вон они шагают, корзины несут.

— Зачем он просеивает пепел? — спросил Юрий.

— Ищет золото.

— Какое золото?

— Кольца, украшения, серебряные и золотые зубы. Да, да, это целое дело.

За хозяином лениво шагали люди с большими грязными корзинами, некоторые несли лопаты. Хозяин взошёл по доскам на ближайшую лодку с навесом и устроился на корточках в тени. Рабочие принялись разгребать лопатами пепел, бросая его в корзины и спускаясь в реку. Там они, стоя по пояс в воде, окунали корзины в воду. Пепел всплывал на поверхность воды и плавал густой кашей. Если в пепле было что-то

тяжёлое, то оно оставалось в корзине. Изредка рабочие вынимали что-то из корзин и протягивали хозяину. Юрий не смог разглядеть, что это такое. Возможно, золото, возможно, просто прибрежный камешек.

— Пожалуй, их улов не всегда велик.

Татьяна посмотрела на часы.

— Нам пора...

Вернувшись к тому месту, откуда началось их плавание, они с удовольствием выбрались из лодки.

— Ноги гудят, — засмеялась Таня, — затекли.

Юрий достал из кармана бумажные деньги и протянул лодочнику.

— Спасибо, господин, — индеец сложил ладони перед своим лицом и несколько раз поклонился.

Юрий обнял Таню, поцеловал её в щёку и потянул за собой.

— Пойдём.

Неожиданно лодочник остановил его, взяв за локоть:

— Господин, извини меня.

— Что?

— Господин, — проговорил индеец, — вон тот человек хочет поговорить с тобой, — и он указал на голого старика, почти совсем чёрного от загара. — Это один из здешних очень почитаемых дервишей.

— Почему ты думаешь, что он хочет поговорить со мной?

— Он показал на тебя рукой.

Юрий засмеялся:

— Нет, спасибо, я не нуждаюсь в предсказаниях.

— Не отказывайся, господин, — настаивал лодочник. — К этому старцу приходят многие, но сам он никогда никого не зовёт к себе.

Юрий посмотрел на Татьяну:

— Ну что? Ключем на такую уловку? Потратим минутку?

— Грешно отказать дервишу, находясь в Бенаресе, — улыбнулась она и подтолкнула его.

Старик сидел на облитой водой каменной плите. Седая борода сильно выделялась на тёмном теле. На лысой голове сверкало солнце. Подойдя к старику, я сложил ладони на индийский манер и слегка поклонился. Он улыбнулся и поднёс свои сложенные ладони себе к груди, затем ко лбу.

— Он говорит, господин, что узнал тебя и хочет рассказать тебе нечто, — перевёл лодочник, когда старик забормотал что-то на хинди.

— Если он насчёт предсказаний, то мне ничего такого не нужно, — поспешил отказаться Юрий.

— Он говорит, что рад снова встретиться с тобой через столько лет, — перевёл лодочник слова дервиша.

— К сожалению, он ошибается, я не знаком с ним и никогда не был раньше в Индии.

— Вы встречались несколько сот лет назад, — продолжал переводить лодочник, — и на лице его проявлялось всё больше и больше откровенного изумления. — Вы были близкими друзьями, отважными воинами, служили в древнем царстве. Он говорит, что ты раскрыл ему глаза.

— В каком смысле?

— Ты помог ему проникнуться духом смерти, он перестал её бояться... Так говорит этот старик... Ему надо верить... Но в той жизни с тобой произошла беда, господин. Ты отступил от той мудрости, которую носил в сердце. Ты потерял равновесие, поддался ярости. Ты погиб, господин...

Переводчик почти с ужасом смотрел на Полётова. Его изумление не знало пределов. Похоже, что никогда он не слышал, чтобы здешний дервиш обращался с подобными словами к европейцу.

— И он рад, — продолжил лодочник, — что ты смог снова подняться из праха.

— Передай ему, что я благодарю его за внимание к моей персоне, — ответил Полётов.

— Он видит, что ты не веришь ему, господин. Но он не обижается на тебя. Он знает, что в твоём сердце живёт великая подозрительность. Он знает, что ты ведёшь двойную жизнь и что это убивает тебя.

После этих слов Юрий посмотрел на дервиша новыми глазами.

— Почему он думает, что я веду двойную жизнь?

— Он просто знает это. Он говорит, что ты и в этой жизни выбрал путь воина, но теперь это не твой путь, — растерянно проговорил лодочник.

— Какой же путь должен выбрать я?

— Путь жизни...

Юрий переглянулся с Татьяной и обратился к переводчику:

— Скажи ему, что я пишу книги. Разве это плохо?

— Он настаивает, что ты выбрал путь воина, — проговорил лодочник,

внимательно выслушав слова дервиша. — Не имеет значения, во что облечены твои действия. Ты должен стать другим. Просто жить. Тогда придёт радость.

Дервиш протянул руку и коснулся ладони Юрия. Впервые за всё это время Полётов вдруг испугался. Ему вдруг сделалось не по себе.

Старик произнёс что-то, переводчик сказал:

— Он благословляет тебя.

Юрий кивнул, а лодочник попросил:

— Господин, оставь мне что-нибудь на память. Этот святой человек очень уважаем здесь. Если он сказал о тебе такие важные слова, значит, это правда. Но как же в таком случае я могу не взять от тебя чего-нибудь на память? Самый простой предмет из твоих рук будет для меня большим подарком. Подержи хотя бы этот камешек, — он подхватил небольшой камень из пыли и протянул его Полётову, — подержи, господин, и подари его мне.

Юрий взял камешек, покрутил его в руке и подал его лодочнику.

— Благодарю тебя, господин, — широко заулыбался тот и сложил ладони перед своим лицом.

Дервиш засмеялся, наблюдая за этими действиями, и ещё раз коснулся руки Юрия. Он что-то пробормотал на прощанье и жестом показал, что Полётов должен идти. Индийцы умеют очень красиво двигать руками, особенно кистями рук, делая это проворно, элегантно, и каждый жест их всегда понятен.

— Вот и побеседовали, — сказал Юрий, быстрым шагом уходя прочь и увлекая Татьяну за собой.

— А он озадачил тебя, Юрка! — Воскликнула она.

— Не то слово. Просто в тупик поставил. Денег не просил. Выгоды ему никакой. В приятели не набивался... Ну, допустим, жили мы с ним пару веков назад вместе, дружили, воевали бок о бок... Объясни, что кроется за его словами?

— Не знаю, милый, не знаю. Мы же в Индии. Здесь всё не так, как у нас.

— И что? Нет, ты объясни, какой ему прок от меня?

— Слушай, ты разве не можешь смотреть на мир иначе? — возмутилась Таня.

— Как?

— Забыв о службе!

— При чём тут служба? — Полётов понизил голос.

— При том, что ты всех подозреваешь в чём-то! Ты разучился верить в искренность, всюду видишь подвох.

— Неужели? — Юрий остановился. — Ты и вправду так думаешь? Я на самом деле такой?

— Да! Такой! Ты всё время в седле! Всё время с пистолетом в руке!

— Ты заблуждаешься. Я никого не подозреваю ни в чём...

— Это ты заблуждаешься, милый. Может, ты не заметил, но твой первый вопрос был: «Какой этому дервишу прок от меня?»... Тебе даже на секунду в голову не пришло, что старик мог говорить правду. По крайней мере то, что он думает. Ты сразу ощетиливаешься внутренне: зачем эти слова, что за этим таится, кто под тебя делает подкоп? Юра, опомнись! Мы же на отдыхе! Нельзя так!

Он стоял смущённый и подавленный.

— Со мной трудно жить? — спросил он через некоторое время.

— Ужасно!

— Но ты же живёшь со мной.

— Потому что люблю тебя. Но не того, который всё время настороже, а другого. Писателя, художника, мужчину, человека... Пойдём, иначе на автобус опоздаем...

Они молчали почти всю дорогу. В гостиницу приехали только вечером.

— В бассейн ходим? — спросил Полётов.

— Не знаю, — Таня пожала плечами. — Кажется, я здорово перегрелась. Устала. Не хочется ничего.

— Пойдём, — попросил он.

Они переоделись и спустились вниз. Небо давно погасло, светили фонари. В бассейне кто-то лениво плескался. Вода колыбалась голубой подсветкой, манила в свои прохладные недра.

— Какое спокойствие, — прошептала Татьяна.

— Принести что-нибудь выпить?

— Соку... И пива, пожалуй.

Юра кивнул и сбегал в бар. Через пару минут он уже сидел на топчане возле Тани.

— Как ты? Полегче? — Спросил он.

— Угу, — она с наслаждением глотнула пива, — только всё-таки душновато.

Искупавшись, они вернулись в номер. Таня скинула купальник и пошла в душ.

— Ужинать будем? — Крикнул Полётов.

— Не хочу, — донеслось из ванной.

Он поднял трубку телефона и заказал шампанского.

Выйдя из душа, Таня увидела блестящее ведёрко, набитое мелко наколотым льдом, из которого торчала зеленоватая бутылка.

— Шикую? — Улыбнулась Таня. Она была завернута в мокрую простыню. Голое тело отчётливо проступало сквозь налипшую ткань.

— И занимаемся любовью.

— Сударь, не много ли удовольствий для одного дня? — Она прошлёпала босыми ногами по прохладному каменному полу, остановилась перед Юрием и распахнула простыню. — Не будешь ли ты завтра разбитым?

— Мы же не разбивать будем друг друга...

— А что же мы будем делать? — Таня разжала руки и мокрая простыня тяжело упала к ногам.

— Ты обворожительна.

— Узнаю голос писателя...

Она бросилась на кровать лицом вниз и с наслаждением вытянулась. Жёлтый свет ночной лампы ровным полукругом очерчивал спину и плечи женщины. Юра прилёг рядом, положив голову ей на поясницу. Расслабленной рукой он погладил Татьяне ноги.

— Сними ты свои чёртовы плавки! — Она лениво взмахнула рукой.

Он перевернулся на спину и выполнил её просьбу.

— Обожаю смотреть на тебя, когда ты голый и когда только начинаешь возбуждаться, — сказала она. — Есть в этом какая-то таинственная мощь... Мне кажется, я с возрастом становлюсь более распушенной...

— Не замечал.

— Ты не понял. Во мне пробуждается жадность до секса. Не желание иметь больше и чаще, а жадность до всего, что имеет отношение к сексу... Именно жадность. Смотреть на это хочется... Мне трудно объяснить. Раньше такого не было. — Она перевернулась на спину и дотянулась до его паха. Её пальцы легонько притронулись к медленно набухавшему мужскому органу. — Знаешь, что-то такое могучее во мне зреет, когда вижу это... Абсолютное непонимание и жуткий восторг.

Прямо дух захватывает...

— Меня всегда это одолевало. Раньше, конечно, больше было чувственности, и меньше эстетического наслаждения.

— Да я бы не сказала, что тут эстетическое удовольствие. Нет, такое переживание надо как-то иначе назвать, потому что эстетическое чувство очень крепко переплетается с физиологией. Не душой радуешься, а телом. Но телом всё же не напрямую, а духовно... Ну, что ты улыбаешься? Я же сразу сказала, что не могу объяснить этого... Откупоривай бутылку.

Он зашуршал льдом и звонко хлопнул пробкой. Шампанское мягко зашипело в бокалах.

— За нас, — предложил Юра.

Таня жадно выпила вино и откинулась на спину.

— Я готова, сударь, — она закрыла глаза, — начинайте...

Он долго ласкал её. Она выгибалась в спине, мягко елозила ногами, закидывала голову, иногда прикасалась к Юрию пальцами, но трогала его лишь несколько секунд и выпускала из руки, шепча: «Нет, не буду, делай всё ты!»...

Потом она быстро уснула, исчерпав любовную страсть, а Полётов долго не мог успокоиться. Он несколько раз выходил на балкон, вслушивался в ровные звуки ночи, густо насыщенной густым звоном насекомых, возвращался в комнату и садился в глубокое кресло, чувствуя обнажённой кожей шершавую поверхность обивки. Лунная полоска света тянулась из окна через кровать и невесомо обнимала женские бёдра, прикрытые складками простыни. Несколько раз Юрию казалось, что усталость готова была свалить его, и он укладывался, осторожно прижавшись головой к плечу Татьяны. Но сон опять не приходил.

— Ты что? — Вдруг спросила Таня. — Не спишь?

— Не получается.

— Я думала, что мне снится, будто ты по комнате шастаешь, а ты и впрямь колобродишь.

— Тревожно мне что-то, — признался Полётов.

Таня села в кровати и потёрла заспанное лицо.

— Он что-то разбудил во мне, — задумчиво проговорил Юрий.

— Кто?

— Дервиш... Какое-то беспокойство...

— Что тебя тревожит, милый? — Она бережно погладила его по голове.

— Не знаю. Нет, пожалуй, это не тревога. Тут что-то другое...

— Но ты сказал «беспокойство».

— Неймётся мне. Знаешь, энергия какая-то собралась внутри и давит, требует действий. Мне кажется, что я всю жизнь охватываю одним взглядом. И прошедшие годы, и будущие...

— И что ты видишь?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Всё как-то на уровне ощущений.

— Что-нибудь плохое?

— Нет... То есть... Там разное... Плохое и хорошее. Будто разные варианты, — в глазах Юрия появился испуг. — Такое чувство, будто вижу тюрьму в конце жизни, застенки какие-то, издевательства... И в то же время вижу, как умираю в окружении доброжелательных людей, в домашнем уюте, в роскоши... Одиноким себя вижу, обиженным и обозлённым, брошенным всеми, ... И вместе с тем сразу на меня накатывает убеждённость в противоположном... А главное — не могу отогнать всё это... Ты помнишь, каким я становился, когда начинал над очередной книгой работать?

— Помню.

— Вот сейчас нечто подобное. В голове и на сердце всё кипит, проворачивается через мясорубку. Я вроде бы знаю, что делать, но не могу сделать ни шагу, ни строчки написать, потому что ни в чём не уверен. А вместе с тем я же вижу книгу целиком! Как жизнь!

— Может, в тебе новая книга зарождается?

— Нет, уверен, что сейчас не в книге дело.

— Тогда в чём?

— Не понимаю... Тут речь о настоящей жизни... Какие-то ходы, повороты, решения... Да, да, именно решения...

— Ты не можешь на что-то решиться? — Спросила она, не в силах понять Юрия.

— Да на что решиться-то? — Он измученно рассмеялся. — Мне решаться не на что. Передо мной нет никакого вопроса, я не выбираю ничего... Но ощущение такое, будто выбираю... Ответить на вопрос, который не прозвучал, не сформировался... Да, вот в чём дело! Я понял.

— Что?

— Во мне зреет какой-то вопрос.

— Какой?

— Не знаю! Вопрос набухает, как книга. Но его ещё нет, поэтому я не понимаю, в чём дело. Но он уже присутствует, как зародыш в женщине. До ребёнка далеко, но изменения в организме уже начались. Понимаешь?

— Понимаю.

Таня поцеловала Юрия в губы.

— Юр? — позвала она после двух-трёх минут молчания.

— Что?

— Ты можешь пообещать мне?

— Не могу. Сначала скажи, чего ты хочешь.

— А ты пообещай.

— Нет. Скажи, о чём речь.

— О твоих книгах.

— О новых? Хочешь вырвать из меня обещание, что я сяду работать, когда мы вернёмся домой? Угадал?

— Да. Хочу. Обещай мне, что оставшееся время ты будешь писать. Ты обязательно должен завершить «Коричневый снег».

— Почему именно его?

— Потому что там надо лишь подшлифовать. Книга почти готова.

— А я кое-что новое начал.

— Почему не прислал мне почитать? — Она навалилась на Юрия и впилась глазами в его лицо. — Почему я не читала? Где? Где оно? В Москве есть текст?

— Разумеется.

— Ну ты и сволочь! — В голове её не прозвучало ни малейшего намёка на шутку. — Не прощу тебе этого!

Она перевернулась, отползла от Полётова и уставилась в стену.

— Танюш, ты что? Ты обиделась?

— Ещё как! Ты просто настоящий гад, — она говорила, не изменяя положения, обращаясь к стене. — Ты же знаешь, как я жду этого от тебя...

— Малыш, я хотел сделать сюрприз. Мне нужно подправить некоторые моменты.

— Теперь я не смогу спать. Теперь я не дотерплю до Москвы.

— Дотерпишь...

Татьяна рывком села на постели и шлёпнула Юрия ладонью по груди:

— А ну рассказывай, о чём книга. Живо!..

Рейс на Москву задержался почти на три часа. В здании аэропорта стояла нестерпимая духота, кондиционеры не спасали.

Полётов протянул Татьяне бутылочку холодной кока-колы.

— Устала? — спросил он.

— Жара вымотала. — Таня медленно поднесла ко рту пластиковую трубочку и сделала глоток. Её лицо было красным, жёлтые волосы прилипли к мокрому лбу. — В первые дни мне не показалось, что здесь так ужасно. Что же тут летом-то творится?

— Странно, что мы ещё ноги переставляем. То на солнце изжариваемся, то в прохладное помещение ныряем, то в раскалённом автобусе трясем... Никогда больше не подую сюда.

— Не понравилось? — слабо улыбнулась Таня.

— Экзотики должно быть в меру. Знать бы только, где эта мера...

— Ой, слушай! Кажется, наш рейс объявляют.

— Наконец-то! Я уж начал думать, что придётся здесь издохнуть...

Самолёт оказался наполовину пустой, и многие пассажиры заняли по два-три места, с наслаждением вытянувшись на свободных креслах, как на кроватях. Таня выпила холодной газированной воды и сразу уснула. Юрий укрыл ей ноги пледом и, заказав себе бутылку вина, устроился рядышком. Лететь предстояло долго, но спать не хотелось, поэтому он достал блокнот и принялся делать пометки. Ровный гул двигателей успокаивал, ничто не отвлекало...

Когда самолёт совершил посадку, Юра с изумлением обнаружил, что исписал мелким почерком почти все листы. Так продуктивно он давно не работал.

— Малыш, мы в Москве, — он осторожно потрепал Таню по голове.

— Я ещё немного, я попозже... — пробормотала она.

— Вставай, — Полётов заставил её проснуться.

Она поднялась с трудом и пожаловалась:

— Качает...

Выйдя из здания аэропорта, Юрий взял такси. Время шло к полуночи, поэтому до Москвы добрались быстро, по освещённым рекламными огнями улицам промчались стремительно, оставляя за собой шлейф вьющейся мокрой пыли, поднятой с залитого лужами

асфальта.

Дома Таня опять быстро уснула, безвольно запрокинув голову и разметав руки. Юра долго стоял возле кровати, с беспокойством глядя на измученное любимое лицо. Только сейчас он заметил, насколько оно изменилось за последние несколько часов: глаза изрядно заплалили, щёки обмякли, губы вяло обвисли, лоб покрылся красными пятнами. Если бы Полётов увидел это лицо на фотографии, то не узнал бы Татьяну.

«Устала. Смертельно устала. Может, ей нельзя в такой климат? Чёрт возьми, она никогда не выглядела так ужасно! Будто мёртвая... И зачем только мы поехали? Отдыхать? Кому нужен такой отдых, если после него смертельная усталость?»

Он выключил свет в спальне и прошёл на кухню, стараясь двигаться бесшумно. В холодильнике стояла початая бутылка водки. Он наполнил рюмку до краёв и медленно выпил её содержимое. Ледяной напиток побежал вниз по телу, пустил в стороны жгучие морозные лучи, которые тут же сменялись тёплыми волнами. Полётов налил вторую рюмку и снова выпил. В животе стало горячо.

«Надо вздремнуть».

Он быстро разделся и вернулся в спальню. Таня никак не отреагировала на его появление...

Она открыла глаза только к полудню. Взгляд её был тяжёлым, лицо казалось ещё больше оплывшим, чем вчера.

— Не выпалась? — спросил Юрий.

Таня молча обвела глазами комнату и протянула Юрию вялую руку. Он пожал её.

— Может, поспишь ещё?

Она покачала головой:

— Нет. Тошнит...

А через час она попросила тазик, и её начало рвать.

— Уйди, — отгоняла она Юрия. — Оставь меня! Не трогай! Я сама.

Он растерянно топтался поблизости, садился на пол, бережно придерживал руками Тане голову, протирал её влажным полотенцем, уходил, ополаскивал таз и опять возвращался.

«Что за напасть такая?»

Он вызвал врача, но пришедшая пожилая женщина лишь сказала:

— Возможно, отравление. Сдайте анализ кала. И кровь тоже проверьте. А может быть, это просто резкая перемена климата.

Не беспокойтесь. Это пройдёт.

И ушла.

Временами Тане становилось лучше. Тогда она пыталась улыбнуться, но улыбка получалась вымученной.

— Я немного вздремну. Ты иди, работай, милый. Не сиди возле меня, — бормотала она, отталкивая Полётова. — Иди к себе в комнату, пожалуйста, пиши, пиши...

— Малыш, я не могу... Вот когда поднимешься на ноги...

— Нет, иди. Если что-то понадобится, я позову... Сделай мне приятное. Когда я встану, дай прочитать всё, что у тебя написано... Ладно?

— Хорошо.

Юрий неохотно уходил в свою комнату и садился за компьютер. Работать не получалось. Он тупо смотрел на клавиши и вслушивался в звуки, доносившиеся из спальни. А через час неведомый приступ снова начинал терзать Таню, подкатывали рвотные спазмы, и Полётову оставалось лишь беспомощно смотреть на мучения любимого человека.

К вечеру Таня почувствовала, что её организм наконец расслабился. Тугая внутренняя струна, державшая всё тело в невыносимом напряжении и выворачивавшая наизнанку, исчезла. Головная боль, от которой едва не лопнул череп, отступила. Опухшими губами Таня отхлебнула холодной воды и шепнула:

— Спать...

По щеке её пробежала слеза.

«Господи, — думал Полётов, — за что же нам даются такие испытания? Что мы должны обнаружить в себе, пройдя через это? Осознать собственное бессилие? Понять свою ничтожность? Увидеть, что мы ничего собой не представляем, несмотря на огромный багаж знаний? Ведь вот случилась беда, а я сидел и не мог ничего сделать. Чувствовал себя младенцем, оторванным от матери и выброшенным в ночную пустыню».

Он опустил на кровать рядом с Таней и осторожно, едва прикасаясь к ней, погладил её по голове.

«Спи, пожалуйста, спи крепко и выздоравливай. Нет ничего хуже в жизни, чем видеть страдания близкого человека. Спи, малыш, отдохай, набирайся сил»...

— Юр...

Её голос звучал тихо.

Полётов вздрогнул. События предыдущего дня восстановились в памяти не сразу.

«Уснул! Чёрт возьми! Уснул!»

Он поднялся на локтях и посмотрел на Таню.

— Ты как?

— Во рту горечь.

— Это после вчерашней рвоты.

— Принеси мне, пожалуйста, стаканчик с водой, — слабо попросила она. — Хочу прополоскать рот.

— Давай я помогу тебе до ванны дойти. Умоешься нормально.

— Нет, нет, я здесь, — она утомлённо прикрыла глаза. — Я в тазик сплуну. Пока не хочу никуда идти. — Увидев беспокойство на лице Юрия, добавила: — Я совсем в порядке. Только слабость. Милый мой, не беспокойся...

К обеду она уже сидела в кровати. Лицо осунулось, жуткие отёки под глазами исчезли.

— Я чертовски устала...

— Ещё бы.

— Пробуждается аппетит, — улыбнулась она. — Хочется пожевать чего-нибудь.

Ступени

— Анализы ничего не показали. Тем лучше, — сказала Таня, — значит, не о чем тревожиться. Тебе скоро улетать. Было бы совсем ни к чему, если бы у меня обнаружилась какая-нибудь гадость в печёнке или кишках.

— Хорошо, что всё в порядке.

Они только что вернулись домой, когда раздался телефонный звонок.

— Привет, — раздался в трубке голос Павла Костякова. — Как дела?

— В порядке, — ответил Полётов.

— Юра, шеф требует тебя к себе.

— Когда?

— Сможешь сегодня?

Полётов недовольно взглянул на часы.

— Могу. А что стряслось?

— Приезжай, тут всё узнаешь. Только не дёргайся. Ничего страшного.

Юрий положил трубку и посмотрел на Таню:

— Похоже, моё начальство хочет подпортить нам с тобой последние дни...

Начальник отдела встретил Полётова улыбкой.

— Здравствуйте, Юрий Николаевич.

— Вечер добрый, Вениамин Петрович.

В кабинете больше никого не было.

— Извините, что выдернул вас так внезапно. Но тут возникли одна ситуация...

— Слушаю.

— Про фирму «Вью Интернэйшнл» ничего не знаете?

— Нет, — подумав, ответил Полётов, — а почему вы спрашиваете?

— Потому что она была создана два года назад как акционерное общество закрытого типа с участием российского издательства «Папирусный дом» и американской фирмы «Ист Пабликэйшнс».

— «Папирусный дом»?

— Вот именно. Издательство вам знакомое, Юрий Николаевич. Крупное, солидное, хорошо зарекомендовавшее себя на рынке. А вот «Вью Интернэшнл», как выяснилось, имеет уставной капитал всего в сто тысяч рублей. Фирма явно создана в качестве ширмы. Её задачей было «приобретение и распространение во всём мире печатной продукции как в оригиналах, так и в репродуцированных формах». Несмотря на небольшой уставной капитал, офис фирмы был немедленно оборудован самой современной оргтехникoй и телекоммуникационной аппаратурой. Президентом и соучредителем предприятия был американец Майкл Кент, специалист по военной истории России. Благодаря личным контактам господина Кента с рядом российских военных издательств и учреждений, «Вью Интернэйшнл» удалось заключить контракты на получение огромного количества периодических изданий и академических ведомственных изданий. Контрразведка установила, что за океан могли отправить не только широкодоступные материалы, но и публикации, не оговоренные ни контрактами, ни уставом фирмы. Недавно на таможне был задержан груз, принадлежавший фирме «Вью Интернэйшнл» и адресованный в США. За океан предполагалось отправить большое количество геологических карт о полезных ископаемых. Такое законом допускается, но при наличии соответствующей лицензии, которой в данном случае не было. Вместе с картами таможенники обнаружили около ста документов Госдумы. Среди них была информация об итогах парламентских слушаний, депутатские запросы, выписки из протоколов заседаний различных комитетов и подкомитетов, пояснительные записки и поправки к законам, постановления и многое другое.

— Ничего себе грузик! Целый архив!

— Контрразведка установила, что некий Горбов, эксперт фирмы, находился на связи с американским разведчиком, работающим под «крышей» посольства. После прикрытия «Вью Интернэйшнл» Кент попытался наладить пересылку секретных документов через американское посольство, для чего задействовал Горбова. Его взяли с поличным во время документов американцу. Но Горбов был только передаточным звеном. Он не знает, откуда поступают документы.

— Что вы хотите от меня, Вениамин Петрович? Какое отношение я имею к этому делу?

— Во-первых, Юрий Николаевич, вы знакомы с Кинжаловой.

Поработайте с ней, провентилируйте со своей стороны, может, ей придёт что-нибудь на ум, кто имел завязки с «Вью Интернэйшнл». Во-вторых, у меня есть серьёзное основание полагать, что в связи с публикацией ваших книг в «Папирусном доме» к вам сделает подход Джордж Уоллис.

— А этот здесь каким боком затесался?

— С ним поддерживает тесные контакты Майкл Кент, бывший президент «Вью Интернеэшнл».

— Любопытно.

— Как видите, может сложиться интересная комбинация. Вы — модный журналист, а теперь ещё и писатель, напрямую связанный с издательством, через посредство которого американцы переправляли закрытые документы. Вполне достаточные причины, чтобы Уоллис попытался каким-то образом использовать вас для налаживания нового канала. Если это случится, то у нас появится шанс выяснить, кто добывает для них секретные материалы.

Полётов хмыкнул:

— Что ж, чем чёрт не шутит! Давайте рискнём.

— Я свяжусь с Мадридом, предупрежу, что вы задержитесь в Москве, а вы пока возьмитесь за госпожу Кинжалову. Встретьтесь с ней, побеседуйте, прощупайте. Разумеется, никаких прямых разговоров на интересующую нас тему. На Кинжалову нет компрометирующих материалов. Она женщина активная, работоспособная, легко справляется с поставленными задачами, но мыслит, судя по имеющимся у нас данным, довольно узко. Её запросто могут использовать «втёмную». Так что не переусердствуйте.

Полётов созвонился с Катей в тот же день.

— Юра, рада тебя слышать! Ты что-то пропал. Создаётся впечатление, что тебя вовсе не интересует судьба твоих книг. Даже не спрашиваешь, хорошо ли продаются.

— Если честно, Кать, то я заглядывал разок в магазин и справлялся там. Так что я в курсе, что тираж расходуется быстро.

— Какой ты шустрый! — засмеялась она. — Ладно, про книги ты знаешь, а просто так не хочешь увидеться?

— С удовольствием.

И они условились о встрече на следующий вечер в кафе «Кукуруза». Кинжалова опоздала на пятнадцать минут и, появившись, состроила виноватое личико.

— Извини, Юра. Муж внезапно объявился. Пришлось задержаться.

— Неприятности?

— Нет. У него иногда случается... Вдруг вспоминает что-то, начинает выяснять отношения... Знаешь, он никак не привыкнет к тому, что я — человек самостоятельный. Только свысока разговаривать умеет.

— А ты?

— Приходится охлаждать его. Ничего страшного. С ним у меня всё нормально. Бывают ситуации сложнее.

— Какие, если не секрет?

— Ой, да разные. Недавно закрылось «Вью Интернэйшнл».

— Это что такое?

— Было при нашем издательстве такое совместное с американцами предприятие. Но чего-то они там напортачили. Президент сразу из Москвы исчез.

— А зачем тебе нужна была какая-то левая контора?

— Ну...

Катя неторопливо рассказала, как познакомилась с Кентом и как возникла идея «Вью Интернэйшнл». Назвала несколько имён...

Чтобы не слишком педалировать возникшую тему, Юра незаметно перешёл на личную жизнь Кати и вспомнил дни юности. Они проговорили часа два, и Кинжалова предложила увидеться ещё.

— Давай завтра, чтобы не откладывать в долгий ящик. Приезжай ко мне.

— Заманчивое предложение, — улыбнулся Полётов.

Катя наклонилась к нему через столик:

— Хочешь честно?

— Валяй.

— Как только я увидела тебя на презентации, сразу подумала: вот бы повторить всё, что было, — в её глазах появилась игривость.

— Повторить так, как оно было тогда?

— Да!

Теперь он придвинулся к ней и заговорщически проговорил:

— Катюш, скажи мне по секрету: ты, случаем, не всю ли жизнь занимаешься таким сексом?

Она откинулась на спинку стула и засмеялась.

— А ты проверь, — Катя выразительно шевельнула бровями и спросила: — Приедешь?

Юрий долго смотрел на неё, потягивая вино, и молчал.

— Ты меня гипнотизируешь? — спросила она

— Пытаюсь представить тебя без одежды.

— Зачем напрягать воображение? Завтра увидишь собственными глазами...

Вернувшись домой, Полётов немедленно связался с начальником и вкратце пересказал всё, что услышал от Кинжаловой о «Вью Интернэйшнл».

— Завтра мы ещё раз встретимся, — сказал он. — Но мне не хочется, чтобы эти встречи продолжались долго, Вениамин Петрович.

— Какие-то проблемы?

— Личного плана.

— Понимаю. Что ж, вы всегда можете объявить ей, что через несколько часов улетаете в Испанию. Если ситуация начнёт засасывать, то так и поступите.

— Хорошо...

Он принял душ и вошёл в спальню. Татьяна лежала в кровати и читала распечатку, делая на листах пометки авторучкой.

— Припозднился ты сегодня.

— Встречался с Кинжаловой.

— Зачем? Или ты забыл, что книжными твоими делами занимаюсь я?

— Тут не о книгах речь.

Он вытянулся рядом с ней и в общих словах рассказал, в чём состоит дело.

— Дёрнул меня чёрт пойти именно к ней! — с досадой проговорила Таня. — Можно подумать, что других издательств нет. Теперь будешь барахтаться с этими американцами. Мало у тебя другой работы, что ли?

— Танюш, работы у меня всегда по горло. Не одно, так другое подsunут. Служба есть служба. Так что ты не переживай из-за этого. Вот с Катериной мне не очень хочется видаться.

— Боишься, что не устоишь перед её чарами? — Татьяна хмыкнула.

— Есть в ней то, что мне не нравится в женщинах. Этакая властность, хозяйственность. Любит она распоряжаться людьми.

Юрий задумался. Гораздо больше ему не нравилось другое. Находясь

в Москве, он не хотел связываться ни с одной женщиной. Была в нём какая-то странная убеждённость, что на этой территории он не имел права заводить отношения с другими представительницами прекрасного пола. Здесь жила Таня.

«Танюша... Мой чудесный малыш... Когда ты рядом, мне никто больше не нужен...»

Он встал и взял со столика сигареты.

— Юр, не кури. Ладно? Что-то мне в последнее время не нравится дым. Как-то плохо он на меня действует.

Полётов бросил сигареты и вернулся к Татьяне. Взяв из её рук пачку бумажных листов, он отложил их в сторону.

— Давай обнимемся, — попросил он.

— С удовольствием, — она прижалась к нему, уткнувшись носом ему под мышку.

Минуты две они лежали молча.

— Мне нравится твоя новая книга, — сказала наконец Таня.

— Да? — вяло отреагировал он.

— Но некоторые места надо сильно поправить.

— Поправим, — его голос звучал почти отчуждённо.

— Ты не хочешь разговаривать? Настроение плохое?

— Нет, всё в порядке. Просто что-то накатило... Задумчивость какая-то... Наверное, спать хочу...

— Спи, — согласилась Таня, — а я ещё читаю. Мне уже немного осталось...

На следующий день домой к Юрию заглянул Павел Костяков, предварительно договорившись по телефону о своём приезде.

— Юр, извини, что я прямо с порога о работе, — заговорил Костяков. — Знаю, что ты ещё в отпуске, но тут дело такое...

— Какое?

— Из Мадрида пришла информация, что один человек из секретариата министра иностранных дел стал оказывать знаки внимания известной тебе барышне.

— Ты говоришь о Монике?

— Да.

— А кто этот человек?

— Себастьян Лобато. Мы давно облизывались на него, но безрезультатно. Он словно из стали выкован. Никаких интересов,

никаких слабостей. Редкий тип, только работа на уме. Подкатить к нему не получалось ни с какой стороны. И вдруг возникла твоя испанка! Ты понимаешь, куда я клоню?

Юрий достал сигарету и закурил.

— Да, — кивнул он, — жаль упускать такой случай.

В эту минуту дверь открылась, и вошла Татьяна.

— Здравствуйте, господа, — церемонно произнесла она, подставляя руки для поцелуев.

— Привет, Танюша, — улыбнулся Костяков. — Ты как всегда обворожительна, — повернувшись к Юрию, он добавил: — Я тебе завидую. Такая женщина возле тебя. Не понимаю, почему ты не сделаешь ей предложения.

— Да я делал, делал, — ответил Юрий рассеяно.

— Значит, не годишься ты в мужа, — заключил Павел.

— Ты, разумеется, по работе? — ухмыльнулась Таня, глядя на Костякова. — Просто так у вас не получается посидеть, чтобы по-человечески, как нормальные люди?

— Не получается, — виновато улыбнулся Костяков. — Просто так языками чесать будем только на пенсии.

— Жаль... Кофе вам сварить?

Полётов кивнул и посмотрел на Павла.

— Значит, Себастьян Лобато? — переспросил Юрий. С Моникой он в «Клаусуре» познакомился?

— Не знаю. Ты же со многими свёл её, теперь не проследить, где она бывает. Мы про неё узнали только потому, что ребята на банкете увидели Лобато с девушкой. Сели ей на хвост, выяснили, кто она.

— О чём мы можем попросить её? — Полётов задумался. — Достать через неё какие-нибудь документы? Но для этого она должна попасть к нему на работу.

— Установлено, что он много работает дома.

— Дома? Что ж, это легче. Надо сунуться к нему в компьютер.

— Ты когда в Испанию возвращаешься?

— Если начальство никаких новых дел не подпихнёт, то в начале следующей недели буду там... Надо всё это детально обсудить. Завтра я появлюсь в отделе, давай заглянем к руководству насчёт Моника. Может, имеет смысл поговорить с ней открыто?

— Пойти на вербовку?

— А почему нет? Если всё и дальше так пойдёт, то у неё вскоре будет много очень полезных для нас знакомств.

В эту минуту Таня принесла кофе.

— Я покидаю вас, — она поцеловала Юрия и помахала рукой Павлу, — мне пора.

— Тань, я тоже через часок отвалю, — крикнул Полётов ей вдогонку. — Во сколько вернусь, не знаю.

Они обсудили с Костяковым ещё некоторые служебные вопросы и, допив кофе, ушли.

— Тебя подвезти куда-нибудь? — предложил Павел.

Юра отказался. Ему хотелось побыть одному перед встречей с Кинжаловой. Он был уверен, что вытянул из Кати всё, что она знала насчёт «Вью Интернэйшнл», поэтому не рассчитывал на новую информацию, однако договорённость о свидании была, так что следовало использовать ситуацию по полной программе. Юрий не сомневался, как будут развиваться события на квартире у Кинжаловой, и чувствовал себя немного скованно. Он ни разу ещё не отправлялся на задание для того, чтобы лечь с женщиной в постель. Обычно такие вещи случались непреднамеренно, поэтому в завязавшихся отношениях никогда не чувствовалось дурного душка. Личные отношения естественным образом переходили в отношения, полезные для его службы. Но сегодня Полётов шёл, чтобы заняться сексом с женщиной специально для того, чтобы в интимной обстановке развязать ей язык и вытащить из глубин памяти Кинжаловой то, о чём она забыла или о чём не захотела говорить в прошлый раз.

«Вот уж не подозревал, что всё это будет угнетать меня, — подумал Юрий, останавливаясь перед домом, где жила Катя. — Никакого приподнятого настроения, что-то гложет внутри. Неужели для меня так важно, чтобы в сердце был хотя бы крохотный отголосок любви? Она ведь привлекательная женщина, раньше она нравилась мне. Откуда ж теперь взялся этот трагизм? Почему я не радуюсь от предвкушения приятного времени?»

— Здравствуй, — сказал он, когда дверь открылась.

— Привет, — ответила Катя и поцеловала его в губы.

Она была одета в строгую тёмно-синюю юбку чуть ниже колен и короткий пиджак того же цвета, надетый на белоснежную рубашку.

— Тебе очень идёт этот костюм. Просто шикарно выглядишь!

- Спасибо, — она провела его в комнату. — Выпить хочешь?
 - Нет. Хочу быть трезвым, чтобы запомнить всё в деталях.
- Катя посмотрела на него, сдерживая набежавшую улыбку.
- Вставишь эту сцену в очередной роман?
 - Как знать...

Она шагнула к нему и снова припала ртом к его губам, и он почувствовал её проворный язык. Юрий снял с неё пиджак и бросил его, не глядя, в угол комнаты. Катя нащупала руками застёжку на юбке, и через несколько секунд перед Полётовым предстало нагое женское тело, крепкое, выпуклое, горячее.

— Нравлюсь?

— Не то слово, — Юра с удовольствием отметил, что в нём немедленно пробудился мужской интерес, от головы к животу разлилось тепло. «Вот и прекрасно, — подумал он. — И не нужно об угрызениях совести думать».

Катя отступила на пару шагов и села на кровать.

— Раздевайся, — проговорила она. — Нет, пожалуй, я сама. Хочу сама...

У неё оказались опытные руки и умелый рот.

— Хочу, как тогда, — решительно заявила она, — чтобы только трогать и трогать. И ничего внутрь...

— Катюша, дорогая, не получится у нас, как тогда.

— Получится!

— Тогда ты должна сначала сыграть на пианино. Ты забыла, что ты играла для меня на пианино, пока я ждал тебя в кровати?

— Правда? — она отодвинулась от Полётова, подумала и вскочила на ноги.

— Ты куда?

— Играть!

Она звонко прошлёпала босыми пятками по полу и скрылась в соседней комнате. Мгновением позже оттуда донеслись звуки фортепьяно. Кинжалова играла аккуратно, как ученица.

— Я совсем забыла, как это делается, — сказала она, выглянув из двери. — Зря училась.

Она медленно прошла через комнату, покачивая тяжёлыми грудями, и остановилась перед Юрием.

— Значит, нравлюсь?

Он молча указал глазами на нижнюю часть своего тела.

— Вижу, — в голосе Кати звучало удовлетворение. — Хорошая игрушка...

Она протянула руку и погладила подрагивавший мужской орган.

— Как раньше... И совсем по-другому...

Возвращаясь домой после нескольких часов, проведённых у Кинжаловой, Юрий отчётливо слышал в себе нараставшие нестройные звуки какой-то угрюмой музыки. Это была не музыка в привычном смысле, а протяжные аккорды, иногда вовсе не сочетавшиеся друг с другом и оттого становившиеся какофоническими, пугающими. Аккорды сплетались в образы, метались, как призрачные тени, нависали, опутывали, наваливались, давили, душили. Музыка несла в себе ураган мыслей, не облечённых в форму слов, но тем не менее понятных, бесспорных, мрачных, обличающих. Раньше с Полётовым случалось нечто подобное, но никогда музыка чувств не была такой мощной, убийственной. Она звучала не только в нём самом, но даже снаружи. Весь мир был наполнен таинственными аккордами. Они пронизывали воздух тонкими стальными нитями, выворачивали его наизнанку, делая его непригодным для дыхания, хлестали из-под земли, обрушивались с неба, натягивались и снова провисали.

Полётов опустился на скамейку и закурил.

«Неправильно. Всё было неправильно».

Он окинул сторонним взглядом случившееся в квартире Кинжаловой.

«Ничего особенного. Просто секс. Странно, но я чувствую себя скотиной... Не понимаю себя».

Он долго разговаривал с Катей, и это было похоже на пустую болтовню давних знакомых, с удовольствием перескакивающих с темы на тему. Но Полётов незаметно подсовывал Кате то один нужный ему вопрос, то другой и в конце концов сумел вывести у неё несколько любопытных фактов, связанных с «Вью Интернэйшнл».

«Акула-то она, может, и акула, но только в своём бизнесе, а что касается моего дела, то она абсолютно наивна, как, впрочем, всякий нормальный человек. Её надо лишь самую малость подтолкнуть, и она побежит в нужном направлении, выложит всё, что знает. Ею воспользоваться может кто угодно, а она даже не поймёт».

Юрий выбросил окурок. Он вспомнил, как Кинжалова поцеловала его на прощанье.

— Ты придёшь ещё? — спросила она
— Да, — ответил он и подумал: «Надо срочно сматывать в Испанию. Мне совсем ни к чему всё это. Пусть ею кто-нибудь другой занимается».

Джордж Уоллис связался с Полётовым, едва тот успел появиться в Барселоне.

— Привет, Юрий, — бодро заголосил американец в телефонную трубку. — С возвращением в солнечную Испанию!

«Однако! — подумал Юрий. — Быстро же он узнал о моём приезде! Кто-то успел доложить ему. Интересно, кто? Должно быть, у него есть кто-то на таможне, через чьи руки проходят декларации. Это надо взять на пометку. Так, так... Почему же ему так важна моя персона? Неужели его интерес и вправду связан с „Папирусным домом“ и „Вью интернэйшнл“? Что ж, в таком случае всё идёт по сценарию, разработанному в Центре. Мне по-настоящему посчастливилось, когда я познакомился с Джорджем. Редкий случай. Рыба сама плывёт в сети...»

— Ты так долго отсутствовал. Мне стало думать, что ты разлюбил здешних девушек, — засмеялся американец.

— Что ты, Джордж! Мне не под силу отказаться от их общества, — хохотнул Полётов в ответ и тут же сделал шаг в направлении темы, которая должна была интересовать Уоллиса. — Пришлось задержаться из-за моих книг.

— Что за книги?

— В Москве опубликовано три моих книги! Можешь меня поздравить.

— Это просто великолепно! Надо отметить столь приятное событие, — Джордж очень умело изобразил радость и сразу уточнил: — А что за издательство?

«Вот ты и прокололся, голубчик. — Полётов мысленно зааплодировал. — Нельзя с такой готовностью клевать наживку. В нашем деле надо забыть о торопливости. Что ж, брошу тебе ещё кусочек, чтобы ты открылся окончательно».

— «Папирусный дом», — сказал он, — это весьма солидное издательство.

— Не может быть! — воскликнул Уоллис.

— Что такое?

— Как тесен мир! Я ведь знаю эту контору, — воскликнул Уоллис, и Полётов чуть ли не физически почувствовал, как у американца потекли слюни от удовольствия. — Мой хороший друг имеет бизнес с этим издательством.

— Надо же! — Юрий изобразил лёгкое удивление. — Что за бизнес? Тоже книги?

— Я расскажу тебе при встрече. Когда увидимся?

«Спешит. Ай-ай-ай... С его-то послужным списком стыдно работать так неаккуратно», — отметил Полётов и сказал:

— Сегодня я хотел бы отдохнуть, а завтра хоть с самого утра...

Они условились увидеться в небольшой закусочной неподалёку от дома, где жил Полётов. Когда Юрий вошёл, Уоллис уже сидел за столиком и пил пиво. От него сильно пахло перегаром, глаза были закрыты тёмными очками.

«Бедолага, — подумал Полётов, — голова у него, похоже, раскалывается. Видать, вчера крепко приложился к бутылке. А ведь и в прошлые разы, когда мы встречались он, помнится, изрядно налегал на спиртное».

— Давай выпьем за твой успех, — предложил американец. — Я всегда завидовал людям с литературными способностями.

И он повёл долгий разговор о том, как с детства обожал читать приключенческие романы. В его голосе звучали сентиментальные нотки. Полётов лениво откусывал от горячей булки, проложенной длинными ломтями тёмной ветчины и зелёными листьями салата, и терпеливо ждал, когда же Уоллис заведёт речь о «Вью Интершэйшнл». Наконец американец вернулся к опубликованным книгам Полётова и спросил, насколько хорошие отношения у Юрия с главой издательства.

— Самые близкие, — последовал ответ. — Она очень красивая и страстная женщина.

— Она? Выходит, издательским домом руководит женщина?

«Плохо, — мысленно ответил своему собеседнику Полётов, — очень плохо, Джордж. Ты же сказал мне, что знаешь это издательство. Разве ты можешь не быть в курсе того, что его возглавляет Кинжалова?»

— Мы знакомы с ней с детских лет, — добавил Юрий.

— Надо же! — И тут Уоллис перешёл к интересующему его вопросу: — Послушай, Юрий, не удивляйся, что я так подробно расспрашиваю. Мой

приятель, о котором я упоминал вчера, немного пострадал... Ну, не он лично, а его бизнес.

— Что за бизнес у него?

— Издательское дело, публикация всевозможных географических материалов, карт и прочей всячины... Он покупал материалы повсюду, в том числе и в закрытых учреждениях.

— Разве это законно? — Полётов изобразил лёгкую настороженность.

— Абсолютно! Впрочем, ты же знаешь, как иногда приходится действовать. Мы с тобой занимаемся профессиональной журналистикой и нередко вынуждены доставать необходимые материалы не совсем честным способом.

— Да, случается всякое.

— Вот и там были кое-какие грешки. И теперь эту контору прикрыли.

— Прикрыли? Но я же на днях был в «Папирусном доме», — Полётов играл свою роль.

— «Папирусный дом» был лишь соучредителем фирмы, которую мой приятель возглавлял и которую теперь закрыли.

— Как она называлась?

— «Вью Интернэйшнл».

— Не слышал про такую, — Юрий пожал плечами.

— Это была маленькая фирма, скромная, но занималась полезным делом. У моего друга остались связи, будет жаль не использовать их.

— Что ты имеешь в виду?

— Хотелось бы изыскать возможность для пересылки новых материалов. Это можно было бы сделать с помощью «Папирусного дома». Скажем, заключить с издательством контракт на приобретение через их посредничество того, что нам нужно. Раз ты хорошо знаком с госпожой Кинжаловой, Юрий, ты смог бы ускорить этот процесс

— Допустим, я соглашусь помочь тебе... — задумался Полётов.

— Не мне, а моему другу.

— Пусть так... Что я получу с этого? Ты признался, что там не всё чисто, Джордж. У меня известное имя, и мне бы не хотелось замарать его. Кроме того, давай говорить, как принято у деловых людей. За услуги следует платить.

— Об этом не беспокойся. Мой друг не страдает скупостью, — американец потёр ладонью взмокший лоб. — Может, возьмём вина? Я вчера выпил лишнего, теперь внутри всё пересохло.

Юрий согласился. Они выпили по два бокала вина, продолжая беседовать теперь уже на отвлечённые темы, и вскоре расстались.

После встречи с Уоллисом Полётов сразу же связался с Соколовым и договорился с ним о встрече.

— Наш знакомый роет землю копытом, — сказал Юрий.

— Ключул?

— Не то слово. Несётся вперёд на всех парусах. Предложил мне посредническую работу, — и Полётов подробно пересказал состоявшийся только что разговор.

— Так, так, — Соколов потёр руки. — Славненько получается. Я доложу Старику. Пришпоривать ситуацию нам нет нужды. Вербовать Уоллиса решено в любом случае, но поначалу надо выяснить, знает ли он источники, откуда секретные материалы поступали во «Вью интернэйшнл». Как только наш американский коллега даст понять, что ему это известно, мы подвалим к нему для разговора начистоту. Материалы для такого разговора у меня уже подготовлены.

— Компромат?

— Очень большой букет. Теперь насчёт Кинжаловой. Насколько мне известно, «Пипирусный дом» будет участвовать в международной книжной ярмарке в Барселоне.

— Когда?

— Через три месяца. Ты позвони Кинжаловой и провентилируй, намерена ли она прилететь на ярмарку. Если она едет сюда, то скажи, что ей занесут кое-что для тебя, пусть захватит.

— Ты имеешь в виду материалы, которые интересуют Уоллиса?

— Надеюсь, что мы успеем раскрутить его за это время и он даст отмашку своему агенту... Теперь от твоей здешней подружке. Ты уже виделся с ней?

— Ты о Монике? Нет, не созванивался с ней.

— Даже из Москвы не звонил? Это зря. Так мы можем упустить её.

— Не беспокойся, всё будет в порядке, — убеждённо сказал Полётов.

— Её постоянно приглашают в очень интересное общество. После вашей поездки на виллу барона к Монике проявляют интерес высокопоставленные персоны. Её пригласили даже в «Клаусуру»! Исключительно полезный она для нас объект. Вроде бы и внешне не яркая, а притягивает мужиков...

— Мне сказали в Москве, что её несколько раз видели в обществе

Себастьяна Лобато.

— Да, — кивнул Соколов. — Этим типом интересуются американцы. Он — специалист по Ближнему Востоку, и этим, как ты понимаешь, сказано очень много. Человек он осторожный. Иностранцев не жалует, если и встречается с кем, то лишь по работе. Есть у него, правда, несколько приятелей из Саудовской Аравии, с которыми он учился в колледже, но больше никаких контактов. Так что подобраться к нему трудно.

— Полагаешь, что можно докопаться до него через Монику? — спросил Полётов.

— Надо рискнуть.

— Открыть карты?

— Да, — ответил Соколов.

Юрий вздохнул.

Стого дня, как он услышал от Старика, что Моники присвоен оперативный псевдоним, Юрий не переставал думать о том, как однажды придётся открыть свою истинную сущность девушке, которая стала ему по-настоящему близкой. Эти мысли держали его в постоянном напряжении, вызывали тревогу, как скрытый от глаз огонь в глубине торфяника. Моника доверяла Полётову, может быть, больше, чем кому-либо другому в мире. И вот теперь ему предстояло сказать ей, что он — офицер иностранной разведки. Более того, он должен был склонить девушку к сотрудничеству с этой разведкой! Ничего более болезненного Юрий не мог представить...

— Что ж, — опять вздохнул он.

— Тебя что-то смущает? — спросил, насторожившись, Соколов.

— Нет.

В течение дня он несколько раз брал телефонную трубку, но никак не решался набрать номер Моники. Лишь поздно вечером он собрался с мыслями и позвонил ей.

— Это ты? — Девушка растерялась, её голос дрогнул. — Юра, это ты?

— Разумеется. Почему ты удивлена?

— Думала, что ты уже не позвонишь, — она улыбнулась.

— Как же я могу не позвонить, дорогая? — Он почувствовал, что к горлу подкатил комок. «Чёрт возьми, что со мной происходит? Откуда эта сентиментальность? У меня вот-вот слёзы потекут. Старик, возьми себя в руки, в конце-то концов».

— Целый месяц от тебя ни одного звонка. Даже дольше месяца, — робко ответила Моника. — Я решила, что ты не хочешь видеть меня.

— Ошибаешься. Я очень соскучился. Но так уж сложились обстоятельства.

— Ты приедешь ко мне?

— Если ты свободна, — Юра заторопился. — У тебя же могут быть другие планы.

— Любимый, когда ты рядом, у меня нет других планов.

У Полётова перехватило дыхание. «И мне надо вербовать её... Ради чего? Ради какой такой великой идеи? Где эта идея? Любовь во всём мире? Равенство? Общечеловеческое счастье? Нет! Ничего этого нет, мать твою! Да, есть моя работа, но Моника-то к ней не имеет ни малейшего отношения. Почему я должен рисковать этой молодой женщиной? Кто дал мне право ломать её жизнь?»

— Так ты приедешь? — Спросила она.

— Уже еду... Целую тебя...

Через двадцать минут он, всё ещё погружённый в свои размышления, остановился перед дверью её квартиры, достал ключ, вставил ключ в замочную скважину, повернул и вошёл в квартиру. Моника ждала в коридоре, сидя на стуле. Из-за её спины лился приглушённый свет настольной лампы, едва уловимо колыхались лёгкие занавески перед распахнутым окном.

— Ты что? — оторопел он. — Почему ты здесь, почему не в комнате?

— Жду тебя... Подумалось, что так ты быстрее появишься...

Она порывисто поднялась и бросилась ему на шею.

— Как я соскучилась!

— Моника, дорогая моя девочка!

Они долго целовались, затем она потащила Юрия за собой к постели.

— Ничего не хочу сейчас, только тебя! — шелестел её шёпот в тишине квартиры.

Полётов испытал внезапный прилив бешеной физической силы, смешанный с неопишуемой нежностью и безудержной страстью. Он подхватил Монику на руки и долго кружил по комнате, впад в некое подобие транса. Девушка превратилась в пушинку, стала невесомой. Он ощущал только прикосновение её мягких губ, тело её исчезло. Пространство квартиры, свет, ночь, звуки — всё исчезло. Осталось только неторопливое кружение и касание тёплого женского рта. А в голове

стучало: «Сейчас, скажу, сейчас... Нет, не сейчас... Вообще никогда...»

Вдруг он застыл и немного отстранил от себя Монику, чтобы разглядеть её лицо.

— Ты такая чудесная...

— Я люблю тебя, — прошептала она.

— Не представляю, что бы я делал, если бы не остановился тогда в «Арагоне».

— Наверное, ты держал бы теперь на руках другую девушку? — спросила она с грустью.

— Может быть, может быть... Но я бы не испытывал таких чувств.

— Каких?

— Любовных...

Он мягко опустил её на кровать. Моника легко освободилась от одежды и вытянулась на спине, впитывая вкус рассыпавшихся по её телу поцелуев.

Через час они успокоились.

— Юра, ты сразу погрузился.

— Разве?

— Да. Наверное, ты отвык от меня, от Барселоны... Уже скучаешь по Москве?

— Нет... Просто есть кое-что... Послушай...

— Что? — Моника повернулась к Полётову.

— Мне нужно поговорить с тобой очень серьёзно.

— Говори, — она положила руку под голову и внимательно посмотрела ему в глаза. — Тебя что-то тревожит. Я чувствую. Я вот здесь чувствую, — она указала на сердце. — Скажи всё, что ты должен сказать... Но только сначала ответь мне: ты меня любишь?

— Да. — Полётову внезапно сделалось легко. «Неужели эта недосказанность тоже угнетала меня? Неужто надо признаться в любви, чтобы почувствовать себя в праве говорить с женщиной на самые закрытые темы? Неужто через это мы обретаем возможность открываться? Через любовь? Что происходит? Что такое любовь? Беспредельное доверие? Доверие...»

— Теперь можешь говорить всё, что угодно, — разрешила девушка. — Даже самое плохое для меня.

— О плохом нет речи... Просто всё слишком сложно, запутанно... Ты же знаешь, что я работаю журналистом. Профессия, скажем так,

не однозначная...

— Что ты имеешь в виду?

— Я ищу информацию. Самую разную. Какую угодно. Если нет информации — нет журналистики.

— Знаю. — Моника поднялась на локте и провела другой рукой по груди Юрия.

— В наш век без информации не делается ничего. Ни бизнес, ни политика, ни даже обучение в институте. Даже для того, чтобы пользоваться незнакомой компьютерной программой, надо сначала получить информацию об этой программе.

— Ты к чему клонишь? — в голосе Моника не прозвучало ни тени настороженности.

— К тому, что я занимаюсь добыванием сведений, которые бывают разного качества. Некоторые носят даже гриф «секретно». Часть из того, что попадает мне в руки, я оставляю себе, другую часть отдаю моим друзьям.

— Что это за друзья?

— Разведчики.

Моника перестала гладить Юрия, её рука застыла в нерешительности.

— Ты хочешь сказать, что ты помогаешь кому-то шпионить?

— И ты тоже. Просто ты не знаешь, кому и когда. А я знаю.

— Как может быть, что я не знаю этого? — не поняла девушка.

— Очень просто. Некоторые из людей, с которыми ты общаешься в последнее время, являются агентами. Некоторые работают на американцев, некоторые — на англичан.

— Кто?

— Ты помнишь Амаранту Монтoryю?

— Кто же забудет эту скандальную стерву?

— Её муж сотрудничает с американцами.

— Он же работает в министерстве юстиции! Государственный чиновник!

— В том-то и дело. Можешь себе представить, что творится в мире.

Моника села в кровати и в полном замешательстве огляделась, будто пытаясь отыскать на стенах своей комнаты какое-то объяснение услышанному, какие-то тайные знаки.

— Юра, ты смеёшься надо мной? Шутишь?

В ту минуту она напоминала испуганную девочку.

— Нет, я вполне серьёзен.

— Откуда ты знаешь про Августина Монтюрье и про то, что он шпионит? Фу, как ужасно звучит это слово!

— Я пытаюсь объяснить тебе, — мягко проговорил Полётов, — но не так просто растолковать такую сложную вещь. Тут ведь всё сильно спутано. Все друг другу помогают, оказывают поддержку. Никогда не знаешь наверняка, по какой причине тебе задают тот или иной вопрос. Каждая встреча может быть частью чьей-то хитрой игры. И беда в том, что простые люди даже не догадываются об этом.

— Зачем ты говоришь мне всё это? — испуганно спросила Моника.

— Потому что я устал носить это в себе. Мне необходимо было открыться близкому человеку. — Он вздохнул. «Теперь в ней начнёт говорить жалость, пробудится материнское сочувствие. Всё-таки до чего ж наша работа бессовестна!»

— Обними меня, Юра, обними покрепче.

Он привлёк девушку к себе, и она затаилась в его объятиях.

— А ты кому помогаешь? — робко задала она вопрос после долгого молчания.

— Я собираю информацию для Международного Антитеррористического Центра.

Моника слегка отодвинулась и внимательно посмотрела на Полётова. Глаза её были полны беспокойства и растерянности.

— Это вроде Интерпола? — наконец уточнила она.

— Вроде того.

— То есть ты ловишь террористов?

— Я никого не ловлю, лишь собираю информацию. — Он встал и подошёл к лежащим на полу брюкам. Покопавшись в кармане, Юра достал сигареты.

— А я думала, что ты просто журналист.

Он закурил и присел на краешек кровати. Красный отсвет сигареты упал на его лицо.

— Я и есть журналист. Это моё главное дело. Но каждый человек служит чему-то большому: своей стране, своей планете, своей цивилизации... Ведь так?

— Так.

— Одна профессия часто бывает хорошим подспорьем для другой.

Моника подтянула к себе ноги и обняла колени. В мутном ночном свете она выглядела маленькой, тоненькой, невесомой.

— Если говорить честно, — продолжил Юрий, — то иногда, конечно, в моей голове наступает полная каша. Сам не знаю, что для меня важнее и что является моей сутью...

Он говорил негромким голосом, и сторонний наблюдатель никогда бы не подумал, что этот мужчина спокойно и неторопливо посвящал девушку в хитросплетения мирового шпионажа. Постепенно Моника успокоилась, но когда Юрий закончил свой длинный монолог, она спросила:

— Как же можно жить, зная всё это? Как можно не потерять веру в людей?

— Насчёт веры в людей не могу сказать тебе ничего, — он устало вздохнул, — но вера в себя и смысл в жизни у меня появились, пожалуй, лишь когда я встретился с людьми из разведки. После смерти отца я потерял себя... И тут пришло это... Ответственность не за себя, а за других...

— За других... — тихонько повторила девушка.

Юра придавил окурки в пепельнице и подобрался к Монике. Сев рядом, он обнял её гладкие плечи.

— Наверное, я утомил тебя?

— Нет, дорогой, но это всё так неожиданно.

— Я должен был поговорить с тобой. Меня тяготила мысль, что ты будешь дурно думать обо мне.

— Почему я должна вдруг плохо думать о тебе? Как такое пришло тебе в голову? Я люблю тебя.

— Мне иногда приходится заниматься опасными делами.

— Опасными? — её глаза расширились. — Но ты же только добываешь информацию! Ты же не гоняешься за террористами с пистолетом в руке! Или всё-таки гоняешься?

— Нет, Моника, нет. Я не имею отношения к облавам и перестрелкам. Но ведь я не могу пойти в полицию и сказать: «Сеньоры, мне нужно получить из сейфа такого-то господина важные документы. Помогите мне». Я должен сам достать их. Или найти такого человека, который поможет мне в этом... Как ты понимаешь, за проникновение в чужой дом полиция по голове не погладит.

— Но за тебя же обязательно вступятся люди, на которых ты

работаешь.

— Не сразу и не всегда, — голос Полётова зазвучал тише.

— Как же так? Ты же не для себя рискуешь.

— Такая работа проводится тайно. Ты понимаешь, что это означает? — Юрий поцеловал Монику в шею. — Тайно! Никто из секретной организации никогда не станет поднимать шум из-за того, что их коллегу задержали.

— Но ведь это свинство с их стороны!

— Таковы правила игры. Поэтому лучше не попадаться. Я же не дипломат, неприкосновенностью не обладаю.

— Но ты известный журналист! — возразила она с жаром.

— Знаешь, за шпионаж сажают даже министров, — засмеялся он.

— Чему ты радуешься? — поразилась она. — Как у тебя хватает сил смеяться, когда над головой постоянно висит опасность?

— Моника, успокойся. Я не так часто выполняю опасные поручения. Неприятности угрожают мне гораздо реже, чем другим людям. Каждого из нас может сбить автомобиль на улице. Вот уж поистине ежедневная угроза!

— Опять шутишь! — Она отодвинулась. — Мы о таких серьёзных вещах ведём речь, а ты...

После этого разговора ничто не изменилось в их отношениях. Полётов старался бывать у Моники по возможности чаще и почти каждый раз оставался у неё на ночь, показывая тем самым, что он был обыкновенным человеком. Некоторое время он не заводил речи о своей работе, чтобы эта тема не тревожила её, зато неоднократно они разговаривали про учёбу.

— Ты зря беспокоишься, — улыбалась Моника в ответ. — Я готовлюсь к экзаменам, постоянно занимаюсь.

— Я принёс тебе деньги.

— Что за деньги? — не поняла она.

— На жизнь. Ты должна уйти с работы, бросить этот отель к чёртовой матери и целиком заняться собой. Работа отнимает у тебя уйму сил.

— Мне трудно решиться на такой шаг. А вдруг я не поступлю? Будет тяжело снова найти место.

— Моника, дорогая моя, — Полётов обнял её за плечи, — ты должна быть уверена в себе и должна верить в мою поддержку. С нужными людьми я переговорил, многие теперь лично знают тебя, они помогут. Ты

поступишь, будешь учиться и получать стипендию.

— Ты говоришь об этом так, словно это свершившийся факт.

— Это и есть свершившийся факт, просто он ещё не материализовался. Жизнь вся такая.

— Какая?

— Всё случается намного раньше, чем люди это видят, — Полётов сделал неопределённый жест.

— Не понимаю, — она покачала головой.

— Мы строим жизнь, — попытался объяснить он, — но не столько руками, сколько мыслями. Если мы тверды в наших помыслах, то они материализуются. Если же мысли расплывчаты и невняты, то они никогда не станут реальностью. Мысль всегда важнее видимых шагов, конкретнее, весомее.

— Ты никогда не рассуждал так. Мне странно слышать это. Мне казалось, что такие слова скорее свойственны людям религиозным, а не материалистам.

— Я пишу книги, Моника.

— И что?

— Черпаю всё из мира, который не предстаёт перед обыкновенными людьми. Это мир тонкий, магический. Как же я могу быть материалистом? Я почти маг, почти волшебник. Идея и слово для меня куда важнее всего остального... Вокруг меня всегда происходит что-то, но люди не видят этого. Даже в безлюдной пустыне рядом со мной будут мои персонажи. Они живее живых.

— Но поступление в университет, пожалуй, относится к реальному миру, а не к фантазиям.

— Да, но мы с тобой уже запланировали это, не так ли? Мысленно ты уже должна быть студенткой. И дабы подтолкнуть тебя к этому, я хочу, чтобы ты уволилась с работы. Вот тебе деньги.

Он положил перед ней на стол толстый коричневый пакет. Моника взяла его в руки.

— Тяжёлый!

Заглянув внутрь, она затаила дыхание.

— Юра! — проговорила едва слышно девушка, побледнев. — Это очень большие деньги! Мне никогда не приходилось видеть такую сумму!

— Я дал тебе деньги не для того, чтобы ты любовалась ими. Тут твоя

будущая жизнь. Сиди и занимайся. Завтра же свяжись с гостиницей и скажи, что ты уходишь с работы, — он подошёл к окну и посмотрел на улицу.

Несколько минут Моника сидела молча, затем поднялась из-за стола и остановилась за спиной у Полётова. Он почувствовал, как её руки легли ему на плечи. Тёплые руки на тонкой рубашке.

— Никто никогда не делал для меня столько, — прошептала она, — никто!

Он повернулся к ней и улыбнулся.

— Давай сходим куда-нибудь, — предложил он, и Моника увидела, что его лицо вдруг сделалось усталым.

— Ты чем-то озабочен? — Поспешила спросить она.

— Нет, всё в порядке. Просто задумался.

— Но я же вижу, Юра. Зачем ты утаиваешь что-то от меня?

Полётов колебался для виду и сказал после паузы:

— Видишь ли, у меня есть трудности.

— Какие? Ты можешь сказать мне? Или это связано с *тем самым*? — Её глаза стали испуганными. — Какие-то неприятности?

— Нет, никаких неприятностей. Просто трудности. Бывает так, что некоторые вопросы решаются сами собой, но иногда ничего не получается.

— Скажи мне! Тебе станет легче... Или ты не можешь?

— Понимаешь ли, мне нужно каким-то образом прощупать одного высокопоставленного человека, а он не жалует иностранцев, тем более журналистов. Я и так к нему пытался подъехать и эдак...

— Кто это? Неужели у нас есть люди, которых пугают вопросы журналистов?

— Себастьян Лобато.

— Так я же знакома с ним! — радостно воскликнула Моника.

— Ты? — Полётов изобразил удивление. — Откуда?

— Барон представил меня ему.

— Вот оно что!

— А что тебе надо от Лобато?

Юрий сделал вид, что ему не хотелось обсуждать данный вопрос.

— Нет уж ты скажи! — настаивала Моника. — Я всё-таки встречаюсь с ним иногда. Должна же я знать о нём правду.

— Тогда тем более не скажу. Зачем пугать тебя?

— Пугать?

— Видишь ли, у него очень тесные связи с арабским миром, — заговорил Юрий, поколебавшись с минуту. — Есть основания думать, что он снабжает секретной информацией некоторые группировки, близкие к террористическим...

— Но ведь не расскажет он тебе, журналисту, о своих связях с экстремистами.

— Не расскажет. Тут ты права... Поэтому я и хотел попасть к нему на встречу, познакомиться поближе, попроситься домой.

— Зачем?

— Нужно забраться к нему в компьютер, вытащить оттуда всю информацию.

— Залезть в компьютер? Но как это сделать?

— Вот я и ломаю голову, — вздохнул Полётов.

— А ведь Лобато пару раз приглашал меня к себе, но я отказывалась.

— Приглашал тебя? — Юрий внимательно посмотрел на Монику.

— Да, приглашал. Может, мне следует согласиться в следующий раз?

Юрий молчал.

— Почему ты не отвечаешь? — Спросила она.

— Думаю... Мне не хочется привлекать тебя к этому... Нет, я не могу втягивать тебя в наши игры...

— Но я хочу помочь тебе!

— А если тебя схватят за руку?! — Воскликнул он.

— Я хочу помочь тебе, — повторила она твёрдо. — Научи меня, что надо делать.

Полётов знал, что предстояло сделать Моники. В его нагрудном кармане давно лежала дискета, предназначенная для этой операции. Но он всё ещё колебался.

— Сядь рядом, — он опустил на низенькую кушетку и похлопал по ней ладонью.

Моника послушно устроилась возле него.

— Если ты согласишься, — начал он, — то тебе надо добраться до его компьютера и на пару минут остаться там одной.

— И что сделать?

— Вот флешка, её надо поставить в компьютер, включить его и вытащить флешку.

— И это всё?

— Да, больше ничего.

— И что будет?

— С флешки в компьютер попадёт программа, которая через спутник сбросит всю информацию ко мне. Затем программа автоматически ликвидируется. Никаких следов.

— А если в компьютере пароль?

— Не имеет значения. Важно только включить его один раз при подсоединённой флешке.

— Это совсем не сложно, — с облегчением вздохнула Моника. — Я уж думала, что надо будет что-то искать, что-то переписывать.

— Не сложно? А как ты останешься одна, чтобы включить компьютер? Куда ты денешь самого Лобато?

На лице Моника заиграла горделивая улыбка.

— Предоставь это мне. У женщин всегда найдётся пара-тройка маленьких хитростей...

Соколов и Полётов подъехали к особняку Лобато минут за тридцать до появления Моника и припарковались неподалёку от ворот. Было ещё совсем светло, но в некоторых окнах уже включился свет.

— Ну, как ты? — Соколов откинулся на спинку кресла и побарабанил ладонями по рулю.

— Нервозно, — ответил Юрий. — Знаешь, Миш, я всегда напряжён, когда конкретного дела касается. Вот если поговорить, развязать кому-то язык, выдоить клиента по максимуму, тут я в своей тарелке. А «моменталки», «закладки» и всё такое прочее мне трудно даются... И всё же когда сам что-то делаю, как-то легче себя чувствую, чем вот так, как сейчас.

— Согласен, — Миша кивнул и мягко щёлкнул зажигалкой, закуривая сигарету, — это как в машине ехать. Самому баранку крутить всегда спокойнее: кажется, что в любой ситуации среагируешь должным образом. А на деле часто выходит, что не самый ты лучший водитель... Ну, вот и они...

У ворот особняка плавно притормозил «опель» синего цвета. Машиной управлял сам Себастьян Лобато — худощавый мужчина с чёрными усами.

Миша повернулся и взял с заднего сиденья портативный компьютер.

— Ну-с, господа технари, — крикнул он, — будем надеется, что ваша аппаратура не подкачает.

— Только бы у Моники всё получилось, — сказал с беспокойством Юрий.

— Посмотрим, — Соколов включил компьютер, поднял крышку монитора, набрал шифр. На экране замелькали цветные квадратики. — Так, приёмник работает. Остаётся тупо ждать развития событий...

Полётов оглядел дом.

— Миш, а если его кабинет с другой стороны? Сигнал будет?

— Не имеет значения. Расслабься. Курить хочешь?

— Давай...

Они погрузились в молчаливое созерцание монитора.

Прошло не менее получаса, когда заговорил Соколов.

— А представь, что она подстава.

— Кто? Моника?

— Ну, допусти это на минутку.

— Чушь!

— В нашем деле всякое случается. — Голос Михаила звучал едва слышно. Полётов нервно прикусил губу. Соколов бросил на него быстрый взгляд. — Нет, не подумай, что у меня есть основания для подозрений, это я просто для разговора, чтобы было о чём посудачить. Ты не подумай, что я подозреваю её...

— Я и не думаю.

— А у меня всегда одни и те же мысли, когда на встречу иду или вот вроде сегодняшнего дела, — признался Миша. — Всех подозреваю. Ни в чём никогда не уверен.

— Знакомое состояние.

— Нас ведь так учили. Все мозги проедены подозрениями. Не мозги уже, а губка в мелкую дырочку...

Прошло ещё тридцать минут, и тут компьютер издал тонкое пиканье.

— Вот оно! Пошло!

Они оба вперились в экран. Через секунду высветившаяся надпись сообщила, что перекачка файлов успешно завершена.

— Вот и всё! — Миша вздохнул. — Молодец девочка!

Полётов закрыл глаза, пытаясь представить Монику в ту минуту. Как она чувствовала себя? Каких душевных сил потребовалось этой

неопытной девушке сделать то, о чём просил её Юрий! «Нет, больше ничего подобного не будет! — решил он. — Пусть, когда-нибудь позже, в доверительной беседе, чтобы ничто не напоминало шпионаж... Но никаких краж документов, никаких чужих компьютеров...»

— Можем ехать, — сказал Соколов.

— Давай подождём? — неуверенно предложил Юрий.

— Чего? — не понял Миша. — Ты её хочешь дожидаться?

— Да.

— Юра, ты спятил! Нам посчастливилось провернуть всё так легко, а ты... Как мы будем ждать её? Зачем? Чтобы подвезти её домой? А если здесь наблюдение? На моей машине дипломатические номера! Мы не можем ждать Монику!

— Ты прав, — кивнул Полётов. — Просто я бешено беспокоюсь за неё. А вдруг в последнюю минуту этот Лобато застукает её возле компьютера?

— И чем ты сможешь помочь ей? Да и в чём её могут обвинить? На флешке никаких следов, на руках у Моники нет никаких документов, ничего запретного. А уж придумать она что-нибудь сможет, чтобы объяснить, зачем включила его компьютер.

— Ты прав, Миш, ты прав. Поехали.

— Позвони ей на мобильник. Если что-то не в порядке, ты сразу поймёшь.

Юрия окатила волна злобной ярости на себя. «Как это я сам не сообразил? Зачем всякие глупости предлагаю? Расписываюсь в собственной профессиональной непригодности. Нет, нельзя из любимых людей делать агентов. Это может свести с ума».

Он набрал номер телефона. Моника ответила почти сразу. Ответила бодро.

— Ой, я совсем забыла про тебя! — затараторила она. — Извини, но я сейчас в гостях.

— У тебя всё в порядке?

— Всё замечательно!

Она была возбуждена. Полётову мгновенно передалось её состояние: он не раз испытывал подобный подъём после удачно проведённой операции. «Жизнь прекрасна!» — подумал он и с облегчением вздохнул.

— Я попытаюсь долго не задерживаться, — заверила девушка. —

Но ничего обещать не могу. Здесь так хорошо, так уютно. Ты позвони мне часов в десять.

— Ладно... Моника, я хочу увидаться с тобой сегодня... Если получится...

Он сунул трубку в карман и улыбнулся.

— Успокоился? — спросил Соколов.

— Да, всё tip top.

— Вот и чудесно. Ты со мной или высадить тебя где-нибудь?

— Давай на Лас Рамблас. Пройдусь чуток. Расслаблюсь.

— Не переборщи только, расслабляясь.

Моника вернулась домой около одиннадцати вечера. К этому времени Юрий уже вдоволь нагулялся по бульварам и теперь ждал за столиком в пивном баре напротив её дома. Он сразу узнал синий «опель» и усатое лицо Себастьяна Лобато. Девушка выпорхнула из машины, помахала своему провожатому рукой и послала ему воздушный поцелуй.

«До чего же она мила!» — пронеслось в голове у Полётова.

Как только машина скрылась за поворотом, он вышел из бара и быстрым шагом догнал Монику, когда она открывала тяжёлую парадную дверь, украшенную старинными коваными цветами.

— А вот и я! — выпалил он в ухо девушке.

— Как я рада! Если бы я умела выразить словами мою радость!

— Слушай, я так ругаю себя, — он уткнулся губами ей в шею.

— За что?

— За то, что попросил тебя... втянул в это сволочное дело...

— Ничего сволочного, — она повернулась к нему и поцеловала в рот. — И не говори больше таких слов. Ты же не для себя. И я не для себя. Мы для людей... Ведь так?

— Так, так, только не хочу больше тревожиться из-за этих вещей... Не могу даже думать, что ты вдруг попала бы на этом...

— Всё уже позади. Всё в порядке. Ты не согласишься, но у меня такой душевный подъём сейчас! Будто нашкодила, а меня не поймали. Что-то из детства всколыхнулось.

Они поднимались по лестнице, останавливаясь и подолгу целуясь. Глубина недавних переживаний обострила их чувства до предела. Прикосновения губ пронизывали насквозь, били током, кружили голову. Тёмная лестничная клетка плыла куда-то ввысь, переливаясь мутными

мерцаниями проникавших с улицы рекламных огней.

— Я люблю тебя, — шептал Юрий.

— Скорее в комнату! Я вся горю! Нет сил терпеть! Хочу тебя, хочу всего, хочу бесконечно!

За прошедший месяц Полётов провёл пять встреч с Джорджем Уоллисом, заверил его в том, что «госпожа Кинжалова готова привезти на международную книжную ярмарку вместе с книгами своего издательства и материалы, которые ждёт Уоллис».

— Это не для меня, — в который раз поправил американец, — а для моего товарища, для его бизнеса.

— Джордж, я не знаком с ним, но знаю тебя. Я согласился помочь тебе, как друг помогает другу. Что касается Кинжаловой, то я объяснил, что это эти бумаги нужны мне для работы. Мне нужны, а не тебе и не кому-то ещё. Для меня она готова на многое, — Полётов многозначительно подмигнул.

В действительности с Катериной разговаривал об этой операции не Юрий, а офицеры контрразведки. Они в общих чертах обрисовали ситуацию и попросили о помощи.

— Что я должна сделать? — Спросила она. — Скажите, чем конкретно я могу помочь? Я ведь ничего не понимаю в таких вещах.

— Во-первых, Екатерина Алексеевна, не рассказывайте никому о нашей встрече. Во-вторых, давайте условимся, что мы установим в вашем кабинете аппаратуру.

— Аппаратуру? Микрофоны?

— Камеры. Для наблюдения.

— Зачем? Не понимаю, — Кинжалова улыбнулась и полжала плечами. — Не понимаю, для чего нужно наблюдать за моим кабинетом.

— Екатерина Алексеевна, человек, который принесёт вам документы и которого нам обязательно надо взять, должен быть под нашим «колпаком». То есть мы должны видеть, как будет происходить передача материалов. Нам лучше, чтобы встреча состоялась у вас в офисе, в вашем кабинете. Если этот человек будет настаивать на встрече в другом месте, пошлите его к чёрту.

— Как?

— Скажите, что вы и так делаете одолжение, согласившись отвезти в Барселону этот груз и что лично вам это вовсе не нужно.

— А если он откажется?

— Будем думать, как вести себя дальше.

— Что ж, вам виднее.

Человек с секретными материалами не стал упрямыться и пришёл в офис «Папирусного дома», как просила Катя. Но дальше произошло непредвиденное.

— Здравствуйте, моя фамилия Егоров, — он был невысокий, широкоплечий, с добродушным лицом и пышными рыжими усами. — Я звонил вам по поводу документов для Полётова.

— Да, да, присаживайтесь, — Катя указала на кресло для посетителей. — Хотите кофе? Или чаю?

— Нет, спасибо, я на минутку.

Усатый положил на стол Кинжаловой большой пакет, и в следующее мгновение в дверь решительно вошли люди в штатском и объявили, что они из ФСБ. Человек на секунду замешкался, затем бросился на хозяйку кабинета. Катя не успела ничего сделать, как он спрятался за её спиной, плотно обхватив одной рукой её поперёк торса и приставив к её горлу неизвестно откуда взявшийся короткий ножик.

— Не приближайтесь! Не двигайтесь! — Пронзительно закричал он, скалясь из-под рыжих усов. — Не вздумайте тронуться с места! Я убью её! Убью!

Контрразведчики замешкались, но это лишь усугубило ситуацию. Мужчина принял их неподвижность за хитрость, глаза его обезумели от страха, лоб покраснел и покрылся крупными каплями пота.

— Не двигайтесь! — Ещё громче закричал он и вдруг дёрнул рукой, сжимавшей нож. Лезвие мягко погрузилось Кате в шею. Кровь тут же брызнула усатому в лицо. — Что? Что? Зачем вы? — Его голос превратился в истошное завывание. — Зачем вы так? Почему это?

Контрразведчики бросились на него. Мужчина продолжал прижимать Кинжалову к себе, как маленький ребёнок прижимает к себе любимую игрушку, которую родители намерены отобрать.

— Артерия! — Крикнул кто-то.

Катя провисла, лицо её побелело. Кровь била фонтаном, заливая людей и письменный стол. В комнату вбежали ещё какие-то люди.

— Скорую! Живее!

Контрразведчики скрутили усатого мужчину, который теперь перестал сопротивляться и совершенно обмяк, будто не он проткнул только что горло женщине, а ему самому нанесли смертельную рану.

— Не хочу, — тихонько бормотал он, — не хочу...

В эту самую минуту Полётов шёл узенькими парижскими улочками, наслаждаясь тёплой солнечной погодой и не подозревая, что его школьная подруга медленно умирала на руках контрразведчиков, захлёбываясь кровью. Она была ещё молодой женщиной, крепкой, здоровой, красивой, полной страстей и желаний, её карьера сложилась успешно, финансовому положению и независимости мог позавидовать любой, но всё это теперь не имело значения. Катя Кинжалова погибала, спасти её могло только чудо.

Когда она захрипела в последний раз, Полётов остановился и огляделся. На мгновение ему сделалось неуютно. Что-то неясное шевельнулось в душе. Что-то похожее на беззвучный зов.

Юрий задержался на месте, прислушиваясь к голосу внутри себя.

«Ёлки-палки, даже вспотел... Что это со мной?»

Его рука скользнула вверх по груди и потёрла шею.

«В одну секунду весь взмок...»

Он провёл рукой по голове, приглаживая волосы, и вздохнул.

«Солнце, что ли? Нет, не так уж оно печёт... Эй, старик, не пора ли тебе сердечко проверить?»

Юрий сделал глубокий вдох и пошёл дальше.

«Нет, всё нормально, ничто не болит. Пустяки, голова не кружится, нигде не колет, не тянет... Дело у меня пустяковое, нервы не могут беспокоить... Или всё-таки что-то не так? Неужели дурное предчувствие? Может, не надо сейчас идти по адресу? Пожалуй, поплутаю ещё немного, проверюсь. Слишком уж нехорошо на душе».

В Париж он приехал на пару дней с единственной целью — заглянуть в открывшееся недавно кафе «Маркиз» на улице Сен-Дени. Восемь месяцев назад с Симоном Мендосой, одним из агентов Полётова, державшим скромный бар на юге Испании в Аликанте, прервалась связь, и вот недавно пришло сообщение, что он якобы объявился в Париже и открыл кафе. Информация поступила от источника, не слишком надёжного, да и к исчезнувшему агенту было много вопросов. Связь с Мендосой обычно поддерживалась через тайники, но крайне редко Полётов всё-таки виделся с ним лично. После его внезапного

исчезновения у Центра возникли опасения, что испанская контрразведка могла взять его под колпак, а то и вообще арестовать.

— Для начала просто погляди, тот ли это человек, — сказал Павел Костяков, прилетевший в Барселону специально для разговора с Юрием.

— Слушай, Паша, зачем он нам дался, этот Мендоса? Пропал и пропал... Я за последний год с тремя владельцами баров сошёлся. Будут вместо Симона, — пошутил Полётов.

— Дело в том, что этот Мендоса — нелегал. Он не испанец, он наш.

Полётов присвистнул от удивления.

— Он уже более восьми лет за кордоном, — продолжил Костяков. — В парижской резидентуре его не знают. Ты знаком с ним лично, поэтому именно тебе придётся проверить, Симон ли это. Возможно, пора организовать ему коридор для выезда на родину... Как видишь, дело серьёзное... Так что отправляйся в Париж, прошвырнись там, пощёлкай фотоаппаратом. Потрись в этом «Маркизе», постарайся увидеть Мендосу.

— Каковы мои действия, если это и впрямь он?

— Специально в контакт не вступай, не навязывайся. Но себя можешь показать. Пусть поймёт, что ты увидел его. Если вдруг получится почесать языками ни о чём, то совсем хорошо...

Дело было пустяковым, абсолютно безопасным, но Юрия беспокоила проснувшаяся в душе неуютность. Он привык доверять своим чувствам, даже если не мог объяснить их природу.

После трёх часов хождения по Парижу, он твёрдо решил, что для тревог нет никаких причин.

«Никакой наружки нет. Да если бы и была, мне нет причин опасаться. Я просто гуляю. Ни встреч, ни тайников, ничего рискованного... Пора двигать по адресу. Посижу там, выпью винца...»

И вот Юрий остановился перед зелёной дверью, над которой висела небольшая вывеска «Маркиз». Неподалёку топтались пять уличных проституток, одетых вызывающе ярко и пошло. Полётов толкнул дверь. Тонко звякнул колокольчик, оповестивший хозяев о появлении клиента.

Юрий прошёл вглубь пустого помещения и сел в уголке. Из кухни вышла молоденькая женщина.

— Месье? — Она шустро залопотала по-французски, предлагая чай, кофе и несколько вариантов обедов.

— Мне бы слегка перекусить, чего-нибудь простенького, — он аккуратно подбирал французские слова. — Славное у вас местечко.

— Да, у нас мило. Только улица не для всякого клиента хороша.

— Почему не для всякого?

— Здесь много проституток, сутенёров и всякого прочего сброда. А это не то окружение, где всегда находиться приятно. Но приходится работать там, где отыщется место. Впрочем, туристам всюду хорошо в Париже. Вы турист?

— Журналист, — уточнил он. — Приехал из Испании.

— О! Мой хозяин тоже из Испании! — Обрадовалась она, будто нашла общего знакомого. — Вы сможете поболтать с ним по-испански, если заглянете сюда попозже. Сейчас его нет.

— Если выдастся минутка, то зайду. Я тут неподалёку остановился.

Он расплатился и вышел из кафе.

«Что ж, сударь, воспользуемся выдавшейся возможностью и осмотрим что-нибудь ещё из достопримечательностей».

Он ровным шагом пошёл вверх по улице и через некоторое время добрался до лестницы, поднимавшейся к собору Сакре-Кёр. Солнце светило ярко, и белые стены храма ослепительно сияли на фоне синего небосвода. Юрий немного постоял, насыщаясь красками открывшегося ему вида, затем неторопливо поднялся по ступеням вверх. Рядом прогудел фуникулёр, поднимавший к собору ленивых туристов.

«Вот и знаменитый Монмартр!»

На узких улицах ютились в огромном множестве художники, очень похожие на художников Москвы, Барселоны и, наверное, всех других уголков мира.

«А ведь когда-то они были особенными. Именно благодаря этим живописцам, в карманах которых никогда не было ни сантима, Монмартр заработал себе мировую известность. Нет, сейчас здесь только улицы, лихо убегающие вниз, хороши, но не люди. Люди обычные, даже невзрачны...»

Неожиданно солнце скрылось, подул ветер и заморосил мелкий дождь. Юрий продолжал свою прогулку, не обращая внимания на изменившуюся погоду. Спешить ему было некуда. Однако вскоре капли застучали по брусчатке сильнее, и он решил переждать где-нибудь. Впереди он увидел небольшую церквушку из серого камня, приютившуюся между трёхэтажными жилыми домами. Полётов прошмыгнул в дверь и окунулся в умиротворяющую тишину.

Внутри никого не было. Он долго сидел на деревянной скамейке,

разглядывая многоцветные витражи, гадая, настоящее ли это цветное стекло, или же просто раскрашенное лаком. Наконец дождь стих, окна просветлели, и Юрий поднялся, чтобы уйти. У самых дверей он вдруг увидел каменное изваяние ангела возле — то была девушка с кувшином, одетая в монашескую ризу и сложившая за спиной огромные крылья.

— Боже мой, какое чудо! — прошептал Полётов, заворожённо глядя на девушку-ангела. — Это же само совершенство.

Он подошёл ближе и прикоснулся рукой к ногам статуи. Так он стоял довольно долго, глядя снизу вверх на лицо девушки. Он вдруг почувствовал неодолимое желание поцеловать её. Черты каменного образа были столь удивительно мягки, нежны и величественны одновременно, что пробудили в его сердце тот безмолвный и невыразимый восторг, от которого обычно слабеют ноги. Это восторг сродни физическому желанию соединиться с женщиной, разве что в данном случае хотелось не проникнуть в статую плотью, а слиться с её формами, прикоснуться руками или губами к её холодной щеке и раствориться в ней.

— Должно быть, это и есть то, что творит истинный гений художника, истинный Творец — покоряет зрителя, покоряет его душу и тело, пробуждая желание ощутить всем существом единение с линиями произведения Творца, — прошептал Юрий.

Всматриваясь в лицо девушки, он чувствовал, как в нём росло нежелание уходить из церкви. В сердце затрепетало нечто, похожее на страх разлуки.

«Неужели красота бывает настолько притягательной, настолько порабащающей?»

Он заставил себя отвести глаза и шагнул уже было в дверь, как что-то снова заставило его вернуться взором к каменному изваянию. И только теперь он понял, что в лице, приковавшем его внимание, было огромное сходство с Татьяной. Только сходство это было не в самих чертах, не в выражении, а в чём-то затаившемся глубоко внутри ангела.

Юрий почувствовал лёгкое головокружение.

«Чёрт возьми, я схожу с ума... Что со мной?»

В это мгновение ему почудилось, что губы девушки-ангела едва уловимо шевельнулись, сделав улыбку более тёплой и чувственной.

— Таня... — его голос, громко прозвучавший в гулкой тишине церкви, заставил Полётова вздрогнуть.

Он решительно взялся за бронзовую ручку двери и вышел на улицу. Вокруг его головы всё ещё витало присутствие какого-то колдовства...

Вечером Полётов снова появился в кафе. За стойкой стоял Симон Мендоса. Юрий сразу узнал его.

«Вот и прекрасно».

Мендоса посмотрел на вошедшего, на его лице не отразилось ничего, будто он никогда не видел Юрия. Полётов остановился возле стойки и попросил по-французски вина.

— Ах, вот и вы, — появилась из-за спины Мендосы знакомая Юрию девушка и обратилась к хозяину: — Месье, этот господин — журналист из Испании.

— Неужели? — Спросил Мендоса по-испански, улыбнувшись. — Я уже более полугода как приехал оттуда. Обстоятельства вынудили. Не всегда дела идут так, как того хочется...

Меж ними завязалась непринуждённая беседа. Со стороны никто не заподозрил бы в них знакомых. Это был пустой трёп двух людей, которым просто приятно, находясь в чужой стране, потолковать на своём языке. Но Юрий, глядя в глаза Симону, испытывал чувство, ни с чем не сравнимое.

«Что же страшлось такого, что ты был вынужден в срочном порядке улизнуть из Испании? Какого масштаба опасность? Впрочем, что за глупость я думаю? Смертельная опасность. Вот единственный ответ. Но теперь уж всё решится благополучно. Теперь ребята выйдут с тобой на связь, и всё будет в порядке».

— Что ж, приятно было пообщаться на родном языке, — сказал, прощаясь, Мендоса.

— Буду рекомендовать ваше кафе, присылать моих знакомых, — улыбнулся в ответ Юрий. — Рад был встрече...

Отчитываться Юрий поехал в Мадрид.

Резидент выслушал доклад Полётова с удовлетворением, но после сказал:

— Юрий Николаевич, это хорошие новости. Можно сказать, просто прекрасные... Но со своей стороны я не могу порадовать вас ничем.

Полётов почувствовал, что кончики пальцев у него похолодели.

— Не знаю, что и ждать после этих слов, — проговорил он, натянуто улыбаясь.

— Во-первых, мы закрываем два «почтовых ящика». Один из них —

та самая фотолаборатория, которую вы нашли в начале вашей командировки. Второй – ресторан «Маргарита».

– Что случилось?

– В «Маргарите» сменился владелец. А с фотолабораторией Суареса я решил прекратить все контакты, потому что в последний раз один из связников забрал оттуда пакет, который, похоже, был вскрыт. Уверенности у меня нет, но всё-таки...

– Я понял, – кивнул Полётов.

– И ещё одна новость. Совсем чёрная...

Юрий почувствовал, как у него похолодело в груди. «Что стряслось? О чём он?»

– Это по поводу «Папирусного дома». – Старик нахмурился. – Знаете, я человек прямой и не вижу смысла ходить вокруг да около. Во время проведения операции по задержанию американского агента погибла ваша знакомая Екатерина Кинжалова.

– Как это погибла? – Юрий оторопел.

– Нелепая случайность. Я знаю только, что её ударили ножом. Была перебита артерия. Более точной информацией не владею. Поскольку мне известно, что вы знакомы с Кинжаловой чуть ли не со школьных времён, то приношу вам соболезнования... Мы все знаем, как иногда происходит в нашем деле. Тут уж ничего не поделать...

В голове у Юрия зашумело. Вихрем промчались слившиеся в расплывчатую массу картинки прошлых лет, лицо Кати в доли секунды превратилось из детского в девичье, затем – в женское, появилось её нагое тело, затем строгая фигура в деловом костюме...

«Надо же! Катюхи больше нет! А ведь ничто не предвещало... И не болезнь какая-нибудь, а моя работа... Моя работа...»

– Теперь вы с Соколовым можете браться за Уоллиса, – голос Старика вернул Полётова в действительность. – Вытаскивайте его на встречу и лупите из всех орудий. У Соколова имеются все необходимые материалы...

Утренний воздух был свеж. Над Барселоной низко плыли синеватые тучи.

– Пасмурно сегодня, похоже, дождик случится, – Соколов бодро

вошёл в квартиру Полётова. Он был одет в лёгкий летний костюм серого цвета, на белой рубашке выразительно выделялся тёмно-синий галстук, украшенный на конце изображением розы, тонко вышитой серебристой нитью.

— Дождик? Пусть себе накрапывает, — Юрий проверил содержимое своих карманов. На нём были джинсы и просторная клетчатая рубашка. — Кофе будешь?

— Не хочу. Ты готов?

— Вполне, — Полётов остановился перед Михаилом. — Ну? Нервничаешь?

Соколов отрицательно покачал головой:

— Странное дело, но я абсолютно спокоен. А чего, собственно, в данном случае дёргаться? Разговор он и есть разговор. За результат я почти уверен... — И всё же его лицо казалось напряжённым. Пальцы руки слегка постукивали по ручке «дипломата». — Ты с Уоллисом как договорился?

— Он будет ждать меня в номере своей гостиницы.

— Тогда едем, — Михаил взглянул на часы и машинально поправил галстук.

— Миша, если не секрет, скажи, почему ты на серьёзные встречи надеваешь этот галстук? Талисман?

Соколов был лет на пять старше Полётова, но они могли вполне сойти за ровесников. Михаил всегда был свеж, подтянут, по-мальчишески улыбчив. Только очень внимательный наблюдатель мог обратить внимание на затаившуюся в его глазах твёрдость. В общении этот человек проявлял необыкновенное радушие, высочайшую эрудицию, всегда умел направить разговор в нужное русло. Но в отличие от Полётова, Михаилу редко удавалось по-настоящему располагать к себе людей и делать из них друзей. Та самая холодность, которая иногда проскальзывала в его взоре и которую он ловко скрывал, всё-таки брала верх в его существе и заставляла людей держаться на некотором расстоянии от Соколова. Однако это не мешало ему быть хорошим разведчиком и добиваться блестящих результатов. В Испании он работал уже четвёртый год, а до этого на протяжении трёх лет жил в Марокко.

— Галстук? — хмыкнул Соколов. — Это давняя история... В Марокко у меня был человек, которого мне передал на связь мой

предшественник. Богатый человек, работал на нас не ради денег. Звали его Аль Рашид. Ему было лет пятьдесят в то время. Рядом с ним я чувствовал себя просто молокососом. Но он сразу сказал мне: «Михаил, спрашивай меня обо всём прямо. Не стесняйся задавать вопросы. Ты приехал в мою страну, не зная почти ничего, но ты должен узнать как можно больше. Тебе с людьми общаться приходится, ты не должен лицом в грязь ударить». Он относился ко мне по-отечески, хотя был моим агентом... Да, странные у нас сложились отношения. Почему-то он проникся ко мне уважением, хотя я не могу объяснить этого. Он был настоящей личностью. Мне до него расти и расти... И вот однажды он принёс на очередную встречу небольшой пакетик. «Это тебе подарок». Я лишь краем глаза заглянул в пакет, увидел там пару галстуков, поблагодарил и дальше мы приступили к обсуждению наших деловых вопросов. А вечером я пришёл к шефу для доклада и показал ему эти галстуки. Они были не новые, кто-то их уже носил, и я не мог взять в толк, почему Аль Рашид, богатейший человек, дал мне ношенные галстуки. Уж явно не из скупердяйства. Шеф посмотрел на них и засмеялся. «Эх, Миша, зелен ты ещё, до неприличия зелен! Это так называемые клубные галстуки. Не знаю, чем ты вдруг приглянулся Рашиду, но такой подарок — величайшая честь. Они служат пропуском в любое место, которым владеет Аль Рашид, будь то отель, ресторан и всякое такое». Если я появлялся в этом галстуке, я получал бесплатный номер в гостинице, бесплатную еду в ресторане, бесплатную женщину. И всё — высшего качества. Ко мне относились так, будто я сам был Аль Рашид. Никогда не думал, что такое случается в жизни...

— Часто приходилось пользоваться этим пропуском? — полюбопытствовал Полётов.

— Раза три мы для дела брали эти галстуки. Как-то раз попали в неприятнейшую ситуацию на дороге, помню, уже полиция подгребла, оружие наготове. Ни дипломатический паспорт, ни номера на автомашине не помогали. А у нас целый чемодан с секретными документами из военного ведомства... И вот тут один из полицейских увидел на мне этот галстук.

— И что?

— Долго извинялись, расшаркивались... Да-с, неприятная была ситуация. Я уж думал, что просто застрелят... А повернулось так, что почётный эскорт дали, до отеля проводили. Хвала Аллаху... Пару раз,

признаюсь, в личных целях воспользовался этими галстуками.

Они спустились вниз и сели в машину.

— А теперь надеваю его в качестве талисмана...

— Стало быть, не до конца ты уверен в сегодняшнем разговоре, — заметил Юрий. — Иначе зачем тебе талисман?

Соколов пожал плечами:

— Мне кажется, что результат мне известен. Просто с годами я стал суеверным. Понимаю, что галстук в данном случае ничего не решает, но всё-таки...

Через пятнадцать минут их автомобиль припарковался возле стеклянных дверей отеля. Юрий прошёл через просторный холл и поднялся на лифте на четвёртый этаж. Под ногами стелился убаюкивающий зелёный ковёр с мягким ворсом.

— Джордж? — Полётов постучал в дверь.

— Иду, — ворчливо раздалось из глубины номера.

Уоллис проснулся, но красные глаза свидетельствовали, что американец спал плохо и мало. Запах перегара красноречиво рассказывал о причине бессонной ночи.

— Ты плохо выглядишь, Джордж.

— Перебрал вчера. Познакомился в баре с молодой леди, пригласил её сюда, затем она позвала подругу... Ну, ты понимаешь... Вся ночь кувырком. А я уже давно не мальчик.

— Джордж, дружище, мы с тобой договорились о встрече. У нас важный разговор. А ты в таком состоянии.

— Всё в порядке, Юрий, — американец прошёл к столу и плеснул в стакан немного виски из початой бутылки. — Мне надо лишь чуточку взбодриться. Один глоток.

В номере витал аромат женских духов. Сквозь открытую дверь спальни Юрий углядел разбросанную кровать и две пустые бутылки на полу. Уоллис жадно выпил и звонко крикнул. На помятом лице этого сорокалетнего мужчины появилось выражение отвращения.

— Иногда мне хочется послать всё к чёрту! — Выдохнул он.

— Ты о чём?

— Обо всём. Работа надоела... И жизнь надоела... Вся эта безмозглая суета... Присаживайся.

— Нет. Давай я прокачу тебя.

— Далеко? — Уоллис утомлённо опустился на стул. — Я думал, мы

побеседуем здесь.

— Джордж, у меня серьёзный разговор. Здесь нельзя. Кроме того, хочу познакомить тебя с моим другом.

— Лучше бы с подругой... Ха-ха, ладно, что ещё за друг?

— Увидишь. Есть любопытная информация.

— Какая?

— Очень важная для тебя.

— Ты меня интригуешь, — Уоллис тяжело поднялся. — Пожалуй, ещё глоток... Извини, я уже всё равно не смогу сесть за руль. От меня разит, наверное, за милую. Ты же на машине?

— Да...

Минут через десять они были внизу, и Полётов представил американцу Михаила Соколова.

— Тоже русский? — спросил Джордж. — Мне везёт на русских.

— Не то слово! — отозвался Миша.

— Куда поедет, друзья? — полюбопытствовал Уоллис, когда автомобиль покинул парковку.

— У нас забронирован номер в симпатичной деревенской гостинице неподалёку.

— Чем вам не понравился тот, где я живу?

— Мы не хотим, чтобы наша доверительная беседа сделалась достоянием любопытных ушей, — улыбнулся Полётов. — Исходя из специфики твоей работы, у нас есть основания думать, что в твоём номере могут находиться «жучки».

Уоллис внимательно посмотрел на Юрия:

— Не понимаю.

— У нас к тебе профессиональный разговор.

— По-моему, вы что-то напутали, ребята.

— Во-первых, разговор насчёт секретных материалов, которые господин Егоров принёс в «Папирусный дом», — подключился Соколов.

— Не понимаю, какой Егоров? Кто это такой? — Уоллис умело изобразил глубочайшее недоумение.

— Егоров взят с поличным. Вдобавок, при попытке оказать сопротивление офицерам ФСБ он убил человека. Егоров абсолютно сломлен, пошёл на сотрудничество и раскрыл источник поступления секретных документов из Государственной Думы. Тот человек теперь тоже арестован. Так что мы хотели бы поблагодарить вас за оказанное

нам содействие...

— Я не знаю Егорова, а материалы, с доставкой которых мне обещал помочь Юрий, предназначались не для меня, а для моего приятеля, — уверенно возразил американец.

— Джордж, — засмеялся Полётов, — прекрати. Давай будем вести себя как взрослые и серьёзные люди.

Они остановились перед одноэтажным строением, окружённым густой листвой кустарника. Позади гостиничного двора начиналась плантация оливковых деревьев, ровными рядами убегавшими к горизонту. Серое небо низко плыло над деревьями. По двору уныло вилась пыль.

— Приехали, — сказал Полётов.

Полётов вышел из машины и потянулся.

— Для чего ты привёз меня сюда, Юрий? — спросил Уоллис, продолжая сидеть.

— Мы сняли здесь номер. Тут нас никто не услышит.

— Что за разговор? — Джордж медленно, с явной неохотой выставил одну ногу.

— О твоей работе в ЦРУ, — отозвался Полётов, глядя в небо.

Уоллис вышел наружу и сунул руки в карманы.

— Любопытно, очень любопытно, — он выразительно зашевелил губами, разминая их и стремясь пробудить своё заspanное лицо к жизни. — Вот уж не ожидал, что меж нами состоится такой разговор... А вы, джентльмены, работаете, как я теперь понимаю, в соответствующей организации?

— Да, сэр, — подал голос Соколов. — Давайте продолжим внутри. Зачем нам лишние свидетели?

— Что ж...

Номер был скромным, без излишеств. Соколов сразу включил телевизор, создав лёгкий шумовой фон. Уоллис осмотрелся и опустился в кресло.

— Юрий, — заговорил он, уставившись в пол, — поначалу я так и думал, что служишь в разведке, но потом твои книги сбили меня с толку. Разведчику не может хватать времени на написание литературных произведений. Оказывается, может... Итак, я вижу, вы приготовились к откровенной беседе и, похоже, хотите открыть карты. Я слушаю вас.

— Мистер Уоллис, — Соколов заглянул в холодильник и достал оттуда бутылку виски, — ваша операция по поставке секретных документов из Государственной Думы провалилась. Ваш агент раскрыт.

— Бывает и не такое, — хмыкнул американец и указал на бутылку: — Налейте немного.

— Мы предлагаем вам сделку, — Михаил откупорил бутылку и плеснул в стакан.

— Валяйте, выкладывайте ваши козыри.

— Мы будем предоставлять вам информацию и даже сами наладим канал её поставки. Документы, разумеется, будут липовые, но никто об этом не узнает. Мы очень постараемся, чтобы всё выглядело правдоподобно. Ваши коллеги ничего не заподозрят, вы продолжите работать в прежнем режиме. Более того, мы готовы выплачивать вам некоторое вознаграждение за эту услугу.

— Что заставляет вас думать, что я соглашусь? — проворчал Уоллис, отхлёбывая виски и глядя куда-то внутрь себя.

— У нас есть на то причины, — Соколов присел на край кровати и щёлкнул замками «дипломата». — Я захватил с собой некоторые любопытные снимки. Это для затравки. Имеются и другие материалы. — Он бегло взглянул на американца. — Не желаете полюбопытствовать?

— Раз уж вы предлагаете и раз уж мы всё равно болтаем на эту тему, то было бы глупо не удовлетворить собственного любопытства. Что у вас там?

— Вот, пожалуйста, — Михаил протянул пачку фотографий. — Отпечатки сделаны с видеозаписи, так что мы располагаем подробным визуальным рядом и качественным звуком. Это одна из ваших встреч с Хасаном. Полагаю, вы не будете ломать дурака и утверждать, что никогда не встречались с ним. Хасан в течение двух лет, если я не ошибаюсь, возглавлял подпольную террористическую сеть в Европе. Вы связались с ним, когда работали в отделе по борьбе с наркотиками.

— Вы хорошо покопались в моей биографии, — мрачно произнёс Джордж. — Откуда такой интерес к моей скромной персоне? Я не занимаю видных постов.

— Вместо того чтобы выполнять свои обязанности, вы решили подзаработать и помогли Хасану наладить поставку наркотиков по вашим служебным каналам, — продолжал Соколов.

— Что делать, шпионаж порочен по своей природе. Глупо строить

из себя ангелов. Все мы являемся подонками, кто-то чуть больше, кто-то чуть меньше. Общаясь с мерзавцами, мы только усугубляем отрицательные стороны нашего характера, — медленно, но очень отчётливо проговорил Джордж.

— У нас есть неопровержимые доказательства, что вы занимались этой контрабандой. Как вы понимаете, за это вам грозит тюремное заключение.

— Я заявлю, что это было подстроено, что мною просто воспользовались. Хасана уже нет, он не сможет подтвердить ничего.

— Вы можете отпираться, но улики против вас. Вы не только потеряете место, но и получите большой срок. Это во-первых, а во-вторых, у нас есть доказательства, что вы причастны к смерти Хасана.

— Что? — Уоллис медленно приподнялся и заметно побледнел.

Соколов холодно улыбнулся. Он был доволен. Джордж постоял минуту, шагнул к двери, остановился и вернулся в кресло.

— Если мы передадим эту информацию в организацию Хасана, то они приговорят вас к смерти, — сказал Михаил. — Они не станут копаться, насколько информация правдоподобна. Им достаточно будет знать, что вы не поделили барыши от наркобизнеса.

— Шантаж? — Уоллис оплыл в кресле и прикрыл глаза рукой. Полётов молча наблюдал за ним, изредка поглядывая на Михаила.

— Глупо строить из себя ангелов. Это ваши слова, сэр.

— Я с самого начала знал, что это дело не приведёт ни к чему хорошему. Хасан был настоящий сукин сын. Он тоже шантажировал меня. Пришлось убрать его. Только не думайте, что я раскаиваюсь. Мир не потерял ничего.

— Зато вы приобрели очень много. Все связи Хасана остались в ваших руках, вы полностью контролируете поставку товара.

— Да, контролирую... Знаете, мой отец тоже работал в ЦРУ. Наверное, я пошёл работать в Управление под влиянием детских романтический представлений об этой службе. В молодости мне казалось, что вся моя душа принадлежала Управлению, вся моя жизнь проходила под знаком увлечённости этой службой. Казалось, что одно время Управление стало заменять мне семью. Думаю, что это было самым большим моим заблуждением, потому что именно через это пришло разочарование... Любопытно, как сложилась бы моя карьера и какими бы стали мои мысли, сложись обстоятельства иначе. Если бы

мне на пути не встретились циники, презиравшие всё на свете, даже свою работу в ЦРУ, я бы остался верен моим первоначальным чувствам. Но когда начальство не вызывает ничего, кроме омерзения и когда от тоски начинаешь то и дело прикладываться к бутылке, трудно ожидать, что жизнь принесёт радость. Некоторые из моих ближайших коллег стараются выглядеть благопристойными, но напиваются втихую. Другие пьют открыто. Убеждён, что у вас происходит то же самое... Мой непосредственный начальник надирается уже в обеденный перерыв. А что делать? Никто не чувствует себя удовлетворённым. Время настоящих героев кануло в небытие. Говорят, что эпохой настоящих дел был разгар холодной войны, когда Америке противостоял Советский Союз. Накачка идеологическими лозунгами играла свою роль, выковывался внутренний стержень. Многие у нас серьёзно опасались коммунистической угрозы, верили в святость своей миссии. Я слышал от стариков, что после распада Советского Союза все в ЦРУ растерялись. С поля битвы исчез главный противник. Во имя чего теперь работать? Врагов нет! Терроризм? Я не верю в его глобальную угрозу. Да, есть опасность, но не планетарного масштаба, в значительно степени она раздута нами. При действительном желании мировое сообщество могло бы легко вырвать зубы террористам. Международные антитеррористические коалиции! Курам на смех! Неужели мировое сообщество и все армии так называемых демократических стран не способны справиться с кучкой кровожадных шакалов? Чушь! Давно бы в порошок стёрли всех. Но все ведут свои игры: Турция поддерживает исламистов, Саудиты кормят их, Палестина кишит бандитами, Ливия всегда прикрывала их... А Советский Союз? Вот уж кто возвращал целые армии боевиков во имя мировой революции. Ну и ЦРУ не отлёживается в стороне и финансирует экстремистов, чтобы, во-первых, чужими руками радикально решать многие проблемы, ну и, во-вторых, раздувать страх в мире перед исламистами и через это проводить свою политику. Я сам передавал через наших агентов деньги террористам на такие операции! И не надо на меня смотреть с осуждением, коллеги! Эх, куда катится мир? Никто не хочет играть по единым правилам. Нет, джентльмены, я давно разуверился. Работа в Управлении стала для меня просто возможностью зарабатывать деньги. А с наркотиками вы меня ловко накрыли. Конечно, за решётку мне совсем не хочется, тут и скрывать нечего. Да, не совсем удачно всё

сложилось, — проговорил американец, громко дыша. — Значит, вы требуете, чтобы я сообщил в отдел о налаженном канале по доставке секретных документов из Москвы? Полагаю, что это не всё?

— Мы были бы плохими разведчиками, Джордж, если бы остановились на этом. Глупо не развить сотрудничество там, где оно настойчиво требует продолжения, — улыбнулся Полётон.

— Какая информация вас интересует? Спрашивайте.

— Направления вашей работы здесь и в России, — Михаил стал загибать пальцы. — Цель ваших командировок в Москву под чужим именем?

— Я проверял, как продвигается работа по созданию фондов, которые должны проталкивать радикальные идеи в среде верующих да и вообще в обществе. Человек слаб, в нём легко посеять зёрна ненависти. Поверьте, это очень простая работа.

— Нас интересует подробная информация по этим фондам.

— Я принесу вам материалы, — лениво кивнул американец. — У меня кое-что имеется на руках. Фактически это можно рассматривать, как одну из линий, направленных на раскручивание нового фронта религиозной конфронтации.

— Об этом нам уже известно. Вы знаете кого-нибудь из российских политиков, лоббирующих интересы церкви?

— С двумя депутатами Государственной думы я знаком лично. ЦРУ щедро оплачивает их услуги. Обычно это оформляется как гонорары за консультацию тех самых «общественных» фондов. Полагаю, что есть и другие агенты такого же уровня.

— Нам нужны имена.

— Да, вижу, работы у меня заметно прибавится, — Уоллис дотянулся до бутылки и налил себе виски.

— Джордж, не унывайте, — похлопал его по плечу Михаил. — Вы продолжаете заниматься своей профессией. Ничего нового.

— Пожалуй, вы правы, — Уоллис сделал большой глоток. — В конце концов это всё тот же шпионаж. Собственно, какая разница на кого работает профессионал?

— Да и не впервой вас сотрудничать с чужой организацией. С Хасаном-то вы быстро нашли общий язык и даже наладили бизнес, а он был отъявленный мерзавец и убийца. С нами будет проще. Никакого криминала. Только обмен информацией.

— Да, да, всё это так... Только не думайте, что я запаниковал... Нет, просто немного растерялся. Знаете, когда сам вербуешь, то кажется, что это в порядке вещей, но когда тебя цепляют на крючок, тут уж совсем другие чувства пробуждаются... Не предполагал, что жизнь может повернуться таким образом. Конечно, в нашей работе бывает и похуже... Что ж, поздравляю вас, джентльмены. Вы крепко взяли меня за жабры... Но вот ответьте мне, почему всё-таки вы следили за мной, когда я работал с Хасаном?

— Это случайное совпадение, Джордж. Мы разрабатывали совсем другого человека, а вы неожиданно попали в поле нашего зрения.

— Оказаться в нужное время в нужном месте, — хмыкнул Уоллис. — Для меня было бы лучше не оказываться в некоторых местах, но теперь уж ничего не попишешь...

Юрий

За лето мне пришлось побывать в Венесуэле, ещё раз съездить во Францию и дважды наведаться на юг Испании. Всюду стояла невыносимая жара, и везде меня ждали мелкие неприятности, которые пусть и разрешились успешно на месте, всё-таки оставили неприятный осадок.

Когда пришла осень, мне показалось, что наступила полоса затишья. Всё как-то само собой наладилось, вошло в привычное рутинное русло: написание статей для журнала, кратковременные визиты в Мадрид, регулярные походы в «Клаусуру», наработка новых связей, встречи с агентами.

Уоллис вернулся в Штаты осенью и там продолжил работать с нашими ребятами, предоставляя много нужной информации. Пил он по-прежнему много и вёл себя достаточно неаккуратно, что могло легко привести его к провалу. Иногда он присылал мне по электронной почте короткие письма, в которых непременно упоминал о нашей замечательной дружбе. Эти послания не имели никакого отношения к нашей работе, просто на Джорджа временами накатывала сентиментальность, особенно когда он выпивал лишнего.

Моника училась в университете, без труда сдав экзамены, и теперь была окружена вихрем новых знакомств, в связи с чем мы стали реже видеться. Впрочем, отношения наши не изменились, оставались ровными. Я по-прежнему оставался иногда у неё на ночь, но поутру она уже не задерживалась, а спешила на занятия. По сравнению с недавним прошлым она заметно повеселела, наполнилась бодростью и уверенностью. Думаю, она стала по-настоящему счастливой, отдавшись целиком студенческой жизни. Я ни разу больше не привлекал её к моим делам и никогда не возвращался к теме шпионажа. Однажды, после продолжительной паузы, Монике позвонил Себастьян Лобато. В ту минуту я находился у неё дома и слышал весь разговор. Лобато был грустен и просил о встрече. Когда Моника отказала ему, он проговорил:

— Я хочу признаться.

— В чём?

— Моника, я влюблён в тебя. Я потерял сон. Ты нужна мне.

— Себастьян, не нужно говорить об этом.

— Почему?

— Я люблю другого мужчину. — Она краем глаза посмотрела на меня и улыбнулась. — И вообще...

— Что вообще?

— Я не хочу, чтобы мы встречались.

Он помолчал, затем спросил:

— Совсем? Никогда? Я в чём-нибудь провинился?

— Нет, ты вёл себя безупречно... Дело во мне...

— Позволь мне хотя бы звонить тебе иногда.

— Лучше не звони. Мне будет проще...

И он больше не объявлялся. Я был рад этому, потому что то единственное, что по-настоящему омрачало мои отношения с Моникой, теперь ушло с горизонта. Лобато был тенью грязных игр, тенью моей шпионской жизни, тенью преступления, на которое согласилась пойти Моника и о котором ей хотелось забыть навсегда...

В конце осени Таня сообщила мне, что «Папирусный дом» ждёт от меня новых книг.

— У меня нет готовых вещей, — я чувствовал себя неловко.

— Ты обещал закончить «Коричневый снег»!

— Танюш, я не успел.

— Там же оставалось совсем немного доделать. Чем ты занимаешься?

— Я здесь не на курорте. У меня работа.

— А что с той вещью, которую ты в Москве начал?

Я чувствовал себя школьником, не выполнившим домашнее задание. С одной стороны, у меня были серьёзные уважительные причины, с другой стороны, я твёрдо знал, что в последние два месяца у меня хватило бы времени и на литературу, но я находил оправдания, чтобы не браться за книги.

«Лень? Или что? Как это называется? Что за особенность характера? Раньше я даже в городском транспорте не расставался с записной книжкой, постоянно что-то накрапывал. А сейчас, например, стою на балконе, потягиваю из бокала красное вино и любуюсь вечерней Барселоной. Прохладный ветерок, шум города, огни вывесок... Мне хорошо. Мне не для чего искать счастье, оно уже найдено... Мне хорошо.

Сытно, уютно, приятно. Через полчаса я поеду к Монике, буду вдыхать запах её густых волос, а она будет ласкать меня руками и губами... В Барселоне у меня есть Моника, в Москве меня всегда ждёт Таня... Что мне ещё нужно? Книжки? Зачем мне сочинять? С кем делиться мыслями? И какими мыслями? Раньше во мне зрела глубокая неудовлетворённость, и я выплёскивал её на бумагу. Сейчас во мне ничто не болит, мне ничто не мешает... Проклятая сытость! Как сильно она меняет людей. Никогда не думал, что мне станет лень заниматься литературой...»

В декабре у меня намечалась командировка в Москву. Я хотел предупредить Таню заранее, но никак не мог дозвониться до неё. Мобильный телефон её был отключён, в моей квартире она тоже не поднимала трубку. Наконец я не выдержал и набрал номер Зарубиных. К телефону подошёл её отец.

— Сергей Анатольевич, здравствуйте. Что-то я уже целую неделю не могу до Танюхи дозвониться.

— Юрий, она заболела, — прозвучал в ответ подавленный голос. — Её положили в больницу. Уже семь дней.

— Как в больницу? Что случилось? Почему вы не позвонили мне?

— Я не хотел тебя беспокоить. Мы даже с Людмилой поругались из-за этого.

— Что значит «беспокоить»?.. Ладно, сейчас не об этом... Что с Таней?

— Подозревают, что осложнение с почками... Врачи ничего внятного пока не говорят.

— Да ведь уже неделя! И ничего внятного! — Я не мог ничего понять. Мне казалось, что Зарубин что-то утаивал. — Сергей Анатольевич, скажите, как Таня себя чувствует?

— Она почти всё время без сознания...

— Что?!

— Юра, мы делаем всё возможное: лекарства, врачи...

Не помню, чтобы когда-либо меня так лихорадило от услышанных новостей. Продолжая держать трубку возле уха, я уже почти ничего не слышал. Голову мою законопатили мгновенно, окружающий мир будто отторгнулся от меня, провалился в иное измерение. Всё, что говорил Сергей Анатольевич дальше, звучало, как инородный шум, я не понимал его слов, они были просто звуком, дребезжащим, неуместным, назойливым. Смысл содержался только в одном — Таня тяжело заболела, Таня давно без сознания, почти при смерти! Всё остальное не имело

значения. Всё остальное было лишним.

— Почему не сообщили мне сразу? — Повторил я, обращаясь не столько к Зарубину, сколько к самому себе.

Меня вдруг пронзила убийственная мысль: я не почувствовал, что на Таню обрушилась страшная болезнь! Меня ничто не угнетало в последние дни, скорее, я был даже чересчур спокойным и расслабленным. Я вспомнил, как в Париже мне сделалось нехорошо в ту минуту, когда умирала Катя Кинжалова. Может, это было случайным совпадением, но я считал, что ощутил разрыв некой нити, невидимо соединявшей меня и Катерину. А ведь мы не были близкими людьми. Здесь же, когда речь шла о любимой женщине, ничто не подсказало мне, не нашептало мне о подкрававшейся беде. Во мне не проснулась хотя бы самая крохотная, самая незначительная тревога...

Я положил трубку на рычаг и долго стоял, не шевелясь. В комнате нагнеталась неведомая мне доселе атмосфера, создавался какой-то вакуум, какое-то засасывающее своей безысходностью пространство.

Вспомнилось измученное лицо Тани после возвращения из Индии, тот страшный и необъяснимый приступ, с которым нельзя было бороться и который можно было только перетерпеть.

— Опять ждать? — спросил я вслух. — Сидеть тут и тупо ждать?

Я принялся шагать по комнате взад и вперёд. В голове кружилось и мелькало, будто в ней внезапно пробудились тысячи крохотных автомобилей и начали носиться хаотично, стуча друг друга, скрежеща, переворачиваясь, ослепляя светом фар. Меня распирало от потребности немедленно действовать, но я не мог ничего придумать. Мне оставалось метаться по квартире, хватать иногда подвернувшиеся под руку предметы, бессмысленно вертеть их и ставить обратно.

Наконец я остановился перед телефоном. Услышав голос в трубке, я не сразу сообразил, чей номер я набрал. Мне пришлось совершить над собой огромное усилие, чтобы сосредоточиться на собеседнике. Это был Миша Соколов.

— Мне нужно срочно в Москву! — выпалил я.

Соколов спокойно ответил:

— Ты через две недели летишь.

— Миша, мне нужно сейчас. Сегодня же! Я улетаю!

— Во-первых, сегодня нет рейсов. Во-вторых, объясни толком.

— Жена попала в больницу.

— Чья жена?
— Моя! — закричал я, не сдержав эмоций.
— Что ты чушь пореешь? У тебя же нет жены.
— Я говорю про Татьяну Зарубину.
— И что? Ты так про кого угодно можешь сказать. Она тебе не жена.
— Формально не жена. А в действительности жена. По-человечески ты можешь понять? Просто по-человечески? Без всяких официальных бумажек?

— А как я буду объясняться со Стариком? Чем аргументировать твой внезапный отъезд? — возразил Соколов всё тем же спокойным голосом.

— Так и объясни! — Мне с трудом удавалось сдерживаться, хотелось швырнуть телефонный аппарат на пол и растоптать его в порошок, чтобы тем самым поставить точку в бессмысленном, как мне казалось, разговоре.

— Юр, выслушай меня, — донёсся голос Михаила. — Приезжай завтра поутру ко мне, поговорим обо всём спокойно.

— Завтра есть рейс на Москву? Я лечу завтра же!

— Тебя уволят за такое поведение.

— А что мне делать? Как быть?

— Ты зачем хочешь в Москву? — спросил Соколов. — Ты там можешь помочь чем-нибудь?

— Не знаю.

— Вот и не пори горячки. Просто не узнаю тебя.

— Сам не узнаю себя, — признался я. — У меня руки трясутся, Миша. Меня тошнит из-за того, что я разрываюсь в бессилии! По-настоящему тошнит!

— Хватит! — рявкнула вдруг трубка. — Возьми себя в руки! Ты мужик или кто? Хочешь ехать — езжай!

— Ты разрешаешь? — не поверил я.

— А что прикажешь делать? Ты всё равно поедешь... Не говорить же, что ты сбежал, как безмозглый солдат в самоволку. Будем считать, что я отпустил тебя...

— Спасибо.

— Сейчас выясню насчёт билетов...

Утром Михаил заехал за мной. Он выглядел уставшим, но был, как всегда, подтянут.

— Ну что? — спросил он, остановившись в дверях. — Довёл бабу?

— Кого довёл? Ты про Татьяну? Почему довёл?

— Да ведь она из-за тебя слегла. Наверняка из-за тебя. Из-за твоих книг. Я слышал, что она всё время твоими делами занимается. Небось все нервы пожгла себе.

— У неё что-то с почками, — попытался возразить я. — Книги мои тут не при чём.

— Так уж и не при чём! — Соколов фыркнул. — Много ты понимаешь, писатель! Нервы бьют по слабым местам. Нервы — лишь повод... Эх, Юра, ни хрена ты не смыслишь в людях.

— Ты о чём?

— Женщина тебе свою жизнь отдала, целиком и полностью отдала, вся принадлежит тебе, без остатка. Я таких ещё не встречал. Были, конечно, жёны декабристов, но там всё-таки другое... Ну, ты собрался? Пора двигать.

— Миша, погоди. Ты серьёзно насчёт моей вины? — Меня сильно задела его слова.

— Абсолютно.

— То есть ты полагаешь, что всему виной переживания Татьяны из-за моих книг?

— Брось ты свою литературу. У тебя есть работа, она хорошо даётся тебе. Зачем тебе вообще книги писать? Человек должен заниматься чем-то одним. Ты — разведчик, хороший разведчик, качественный. Далеко не у всех получается работать с таким успехом. Вот хоть Старика возьми. Он до своего положения дорос, пройдя через столько провалов, что нам с тобой и не снилось. У него весь послужной список — череда неудач. А ты почти по накатанной поверхности идёшь, у тебя всё как по маслу. Ты рождён для этого дела! Таких — единицы. Ну так и отдайся работе весь без остатка! Брось ты писанину свою, оставь эту глупость. — Он похлопал меня по плечу. — Едем, уже пора. Вот твой билет...

Он довёз меня до аэропорта и обнял на прощанье, когда объявили регистрацию.

— Счастливого пути. Желаю удачи... Поразмысли над моими словами. И не забудь сразу зайти в отдел.

— Нет, я в первую очередь в больницу, — я решительно покачал головой.

— А потом в отдел. Объясни начальству, что и как. Возьми отпуск за свой счёт. Не устраивай никакой отсебятины и на рожон не лезь... Я

очень прошу тебя... Я договорюсь со Стариком, он свяжется с отделом и со своей стороны всё объяснит. Там же тоже живые люди сидят, они поймут. Ты только не рви на себе рубаху, не угрожай, что рапорт подашь...

— Хорошо, — кивнул я.

Мыслями я был уже далеко от Барселоны.

Таня — чёрные глаза, золотые волосы. Такая не похожая на Монику. Такая нестерпимо родная. И такая неузнаваемая: бледная, опухшая, отсутствующая.

Она не видела, как я пришёл в палату, хотя глаза её были открыты. Она безучастно смотрела в потолок, дышала едва уловимо. Опухшие веки её то опускались, то поднимались, подрагивая. Возле кровати стояла капельница, из стеклянного пузыря медленно текла по гибкой пластиковой трубке прозрачная жидкость. Руку Тани покрывали тёмные синяки — свидетельства бесконечных внутривенных вливаний. Из-под кровати высывалась металлическая «утка». На крохотном ночном столике теснились флакончики с таблетками.

— Танюша, здравствуй, — проговорил я и испугался собственного голоса, хотя он прозвучал тихо. Она не среагировала. Похоже, она не слышала меня. Она жила в другом измерении. Я склонился над ней и осторожно погладил ладонью её лоб. Она смотрела сквозь меня.

— Жарко, жжёт... — невнятно проговорила она.

Я вопросительно обернулся к молоденькой медсестре, стоявшей у меня за спиной.

— Это от лекарства, — пояснила она.

— Ей хоть немного лучше?

— Первые три дня её всё время рвало. Ужасно было. Ничто не помогало. Знаете, как будто кран какой-то отвинтили. Всё тошнило и тошнило. Уж нечему выходить-то, а её всё крутит и крутит. Я такого никогда не видела. Казалось, из неё, бедняжки, внутренности скоро полезут... Так что теперь-то лучше.

— Она совсем не реагирует? Ни на кого?

— Вчера глазами нормально смотрела, но недолго. Сегодня тоже утром стены разглядывала. Теперь вот опять ушла в себя, — девушка

поправила свою белую шапочку и указал на стул. — Вы тут устраивайтесь. Скоро кормить её надо, только она не ест ничего. Приходится витамины уколом вводить... Скажите, а ваша фамилия Полётов?

— Да.

— Вы тот самый писатель?

— Тот самый.

Теперь, находясь возле Татьяны, я успокоился и мог разговаривать. Я никак не влиял на ход болезни, но чувствовал себя почему-то уверенно, будто от меня что-то зависело. От паники, охватившей меня в Барселоне, не осталось следа.

— А вы придёте сюда ещё? — спросила медсестра.

— Приду...

— Тогда я принесу завтра книгу, чтобы вы автограф оставили. Можно?

— Можно. — Я был щедр, потому что меня охватило спокойствие. Здесь, возле Тани, я чувствовал себя на своём месте. Я мог быть полезным ей. Повернувшись к медсестре, я спросил: — Послушайте, а нельзя ли мне каким-нибудь образом тут устроиться?

— То есть?

— Ну, койку рядышком поставить... Или в коридоре?

— Вы хотите сами ухаживать за ней? — девушка кивнула на Татьяну.

— Да. Сегодня мне нужно обязательно на работе показаться... Я сюда прямо с самолёта. А завтра я бы с утра пораньше пришёл...

— Вам надо к заведомому. Я же ничего не решаю...

Пришлось долго разговаривать с врачами, затем состоялся мучительный разговор в Центре с начальником отдела.

— Вениамин Петрович, — сказал я под конец, — сейчас из меня работник никудышный. Все мои мысли не на службе, а в больнице. Знаю, что не должен так говорить, но поймите правильно, у каждого человека есть личная жизнь. В настоящее время мне важнее жена, важнее всего остального.

Шеф угрюмо постучал карандашом о поверхность стола.

— Что ж, я согласен дать вам отпуск за свой счёт на неделю.

— Минимум на две! А потом я ещё возьму, если понадобится.

— Юрий Николаевич, вы же не врач. Вы не можете реально помочь жене ничем. Что даст ей ваше присутствие?

— Может, ей оно не даст ничего, но мне даст очень многое. Врачи не только ничего не гарантируют, но вообще внятно не говорят... Знаете,

если Татьяна вдруг умрёт, я бы хотел находиться рядом, а не в Барселоне.

— Даже если ваше присутствие в Испании будет необходимо?

— Даже... Пусть это и звучит не патриотично.

— Что ж... Мы оба выразились предельно ясно, — шеф замолчал и некоторое время смотрел мне в глаза. — Мне импонирует ваша прямота. Лучше так, чем изображать послушного работника, а втихомолку делать по-своему... Не знаю, как бы я повёл себя в такой ситуации.

— Лучше, если такой ситуации ни у кого не будет. Больница — не самое удачное место для проверки собственных чувств.

— Ладно, ступайте. Я найду, кому пока перепоручить некоторые ваши дела. Занимайтесь женой, выхаживайте её, поднимайте на ноги. Мне нужен сотрудник, у которого дома всё в порядке... Знаете, люди, не способные думать о своих близких, не способны думать и о своей стране. В сущности, мы ведь работаем ради наших семей и друзей. Это и есть наша родина. Всё остальное — пустые слова. Странно, что раньше эта очевидная мысль не приходила в мне голову...

— Мне оформить заявление на отпуск?

— Не нужно. В случае чего я дозвонюсь вам. Надеюсь, пару часов в неделю вы сможете уделить интересам работы?

— Разумеется, Вениамин Петрович... Спасибо. Я очень признателен вам...

Я не предполагал, что ждало меня впереди, не размышлял об этом. Карьера в разведке могла закончиться крахом, и литература могла превратиться в ничто. Планов на будущее у меня не было. Будущее, в том смысле как его обычно представляют, перестало существовать. Осталось настоящее, сиюминутное, мгновенное. Осталось моё присутствие возле любимой женщины, всё остальное ушло в небытие, исчезло, распалось.

Впервые всё моё существо оказалось перед пропастью безвременья. Казалось, жизнь до моего появления в этой больничной палате принадлежала не мне, а кому-то другому. Кто-то утверждался, пробивался, доказывал себе и другим свою значимость, весомость, состоятельность. И это был не я. У меня не было прошлого. У меня было только бесконечное настоящее, секунды вытянулись в вечность, растащили пространство на части и выстроили вокруг меня невидимый

постороннему глазу кокон. Кокон, где отсутствовало время, чувство, мысль, ожидание. Кокон, где я был с Таней как единое целое и вместе с тем мы были с ней двумя самостоятельными сущностями, исполнявшими таинственный ритуал познания самих себя через соприкосновение с безжизненностью...

Таня узнала меня лишь через несколько дней. До этого она воспринимала мои руки и голос так же, как постоянно воткнутую под кожу иглу от капельницы, безлично. Я был частью больничной палаты, одной из её обязательных деталей. Всё моё существо стремилось к одному — превратиться в некую силу, способную проникнуть в Таню и вернуть её к жизни. Моя голова была чиста, освобождена от рассуждений, ничто не заботило меня, не интересовало, кроме Татьяны. И вот она наконец посмотрела на меня осознанным взглядом. Перелом наступил.

— Где я? — Был её первый вопрос.

— В больнице.

— Почему?

— Захворала немного.

— А ты что делаешь тут?

— За компанию устроился сюда, — прошептал я ей на ухо.

— Понятно...

Она не поняла до конца, как оказалась в палате, и не отреагировала на мою шутку. Чёрные глаза её перебежали с предмета на предмет, ощупывали стены, шарили по потолку.

— Больница, — проговорила она. — Надо же! Я ведь никогда не болела.

— Тогда ты многое упустила в жизни, но не самое интересное.

— Да?

— Теперь навёрстываешь, — я погладил её по голове. — Ты не хочешь покушать?

— Нет...

По её лицу стало понятно, что она мучительно пыталась вспомнить события последних двух недель, но ей не удавалось.

— Знаешь, я видела какой-то золотой город, — с недоумением сказала она. — Я куда-то ездила... Нет, летала... Ты не знаешь, куда?

— Не представляю.

— Странно... Разве мы не вместе летали? Ты не помнишь эти золотые

стены? До самого неба... И небо золотистое... И розовый на вкус воздух...

— Как это розовый на вкус? — Меня радовало, что она разговорилась.

— Ну, он был розовый... Не знаю, не могу объяснить... Разве ты сам не помнишь?

— Нет.

— И не помнишь, где я была? Не помнишь, что ты был со мной? Как странно. Там было так чудесно... Мне там столько всякого рассказали... Только я теперь ничего не помню, ровным счётом ничего...

Я опустил руку на корточки рядом с кроватью и провёл рукой по лицу Тани. Оно по-прежнему было болезненно опухшим, рыхлым.

— Ты вернулась, Танюха... Остальное — чепуха. С остальным мы справимся.

— А что со мной? Почему я в больнице?

— Хрен его знает. Врачи разводят руками. Но лекарствами тебя пичкают на всю катушку. Лечат...

— Лечат?... — Её губы снова отяжелели, язык стал ворочаться труднее. — Милый, а ты откуда взялся? Разве ты не в Барселоне?

Я обрадовался, несмотря на то, что видел накатившую на неё усталость. Таня вспомнила всё. Реальность отслоилась от бредовых видений. Теперь я был уверен, что дело пойдёт на поправку.

— Тебе, наверное, скоро возвращаться туда? — спросила она.

— Нет, никуда я не поеду, пока ты не поднимешься.

— Правда? — её бледное лицо озарилось счастьем. — Погоди, а как же твоя работа?

— Всё в порядке. Забудь об этом.

— А книги? Ты привёз их? Ты выправил тексты?

Даже в таком состоянии она думала о моих книгах! Невозможно было поверить в это.

— Танюш, давай позже об этом. Для начала тебе надо немного прийти в себя.

— Да, — согласилась она и добавила: — устала, хочу спать.

— Вот и спи...

Наблюдавший её доктор пригласил меня в свой кабинет:

— Если честно, Юрий Николаевич, я не надеялся. Грешно говорить, но случалось в моей практике и такое, что приходилось виновато

разводить руками. Лечишь, бывало, лечишь, а болезнь словно взбесилась, вытворяет что-то своё, ломает больного то в одном месте, то в другом. И никаких сил нет справиться с ней. Лекарства, Юрий Николаевич, иногда ведь ведут себя не так, как врачи предполагают. Сколько раз было, что медикаменты только хуже делали, губили больных... Признаюсь, глядя на вашу жену, я не надеялся. С её-то анализами жить ей оставалось недельку, не больше... У меня есть коллега, который ходит в церковь, свечи ставит за некоторых пациентов. Но я не верю в Бога, даже те немногие крохи суеверия, что когда-то уютись в моём сердце, и те растерял за долгие годы врачевания. Наука, знаете ли, держится всё-таки на фактах, а не на сказках. Но должен признать, что с чудесами я тоже сталкивался, редко, но сталкивался... Вот и ваша жена тоже... Кхм... Ну, что ж, очень рад, что оно так повернулось. Теперь у меня появилась надежда.

— Только надежда? — уточнил я.

— Пока только надежда. Говорить наверняка не осмелюсь. Не понимаю, что за случай такой. Диагноз-то на обе ноги хромает... Хотите чаю? Извините, что сразу не предложил.

— Нет, спасибо, — мне дьявольски хотелось водки.

Минуло два месяца, прежде чем Таню выписали и я привёз её к себе. Она была совсем слабенькой, утомлённой, но счастливой.

— Как хорошо оказаться дома!

В тот же день нагрянули её родители, просидели у нас до позднего вечера. Таня уже уснула, перебравшись из гостиной в спальню, а её мать, как всегда элегантная и яркая, ворковала и ворковала, возбуждённая встречей, и лишь настойчивость Сергея Анатольевича заставила её подняться из-за стола.

— Люда, хватит! Сколько можно!

— И вправду, — спохватилась наконец она. — Ах, Юра, мне так трудно остановиться. Я вся переполнена чувствами, так рада, что всё обошлось.

Мне сразу вспомнились слова доктора: «Диагноз-то хромает. Чёрт его знает, что с вашей женой». Никто не знал, обошлось ли... Но о плохом думать не хотелось. Жизнь сделала такой огромный крюк, чтобы с помощью страшной болезни заставить нас с Татьяной пожить бок о бок, испив до дна из чаши любви и горечи, что думать мне вообще не хотелось. Я знал, что переживания за любимую женщину что-то кардинально изменили во мне, но никак не мог определить, что именно

случилось, какие изменения произойдут в ближайшем времени...

Время возвратилось в мою жизнь. Я ощущал его плотную пульсацию, его настойчивое требование участвовать в каких-то делах; оно подталкивало в спину, наступало на пятки, рвалось вперёд. А я уже отвык от него. Мне как-то совсем не хотелось возвращаться в густую массу человеческого потока, где мои коллеги ни на мгновение не переставали сплетать паутину сложных шпионских махинаций. Мне не хотелось возвращаться и в мир литературы, где меня ждали новые персонажи и новые почитатели. Мир стал после пребывания в больнице предельно ясным. Отпала нужда копаться в собственной душе и отыскивать ответы на беспокойные вопросы. Вопросы исчезли. Но я этого еще не осознал.

Циферблат моей жизни снова закрутился, маятник часов громко зазвучал в голове, проталкивая вперёд секунды, минуты, часы...

Я стал ежедневно появляться в отделе, но от выезда за границу отказывался наотрез. Шеф понемногу начинал проявлять неудовольствие. Я понимал его, но оставить Таню одну не мог. Ни родители, ни прислуга, ни кто-либо иной меня не устраивали. Я хотел ухаживать за ней сам.

— Сейчас не могу уехать. Может, позже, Вениамин Петрович, — в который раз отговаривался я в кабинете начальника.

— Надо как-то форсировать эту ситуацию, Юрий Николаевич.

— Форсировать не буду. Боюсь, нить порвётся.

— Какая нить?

Этого я объяснить ему не мог. И не желал.

Я был убеждён, что без Тани моя жизнь не нужна была мне. Это было главное, что я вынес для себя из её болезни. Сейчас нас надёжно связывала нить, которая неминуемо лопнула бы, согласись я уехать в командировку. Я физически ощущал эту связь, радовался ей и вместе с тем боялся её.

«Мистика, — крутилось в моей голове, — мистика. Ну и пусть мистика. Не в том дело, как называть то, что в душе творится, а как с этим поступить...»

До середины лета я так ни разу не выехал из Москвы. Жизнь стала размеренной, на работе повеяло скукой, и я всё чаще торопился домой со службы. Мне хотелось чувствовать присутствие Тани ежесекундно, видеть и слышать её.

Понемногу я доделал две новые книги, сам неожиданно удивившись,

когда увидел, что они завершены. Вместе с «Коричневым снегом» у меня теперь было три готовых романа, которые можно было отдавать в печать. Замаячил какой-то очередной замысел, на бумагу стали ложиться разрозненные сцены, завязывались узлы, повороты событий, которые мне ещё не были известны, но которые уже протапывали дорожку общего сюжета.

Я всё больше отдавался литературе с головой и охладевал к службе. Чаше и чаще, сидя в у себя в кабинете, я откладывал документы и делал пометки для очередной книги. Снова пробудилось во мне состояние, о котором я успел забыть, — наслаждение от купания в словах, от увязывания их во фразы и складывания из них общей мозаики книги. Вернулось ко мне знакомое чувство приятного беспокойства — когда замысел ещё далёк от воплощения, но он уже даёт о себе знать, набухает, ворочается во мне, всей массой, ещё не сформировавшейся, но ясно осязаемой, как зародыш во чреве матери. Живое присутствие рождавшейся книга будоражило нервную систему, приносило охмеление, так любимое мною. Я глубже и глубже уходил в работу, забывая, как юности, о реальной действительности...

— Юрка, — тихонько позвала Таня.

— Что?

— А ты знаешь, что ты был мой первый мужчина?

— О чём ты говоришь? Ты же была замужем, когда мы с тобой сошлись.

— И всё же...

— Не понимаю, Тань, что ты имеешь в виду. Ты иносказательно?

— Видишь ли, мне было лет семнадцать, когда я увидела один очень странный сон.

— Какой сон?

— Ты пришёл ко мне и сказал, что должен скрыться. У тебя на лице была какая-то чёрная маска.

— Маска?

— Да, вроде чужого лица.

— Любопытно.

— Да, и ты сказал, что ты не тот, за кого себя выдаёшь.

— Это уже совсем интересно. Не тот, за кого выдаю себя? Так ведь это о моей службе, о разведке!

— Может быть. Не знаю.

— Ты никогда не говорила, что обладаешь способностями предвидеть.

— А я никогда не помнила, что видела этот сон. Только что вдруг почему-то всплыло в голове... Но я-то не об этом, я не это вспомнила сначала.

— А что?

— Ты ушёл...

— В том сне?

— Да, ушёл, исчез, но я продолжала ощущать твоё присутствие. И ты овладел мной.

— Ты же говоришь, что я ушёл. Стало быть, ты не видела меня?

— Нет.

— Однако ты уверена, что это был я.

— Уверена. Я знаю это, чувствую это, помню это... Ты знаешь, это был настоящий сексуальный акт, а ведь я к тому времени ещё ни одного мужчины не знала, никаких сексуальных отношений не имела. И всё же я почему-то точно знала, что это именно и есть физическая любовь.

— Получается, что мы с тобой связаны очень давно? Дольше, чем на самом деле?

— Дольше, милый, значительно дольше. Мы связаны с тобой всю жизнь. И я очень рада этому. Пусть тебя всё время нет рядом, пусть я всё время зову тебя, но ведь я знаю, что ты есть.

Её история взволновала меня. В силу того, что моё воображение сильно развито, меня трудно чем-то удивить. Поэтому я всегда радуюсь, если в руки вдруг попадает книга, способная хоть чем-то привлечь внимание. Несмотря на мою главную работу, я привык то и дело окунаться в мир фантазий, создавать города, выстраивать там сюжеты, сплести судьбы сочинённых мною людей, и редко отыскивается художник, способный насытить меня новыми цветами и мыслями. И вот Таня рассказала мне про свой удивительный сон. Рассказала скупой, однако даже в скомканном виде её сон проник мне в душу и разбередил её. Он оказался очень близок мне, реален, почти осязаем. Передо мной проявилась из синюшной темноты величественная фигура в маске, блеснула золотом рукоять клинка...

— Выходит, что мы связаны с тех пор, — проговорил я. — Всё было предназначено заранее.

— Заранее и навечно...

Неожиданно у меня заныло сердце. Я ушёл на кухню и заварил себе чай.

Было воскресенье. Мы с Таней намеревались немного прогуляться по городу и заглянуть в недавно открывшуюся картинную галерею, которую основал один из наших знакомых. Но уже в двери нас остановил телефонный звонок.

— Может, ну его к чёрту? — сказал я.

— Ладно, подойди уж, — Таня махнула рукой.

Звонил Павел Костяков.

— Юра, привет. На с тобой ждёт шеф.

— Когда?

— Срочно.

— Твою мать! — сорвалось у меня. — Воскресенье же! Неужто заранее нельзя было предупредить?

— Юр, я тут ни при чём. Петрович велел тебе прозвониться и притащить в отдел. Извини, старик.

— Чего уж там!

Мне казалось, что я готов лопнуть от злости.

— Минут через сорок я за тобой заеду, — предупредил Костяков.

— ЧП? — Спросила Таня, когда я положил трубку.

— Понятия не имею...

— Что ж, мы долго жили вместе и тихо, — проговорила она задумчиво. — Похоже, пора возвращаться в былую колею...

— Не обижайся, что так вышло.

— Ты тут ни при чём...

Я дождался Павла внизу, не хотелось, чтобы он поднимался к нам в квартиру.

— Назарова помнишь? — спросил Костяков, когда я сел к нему в машину.

— Серёгу? Конечно.

— Взяли его.

— То есть?

— В Англии. Он же там нелегалом был.

— В Англии?

Он бросил мне на колени лондонскую газету:

— Можешь почитать. Мистер Бриджерс, выходец из Австралии. Возглавлял крупную электронную фирму... Знаешь, а ведь я в прошлом году с его фирмой переговоры вёл по закупке кой-какого оборудования для российской Госдумы. Он сам был на переговорах. Забавная ситуация. Никогда я не чувствовал себя так странно... Мы к тому времени уж года три как не виделись. И вот тебе на — встречаемся за столом... Сижу, хочу спросить, что и как у него в семье... Он ведь женился там на какой-то художнице.

— На англичанке?

— Она из Ирландии. Представляешь, он всегда мечтал почему-то о том, чтобы у него жена была ирландка. Кельтов обожал до безумия. Литературы по истории Британии — тьма...

— Как его накрыли?

— Судя по предъявленным ему обвинениям, за ним месяца три плотно ходили. Взяли с поличным, на тайнике.

— А наши?

— Управление гудит. Только что наши могут сделать?

— Обменять на кого-нибудь?

— Англичане же не знают, что он — наш. Уверены, что он австралиец...

Костяков надавил на педаль, машина остановилась.

— Выходим? — спросил я.

— Давай перекурим перед разговором. Шеф дымить не позволит, — сказал Павел.

— Так нас в связи с Назаровым выдернули?

— Нет, — он громко выдохнул, выпуская дым.

— У тебя есть предположения, чего хочет шеф?

— Есть. Но пусть он сам...

Беседа с начальством тянулась до глубокого вечера. Мне разговор не понравился, предстоящая поездка тоже не внушала оптимизма. Речь шла о Болеславе Трынчеве, крупном бизнесмене в области новых технологий. Он был болгарин по происхождению, но вырос на Ближнем Востоке, и не считал Болгарию своей родиной. Согласно имевшейся у нас информации, он был приверженцем ислама и финансировал ряд радикальных организаций, хотя и провозглашал себя противником терроризма. Кое-кто из европейских политиков прочил Трынчева

в координационных совет Всемирной Торговой Организации.

— Мы сделали к Трынчеву несколько подходов, но без результата, — сказал шеф. — На днях выяснилось, что ряд своих сделок Трынчев проводит через «Фолио-Банк», где помощником директора работает Мануэль Рамирес. Похоже, это реальный шанс для нас...

Как только прозвучало имя Мануэля Рамиреса, я сразу понял, почему руководство решило привлечь меня к выполнению этой задания. Я завербовал Рамиреса почти два года назад, однако он принадлежал к числу тех агентов, которые работают только с тем, кому доверились в самом начале, и на контакт с другими людьми не идут. За время моего отсутствия в Испании, к Мануэлю несколько раз приходили от моего имени, но он не шёл на сотрудничество. Такое иногда случается. Рамирес работал не ради денег, а из личной симпатии ко мне. Мы были хорошими друзьями. Как-то раз он сказал мне: «Я помогаю тебе, Юрий, а не твоим коллегам и не твоей стране. Когда ты уедешь отсюда, пусть ко мне не приходит никто из твоих товарищей».

— Юрий Николаевич, вам придётся поехать на встречу. У нас есть точная информация, что Болеслав Трынчев появится в Венеции через две недели. Его молодая жена — актриса. В Венеции снимается небольшой эпизод фильма с её участием. Трынчев обещал ей провести эти дни вместе с ней. Вам надо договориться с Рамиресом, чтобы он тоже приехал туда. Как бы случайно, вы встретитесь с ним там. Будем надеяться, что он представит вас Болеславу. Дальше дело за вами...

— Это легко только на первый взгляд.

— Я прекрасно понимаю расклад. Не первый год работаю. Но на сегодняшний день нам пока не подвернулся более удобный случай. Надо действовать... Заодно познакомите Рамиреса с Павлом, — шеф кивнул в сторону Костякова. — Может, позже удастся уговорить вашего испанского друга продолжить сотрудничество с нами. Пока просто скажете, что это ваш знакомый, не уточняя, откуда он...

Я вернулся домой совершенно разбитый. Некоторые служебные разговоры доводили меня до смертельной усталости, даже если тема не сложная и вопросы не принципиальные. Что-то иное крылось в такой усталости, что-то такое, что не имело отношения к самому разговору, что-то более глубинное, болезненное...

Татьяна расстроилась:

— Уезжаешь?

Она уже вполне могла обходиться без меня, но не хотела этого, успев привыкнуть к моему постоянному присутствию.

— Снова уезжаешь?

— Так надо.

— Кому?

— Таня, у меня же работа...

— Да, да, конечно...

— Я очень быстро.

— А после этого «быстро» будет ещё одно «быстро», а за ним ещё...

— Пойми, пожалуйста...

Я осёкся, потому что не знал, что сказать дальше. Что она должна была понять? Таня и так всё понимала. И я всё понимал. Мы подступили к какой-то критической черте, шагнув за которую, оказались бы в безысходном положении. Наш союз развалился бы безвозвратно. И виной была не моя служба. Служба была лишь поводом. Из-под ног уходил тот фундамент, на котором строились наши отношения. За последнее время я успел осознать, что главное для меня была обыкновенная жизнь бок о бок с Татьяной. Не гонка за успехом, не подъём по служебной лестнице, а самая обыкновенная человеческая жизнь. Таня и я. Больше ничего.

— Юр, ты понимаешь, что всё может сломаться?

— Да. Но нам надо потерпеть немного, — я отвечал с неохотой.

— Зачем? Ради чего? — она показалась мне на редкость бледной, чуть ли не прозрачной. — Ты только-только начал снова по-настоящему писать.

— Танюш...

— Только не надо о долге. Для меня не существует ничего такого. Только ты, милый. Всё остальное — ерунда. Не нужна тебе эта поездка. Откажись...

— Но ведь я не могу просто взять и сказать им «нет».

— А как ты можешь?

— Не знаю. — Мои плечи неуверенно передёрнулись. Что-то подсказывало мне, что мне и впрямь не следовало уезжать. Но я не был готов порвать со службой, несмотря на моё почти полное охлаждение к ней.

— Когда тебе ехать?

— Дней через пять. Всего на неделю, не дольше.

— Что ж... — теперь она пожала плечами.

Мануэля я увидел сразу. Он стоял на ступеньках отеля и смотрел, прищурившись, на качавшиеся возле набережной гондолы. Их серебристые и золотистые носы сверкали на солнце. Я неторопливо прогуливался в шумной толпе туристов. Звучали зазывные голоса торговцев сувенирами, по ветру колыхались вывешенные для продажи платки и майки с венецианскими пейзажами, щёлкали деревянными суставами лакированные марионетки в руках кукольников. С площади Сан-Марко донёлся звонкий бой колоколов, и я бросил взгляд на часы.

Мануэль заметил меня, кивнул и сделал несколько шагов навстречу. Он был невысок, коротко подстрижен, гладко выбрит. На нём были джинсы и просторная лёгкая рубаша.

— Впервые вижу тебя не в костюме, Маноло, — я протянул ему руку.

— Этот город не терпит строгих костюмов, — ответил он, улыбаясь. — Тут надо одеваться попроще. Или уж облачаться в пышные наряды во время фестиваля. Жемчуга, золото, перья, маски и всякое такое... Как твои дела?

— Замечательно.

— Болеслав сейчас внутри, завтракает. Минут через тридцать он уйдёт с женой на съёмочную площадку.

— Что ж...

Мы прошли в ресторан отеля. Отовсюду со стен взирали бронзовые лепные амурчики, прятавшиеся за бронзовыми же лепестками виньеток, торжественно блестели золотом изысканные канделябры, массивные багеты с цветочными узорами обрамляли старинные масляные полотна с видами Венеции.

Болеслав сидел с женой за столом у окна. Весь его облик олицетворял глубочайшее спокойствие и уверенность. Его жена, напротив, выглядела напряжённой, очень натянутой, с усилием державшей себя в руках. Она была молода и красива, но красота её была, пожалуй, чересчур изысканной: тонкий нос, тонкие губы, прозрачные голубые глаза, мягкая копна собранных на затылке волос — слишком много точёности и холода. Впрочем, в паре с мужем она смотрелась как нельзя лучше. Он был черноволосый, на лице

выразительно выделялся крупный нос, большие губы.

Мануэль Рамирес приветственно махнул рукой, привлекая внимание Болеслава. Тот улыбнулся.

— Доброе утро, — поздоровался Мануэль по-испански.

— Приветствую.

— Я не один. Хочу представить вам моего друга, — Рамирес указал на меня. — Только что встретил его возле отеля.

Болеслав кивнул мне.

— Журналист из России, — представил меня Мануэль.

— Юрий Полётов, — добавил я.

На лице Трынчева отразилось удивление.

— Юрий Полётов? — переспросил он по-русски. — Писатель?

Теперь настал мой черёд удивляться:

— Откуда вы знаете, что писатель?

— Месяца два тому назад мне привезли из Москвы ваши книги. Я до сих пор нахожусь под впечатлением. Вот уж не думал, что буду иметь честь познакомиться с автором лично.

— Вы читали мои книги? — не поверил я. — Не предполагал, что кто-то за рубежом знаком с моим творчеством.

— Я распорядился, чтобы мне прислали что-нибудь ещё из ваших произведений, но меня уверили, что больше ничего не публиковалось.

— Это правда. Но месяца через два появится ещё пара книг... А вы прекрасно говорите по-русски, господин Трынчев.

— По-английски, по-французски и по-арабски тоже. Люблю учить языки. Есть в этом необъяснимое очарование. Сейчас принялся за греческий... Послушайте, Юрий, я так ошеломлён нашей внезапной встречей, что забыл представить вам мою жену. — Он величественным жестом указал на сидевшую напротив него блондину. — Это Памела. Но она владеет только английским языком.

Молодая женщина ответила любезной улыбкой на мой поклон и сказала торопливо:

— Дорогой, мне пора. Ты присоединишься ко мне?

По лицу Болеслава пробежала тень замешательства. Он глянул на меня и проговорил медленно:

— Я приду прямо на площадку, Пэм. Хочу поговорить с господином Полётовым.

— Но ты обещал, что мы будем вместе! — она поджала губы,

капризно дёрнула подбородком.

— Дорогая, я приду чуть позже.

— Моё появление нарушило ваши планы? — с беспокойством спросил я.

— У жены сегодня съёмка, — пояснил Трынчев. — Она нервничает. Хочет, чтобы я был рядом... Ох уж эти женщины!

— Не буду задерживать вас, — я поспешно поднялся из-за стола.

— Юрий, я не могу расстаться с вами вот так... Упустить такой случай! Мы должны обязательно увидеться, поговорить, — Болеслав встал. — Как долго вы будете в Венеции? Может, встретимся завтра? Завтра все ужасы на съёмочной площадке заканчиваются.

— Завтра? — Я изобразил размышление, а сам подумал радостно: «Вот это удача! Он читал мои книги! И они понравились ему... Да, теперь можно спокойно развивать наши отношения. Козыри у меня на руках». И сказал вслух: — Постараюсь сегодня завершить все дела.

— Чудесно! — воскликнул Болеслав. — Договоритесь обо всём с Мануэлем. Мне пора бежать... Дружище, — он похлопал Рамиреса по плечу и указал глазами на меня, — не отпускайте далеко этого человека. Подумать только — Юрий Полётов! За последние годы я не читал ничего лучше! Как жаль, Мануэль, что вы не знаете русского языка. Вы лишаете себя настоящего удовольствия.

— Когда-нибудь, надеюсь, эти книги переведут на испанский, — отозвался Рамирес.

— В мире всё слишком стремительно меняется, — сказал Болеслав уже через плечо. — Не следует рассчитывать на «когда-нибудь»!

Болеслав и Памела скрылись.

— Надо же! — проговорил Рамирес. — Он читал твои книги. Он тебя не знает, но книги читал. А у меня всё наоборот... Мне тоже хочется почитать, раз они произвели сильное впечатление на Трынчева. Все говорят, что у него исключительный вкус. Ты знаешь, что он много помогает музыкантам?

— Любит музыку?

— Обожает. Он вообще любит искусство... Ты удовлетворён знакомством?

— Спасибо, Маноло, ты оказал мне великую услугу...

На следующий день мы снова встретились. Я привёл с собой Костякова.

— Извините, что я не один, Болеслав. Но мне было неловко оставлять моего друга одного в чужом городе, — я придал моему лицу максимальное смущение.

— Вы тоже пишете? — спросил Болеслав, обращаясь к Костякову.

— Я заведу отделом экономической информации в журнале, — ответил Павел, следуя разработанной легенде. — Сам редко берусь за перо. Больше приходится разгребать информацию, выискивать, что подать и под каким соусом.

Трынчев кисло улыбнулся:

— Не люблю журналистику. Скольких людей она собирает под своей крышей. Похуже политиков. Ха-ха! Что ж, надеюсь, мы с вами проведём время в приятной беседе, — сказал он и предложил нам бокалы с вином. — В обществе господина Полётова было бы просто грешно не поговорить о литературе... Скажите, Юрий, вы упомянули о двух новых книгах.

— Да, контракт с издательством уже у меня на руках.

— Как вам удаётся так быстро работать? — удивился Болеслав.

— Трудно объяснить. Да я и сам не понимаю. Видите ли, когда я сажусь работать, во мне словно включается какой-то механизм. Я не знаю, что это за механизм, но если я сосредоточусь на книге, то пишу почти автоматически, не останавливаясь. Иногда до изнеможения.

— Вам кто-то надиктовывает? Есть такие авторы, которые слышат голоса.

— Никаких голосов я не слышу. Поэтому и говорю, что не понимаю, как это происходит. Не в любую же минуту я могу сесть и начать писать. Надо, чтобы внутри меня вызрел плод... Кстати, сейчас издатели меня торопят, и я начинаю немного халтурить, чересчур поспешаю. Идей много, хочется поделиться с читателем сразу всеми книгами, которые я мечтаю сделать. Настоящей гонки, конечно, ещё нет, но я чувствую, что уже приближаюсь к допустимой грани...

Павел внимательно слушал наши рассуждения о творчестве и с особенным интересом следил за разговором о моих книгах.

— Знаешь, — сказал он мне позже, — а ведь это просто невероятно.

— Что именно?

— Из-за твоих книг Трынчев с готовностью пошёл на контакт. А ведь если бы не это... В моей практике никогда не было такого точного попадания. Он просто влюблён в твои книги. Не думал, что можно

подцепить человека таким образом.

— Это редкая случайность.

— Чёрт возьми! — Павел хлопнул себя по колену и сокрушённо покачал головой.

— Ты что?

— А я не читал, — ухмыльнулся он. — Признаться, мне даже в голову не приходило купить твои книги. Хотя бы одну, хотя бы из любопытства. О тебе ведь говорят как о модном авторе.

Я лишь пожал плечами в ответ. Тут нечего было сказать. Я знал, что мало кто из моих коллег считал меня настоящим писателем. Все воспринимали эту сторону моей жизни как баловство. Одни коллекционируют марки, другие собирают оловянных солдатиков, третьи рисуют дружеские шаржи. Мою литературную деятельность относили к такому же чудачеству, в котором я, по их мнению, просто находил отдушину.

— Как только приедем в Москву, сразу смотаюсь в книжный, — добавил Павел.

Через две недели Трынчев ждал нас в своём доме в Кордове.

Я поехал туда через Барселону, чтобы повидаться с Моникой. Город встретил меня ясной погодой и показался мне на редкость уютным и родным. Монику я встретил возле университета. Она вышла в окружении подруг, живо обсуждая что-то. Весь облик её источал необычайную свежесть и жизнерадостность, и меня пронзило острое желание обладать ею.

— Привет! — сказал я.

Она долго молчала, разглядывая меня, затем медленно проговорила:

— Ты исчез. Ничего не сообщил о себе. Я не знала, что думать, — солнце било ей в глаза, она щурилась.

— Прости. Я виноват.

— Ты уехал, не предупредив. Тебя не было более полугода.

— Так случилось. Знаю, что виноват... Были большие проблемы со здоровьем моей жены, — последнее слово далось мне нелегко.

— Значит, всё-таки жена... Другая женщина... Я была права, в самый первый раз, когда ты пришёл ко мне домой. Помнишь?.. Но вот ты всё-

таки опять здесь... Передо мной...

— Ты злишься на меня?

— Нет. Я же люблю тебя... Но ты исчез... Ты такой... Я должна была понять это сразу. Ты же сам говорил, что однажды уедешь... Мне надо научиться жить без тебя. На самом деле это не трудно, надо только захотеть.

— Надо, — согласился я и обнял Монику. — Я приехал на несколько дней. Меня пригласил погостить один бизнесмен. Потом я опять уеду в Москву. Думаю, что надолго. Очень надолго... Как твои дела?

— Учусь...

Она прижалась ко мне, овеяв знакомым запахом волос.

— Хочешь поехать со мной? — спросил я.

— Куда?

— В Кордову.

— Никогда не бывала там... Я поеду... Пусть это будет наше прощание...

Она положила руки мне на плечи и поцеловала в губы.

— Если ждать больше нечего, то пусть останется что-то на память. Теперь-то я знаю наверняка, что это наши последние дни вместе. По крайней мере, буду смотреть на это именно так... Я поеду...

Наутро мы уже сидели в автомобиле, взятом на прокат, и мчались по широкому шоссе на юг. Павла Костякова мы подхватили по дороге.

— А кто тот человек? — спросила Моника про Трынчева.

— Болеслав? Крупный промышленник, а теперь ещё и политик.

— Странное у него имя.

— Славянское. Но душой он скорее мусульманин. Любопытная личность. Тебе будет интересно познакомиться с ним. Правда, у него есть жена.

— Какое мне до этого дело? Или ты сватать везёшь меня? Ты всё время знакомил меня с какими-то важными людьми. У тебя это вроде болезни. Зачем? Ты думал, что я стану через их постель в университет поступать? Нет, я сама смогла! Сама! И не нужны мне твои покровители. Плевать мне на них.

— Не отказывайся, Моника. Пусть будут и такие знакомства. Никто не знает, как повернется жизнь...

Дом у Болеслава оказался просторный и похожий на дворец, хотя снаружи смотрелся простеньким трёхэтажным сооружением,

с оштукатуренными на испанский манер стенами, привычной красной черепицей, озеленённым двориком. Оказывается, я видел его в мой прошлый приезд в Кордову, прогуливался возле его ворот, но не обратил на него внимания и уж, конечно, не подозревал, что там обитал объект моей будущей разработки. Дом Болеслава Трынчева затерялся в узеньких переулках, минутах в пяти от знаменитой кордовской мечети, перестроенной, как и все мусульманские храмы, в католический собор.

— Я часто хожу туда, — сказал Болеслав. — Не для молитвы, нет. Просто там думается иначе.

— Да, там удивительно, — согласился я, — почти сказочно. Особенно та часть, с арабскими колоннами и полосатыми арками. Просто пространство из другого измерения. У меня там дух захватывает.

— До сих пор удивляюсь, как это христиане не уничтожили всё до основания. Впрочем, там ведь сохранились даже римские колонны от святилища, которое стояло ещё в античные времена. Получается, что здесь что-то свыше, а не человеческая прихоть или преклонение перед красотой. Арабы оставили кое-что от римлян, католики — кое-что от мусульман... Интересно, что оставят новые мусульмане от нынешнего христианского храма?

— О чём вы говорите, Болеслав? О каких новых мусульманах?

— Когда-то Кордова была столицей халифата, здесь был центр искусств и наук. Пришло время этому городу снова возвыситься и занять достойное в арабском мире.

— Вы думаете, что сюда вернутся последователи Магомета?

— Всё в мире движется по кругу. Или по спирали... Вернётся и время величия Кордовы. Вы думаете, я случайно приобрёл здесь дом? Нет, Юрий, я ничего не делаю зря. И уверяю, что прилагаю немало сил, чтобы мои мечты воплотились.

— Мечтать о том, чтобы испанская Кордова стала арабской... — я с сомнением покачал головой.

— Эта мысль кажется вам слишком смелой?

— Даже вызывающей.

— Но ваши книги, Юрий, тоже полны вызывающих мыслей. Вы сами не представляете, насколько агрессивными и несправедливыми они могут показаться среднему читателю. Не каждый будет способен принять ваши произведения. Вы полны желания встряхнуть людей, Юрий. Именно этим вы и понравились мне. Мир стал чересчур прилизанным,

разглаженным. Культура практически исчезла с лица земли. Я имею в виду традиционную культуру, которая являлась лицом каждого народа. Европейские державы, хоть и называются по-разному, в действительности уже ничем не отличаются одна от другой. Мы перестали слышать, о чём шепчет земля у нас под ногами. Не случайно так сильно развилось движение антиглобализма. Люди хотят индивидуальности! Народы требуют самости!

— Самости?

— Да, люди хотят ощущать своё собственное «я». Человеку нельзя без этого. Аморфные идеи о едином мировом пространстве никому не нужны. Народ нуждается в корнях, уходящих глубоко в землю, иначе он рухнет, рассыплется. Каждому народу нужно своё лицо. Разве вы не согласны со мной?

— Пожалуй, соглашусь в этом. Но насчёт возрождения кордовского халифата... Мне кажется, Болеслав, что вы слишком, как бы точнее выразиться, увлекаетесь мусульманской культурой.

— Не увлекаюсь, а люблю.

— Но как это могло случиться?

— Я пришёл к убеждению, что христианство сейчас не способно дать нашей цивилизации ничего. Оно изжило себя, обескровилось, — Болеслав неторопливо прошёл вглубь зала и остановился перед стеной, на которой были развешаны старинные арабские клинки. — Да, человечество должно помнить о доброте и сострадании, не спорю. Однако народы должны быть сильными, с горячей кровью. Народ — как отдельный организм. Если он увлекается погоней за наслаждениями, он ослабевает, заболевает, исчезает. Организм должен постоянно закалять себя. Но назовите мне хоть одну европейскую страну, которая не была бы сегодня подвержена гниению. Нет таких! Я уж не говорю о США. Вы только вдумайтесь, Юрий, Америка моложе любого европейского государства, но она уже страдает ожирением. Излечить её может только война на её территории. И такую войну начал исламский мир.

Из распахнутого окна лился горячий воздух. Белые занавески невесомо колыхались. Солнце жгло черепичные крыши и белые стены домов.

Я подошёл к Болеславу:

— Не хотите же вы сказать, что террористы возложили на себя

миссию врачей и, радея за американцев, занимаются шоковой терапией?

— Ислам знает, что болезнь Америки постепенно распространяется по всему миру. Эту болезнь надо остановить,— Болеслав говорил спокойно. В его голосе не слышалось ни пафоса, ни агитации. Он просто высказывал свои мысли. Он был убеждён в своей правоте.

— Похоже, вы хотите привлечь меня в свой лагерь,— улыбнулся я.

— Вам не нужен ничей лагерь, Юрий. Вы — писатель. Вы обладаете редким даром. Но пользоваться вы им сможете до тех пор, пока вы не принадлежите ни к какому лагерю. Служение чьей-то идее убьёт вас. Настоящим творцом может быть только свободная личность. Да вы и сами прекрасно знаете это.

— Да.

— В условиях диктатуры вы просто погибли бы, вас уничтожили бы.

— В таком случае, если ваши мечты о мусульманском господстве сбудутся, мне настанет конец,— засмеялся я.

— Почему вы делаете такой вывод?

— Потому что власть духовенства не может не быть диктаторской, какой бы веры ни было это духовенство. Вы и ваши сторонники, Болеслав, приведёте мир к катастрофе. И напомним вам ещё одну вещь: ислам не сможет дать ни одному из народов его искомое лицо. Мусульманство, как и христианство, это то же устремление к глобализму, только с другим оттенком.

Болеслав хитро улыбнулся:

— Ну, ну...

Мы вышли на балкон. Внизу, во внутреннем дворике, на качелях сидела Моника. Неподалёку от неё сидел на плетёном стуле Костяков и со вкусом курил сигару, запрокинув голову на спинку стула.

— Мне нравится ваша девушка,— сказал Болеслав.

— Разрываюсь между нею и другой женщиной,— признался я.

— Любите обеих? — он взглянул на меня с интересом. — По-настоящему любите?

— Пожалуй. И это доказывает мне, что любовь неоднозначна.

— Будь вы шейхом, у вас не возникло бы такой проблемы,— Трынчев похлопал меня по плечу.— У вас был бы гарем. Это ещё одно преимущество исламского мира.

— Но я не шейх. Да и вы тоже. Вы даже не мусульманин, хоть

и нахваливаете ислам. Почему?

Болеслав опёрся локтями о перила:

— Я не нахваливаю ислам. Он крайне неоднороден. К сожалению, он более противоречив даже, чем христианство. Видите ли, те стороны, которые привлекают меня, абсолютно не приемлемы для многих нынешних религиозных деятелей. Я ведь не террорист, но я стою за решительные перемены во многих областях. Поэтому многим кажется, что я придерживаюсь радикальных взглядов.

— А они не радикальные?

— Если человек хочет убрать с улицы мусор, разве это радикализм? — с усмешкой спросил он. — Да, я помогаю деньгами ряду организаций. Но они не взрывают людей. Видите ли, в нынешнем исламском мире так много внутренней вражды, возникшей из-за амбиций многочисленных лидеров, что этот мир стал похож на бандитский. Я пытаюсь исправить это, привести всё в нормальное русло, упорядочить.

— Упорядочить что?

— Идею.

— Какую идею? Ведь есть Коран.

— Коран служит только почвой, куда можно сеять что угодно. Коран создан, чтобы его можно было толковать так и сяк. Это относится к любому священному писанию.

— И как же вас воспринимают, Болеслав?

— По-разному. Кто-то предлагает мне возглавить движение, кто-то угрожает... Но давайте же вернёмся к разговору об искусстве. Знаете, так трудно найти собеседника. Вокруг полным-полно образованных людей, но все они напоминают мне мумий. Их ничто не интересует, они убеждены в исключительности своих знаний, ничего не желают обсуждать, им скучно. Они давно определили, каких взглядов им лучше придерживаться, и даже не желают слышать ни о чём другом. Высший свет — один из самых мертвых слоёв общества.

— Надеетесь исправить их?

— Нет. Таких я трогать не считаю нужным. А вот с молодёжью надо работать серьёзно.

— Работать на базе религиозного миропонимания? — уточнил я. — А вам не кажется, что лучше воспитывать в молодёжи умение мыслить широко? Почему вы не хотите отодвинуть политику подальше?

Молодёжи не нужна политика, ей необходимы объективные знания.

— Тут я с вами не соглашусь, Юрий. Во-первых, объективных знаний не бывает. Во-вторых, в стороне от политики прожить нельзя.

— Под объективными знаниями я имею в виду знания, очищенные от идеологической шелухи, которая раскрашивает факты в нужный цвет. Любая идеология — это своего рода закон кровной мести. Каждая сторона готова пойти на всё, лишь бы уничтожить противника. Если не помогают честные аргументы, то в силу вступает фальсификация, затем откровенный обман, а когда и это не даёт результата, стороны идут на физическую ликвидацию противника. И конца этому не видно.

— Что делать? Такова суть политики.

— Суть политики — обман. Надеюсь, вы не будете оспаривать эту очевидную сторону дела?

— Не буду, — сказал Трынчев. — Но для всякого обмана люди находят обоснование.

— О том и речь.

— Вы пишете книги, а не занимаетесь политикой, в отличие от меня. У вас душа художника и вам труднее, чем многим людям, смириться с несправедливостью нашего мира. Но что делать? Я решил приложить силы к тому, чтобы изменить такое мироустройство.

— С помощью радикальных организаций?

— Настанет час, и от них можно будет отказаться. Их можно будет даже уничтожить.

— Как Гитлер в своё время уничтожил своих штурмовиков, с помощью которых пришёл к власти...

Он посмотрел на меня с неудовольствием.

— Не скажу, что мне нравится такое сравнение, — проговорил Трынчев. — Но некоторое сходство присутствует.

— Получается, вы уже сейчас обманываете тех, кого финансируете?

— Меня интересуют лишь некоторые их качества. По выполнению возложенной на них миссии эти качества станут ненужными. — Он задумался. — Да, я обманываю их. В бизнесе и политике нельзя не обманывать. Но не стоит сетовать по этому поводу. Если бы вы только могли представить, Юрий, сколько раз мои «подопечные» пытались обмануть меня и даже предать! Сколько раз я сталкивался с шантажом с их стороны! Но у меня сегодня нет других инструментов, только экстремисты, а у них нет других гарантированных источников

финансирования, — он вернулся в комнату и остановился передо мной. — Давайте оставим эту малоинтересную тему. У нас так хорошо получалось говорить об искусстве, а мы снова и снова возвращаемся к политической грязи... Скоро начнёт смеркаться. Вы успели прогуляться с вашими друзьями по городу?

— Нет.

— Тогда предлагаю вам для начала познакомиться с окрестностями, — решил Трынчев. — Я прокачу вас на машине, а затем вы побродите по улочкам. Пойдёмте вниз.

— Ах, — Моника помахала рукой при нашем появлении, — здесь так уютно!

Павел лениво поднял голову, не выпуская сигары из зубов, и подмигнул мне. Он наслаждался. Обычно он был собран, деловит, строг, но сейчас расслабился и смаковал состояние неделания. В беседу он должен был влиться позже.

Болеслав подошёл к своей машине и распахнул дверцу.

— Моника! — позвал я.

— Что? — она с готовностью соскочила с качелей.

— Мы собираемся на прогулку.

Она вприпрыжку подошла ко мне. Яркое солнце било ей в лицо.

— Ты довольна?

— Даже счастлива, — ответила она, — хотя знаю, что через несколько дней расстанусь с тобой.

Она поцеловала меня, взяла меня за руку и потянула к машине. Пальцы у неё были горячие и сухие. Она потрянула головой рассыпала копну чёрных волос по плечам и лучистыми глазами посмотрела на меня сквозь густую прядь.

— Мы куда-нибудь едем? — спросил лениво Павел, продолжая сидеть на стуле.

В это мгновение раздался взрыв. Мне показалось, что воздух вскипел и окрасился в ядовитый жёлтый цвет. Огонь за клубился, вздулся пузырь, разросся и яростно метнулся в стороны. Автомобиль Болеслава оторвался от земли и в доли секунды разлетелся на куски. Горячая волна ударила меня в лицо, чёрные клочья металла прожужжали возле головы, как разъярённые осы, всё загудело, завывало. Меня перевернуло, яркое синее небо опрокинулось куда-то вниз, словно кусок оторвавшейся декорации. Я стукнулся головой о землю, и песок забил мне глаза.

Какое-то время я ничего не видел и не слышал. Затем в темноте возникли две прозрачные человеческие фигуры. Они быстро приблизились ко мне, совсем не шевелясь при этом. Я узнал моих родителей. Мать обняла меня, я ощутил её тёплые руки вокруг меня, но глазами видел, что она не двигалась, контуры её проглядывавшегося насквозь тела оставались неизменными, как на рисунке. После неё меня обнял отец. Я услышал их голоса, мягкие, неземные, манящие. Не было в мире ничего красивее тех голосов. Они ощущались физически, как вибрация воздуха, как тугие колыхания пространства. Их голоса были живой плотью, они трогали меня, тянули к себе, убаюкивали...

— Я устал, — пожаловался я.

— Тебе только так кажется.

— Но я устал. Запутался, потерялся, — настаивал я, ласкаясь об их голоса.

— Люди не устают. Им только кажется так. Люди никогда не устают. Никто не устаёт. Человек выдумал усталость, чтобы оправдываться. Это такая игра. Это лишь способ получить время на раздумье.

Странно. Мне кажется, что я не понимаю вас, не хочу понимать. Но чувствую, что это понимание уже давно во мне. Чувствую, что я давно всё решил.

— Мы рады, что ты уловил это состояние, — произнёс отец.

— Теперь мы уйдём, — сказала мать.

— Почему? Не оставляйте меня! Я всю жизнь был один, без вас. Вы были мне нужны, но вас никогда не было! Не покидайте меня!

— Не тревожься. Мы всегда рядом. И не только мы. Все рядом. Все с тобой. Ты просто не понимаешь этого.

— У меня кружится голова. — Мои руки поднялись ко лбу. В лицо брызнул белый холодный свет, и я попытался защититься от него, почувствовав острую резь в глазах.

— Очнулся...

Это зазвучал чей-то ещё голос. Родителей не было. Бархатный уют их присутствия исчез. Тело быстро налилось болезненной тяжестью. По плечам и шее расплылась мелкая гудящая дрожь.

— Открыл глаза...

Прислушавшись, я попытался расчленить его на крупички и снова собрать воедино, чтобы проанализировать, кому он принадлежал, но так и не сумел.

— Юрий, ты меня слышишь?

— Слышу, — мне с трудом удалось разлепить оплывшие губы. —

Кто это?

— Это Миша. Ты не узнаёшь меня? Миша Соколов.

— Где?.. — Передо мной плавали мутные пятна. Лицо говорившего мне не удалось разглядеть, но голос его я узнал. — Где я?

— В больнице. Как ты?

— Херово... Устал... Хочу обратно...

— Обратно? Куда? Ты о чём?

— К маме...

Через несколько дней я уже спокойно разговаривал, хотя шевелился плохо. У меня было повреждено левое предплечье, порваны связки на руке. Всё остальное — разбитая голова, сотрясение мозга, ожоги и синяки по всему телу можно было не принимать во внимание.

— Ты удачно отделался, — сказал Миша во время следующего своего визита.

— А что там произошло? Машина рванула?

— Да, была заложена бомба. Вдрызг разнесло. Трынчев погиб.

И тут у меня похолодело внутри. Я вспомнил горячие пальцы Моники.

— А Моника? Что с ней?

— Она в больнице, — на лице Соколова ничего не отразилось.

— Ранена?

— Да, в тяжёлом состоянии. До сих пор в реанимации. Врачи не могут пока ничего обещать.

— А Павел?

— Его слегкашибануло взрывной волной, но ничего страшного. Он уже дал показания в полиции и улетел в Москву. Скоро и к тебе придут с расспросами...

— Дай мне телефон, Миш, — попросил я. — Надо позвонить Тане...

— Я уже звонил ей, всё рассказал, успокоил.

— Спасибо, но я всё равно хочу позвонить. Ей нельзя волноваться, а я и так уж тут задержался... Дай телефон...

Через неделю меня вывезли в Москву.

Татьяна

Полётов поднялся на ноги довольно скоро. Дней через десять его выписали из больницы, и он даже вознамерился выйти на работу, но врачи категорически запретили. Ему требовалось время для полной реабилитации.

— Целый месяц отдыха, — сказал он Тане, не то удивлённо, не то раздосадовано.

— Ты чем-то не доволен?

— Не знаю. У меня странное чувство, — он сидел на краешке кровати и был похож на испуганного птенца, растрёпанного и насторожившегося.

— Объясни, — она устроилась рядышком, обняв его по-товарищески за шею.

— Будто кто-то даёт мне понять, что этот этап жизни завершён и что пора посвятить себя чему-то другому.

— Посвяти себя книгам, наконец!

Юрий посмотрел на неё. Таня выглядела замечательно. От её болезни не осталось и следа, разве что чуть-чуть стали выделяться отёки под глазами. Но это даже придавало ей особый шарм: усталость прекрасной женщины.

— Танюш, может, мы всё-таки распишемся?

— Не переводи разговор в другое русло, — она строго свела брови. — Я тебе про книги, а ты...

— Почему ты отказываешь мне? — Он поёжился и оглянулся на окно. На улице было темно. — Не понимаю твоего упрямства.

— Может, мне нравится, когда ты просишь меня, — засмеялась она. — Ты ни о чём другом не просишь меня.

— Да, просить я не люблю. Надо что-то... — он поднялся и сунул руки в карманы. — Непривычно мне без дела...

— Займись книгами. Тебе выдалась такая чудесная возможность не думать о твоей проклятой службе. Сядь и пиши! — Она указала на письменный стол.

— Да ты просто тиран, Тань. Я же не могу вот так, по заказу. Оно же

должно родиться, созреть. Я не автомат.

Он подошёл к ней и погладил её по голове. Она услышала, как он тяжело вздохнул.

— Что такое, Юр?

— Ничего... Я позвоню, ладно? — Не дождавшись её ответа, он взял трубку телефона и быстро набрал номер. — Алло, Миша? Привет, это Полётов... Да, я опять про Монику хотел узнать... Как? По-прежнему... Ладно, ты сообщи мне, если что изменится...

Он положил трубку на рычаг.

— Ты в Испанию звонил? — Таня пристально смотрела на него.

— Да, Соколову.

— Зачем?

— Беспокоюсь за Монику.

— Почему тебя так волнует её состояние? Скажи мне, наконец, кто она такая?

Полётов присел на подлокотник кресла и сунул сигарету в рот.

— Не кури так много, — попросила Таня.

— Мне нужно. — Он щёлкнул зажигалкой и затянулся, глубоко, громко, как-то даже свирепо. Выпустив дым, он стал говорить: — Мы взяли её в разработку сразу, как только я приехал в Барселону... На будущее. С моей подачи... Помогли ей деньгами, поддерживали при поступлении в университет. Официально она не была завербована.

— Но она работала на тебя?

— Да, хотя и не подозревала ни о чём. Мы часто используем людей втёмную. Впрочем, однажды я поручил ей весьма щекотливое дело, даже опасное. Если бы её взяли с поличным, то могло бы кончиться тюремной решёткой. Нужно было скачать информацию из компьютера одного высокопоставленного чиновника. Моника справилась, и мы получили такой вал полезной информации, что в Центре руками развели от удивления... Но я не считал её агентом. Просто она была самым близким мне человеком там. Пожалуй, даже единственным другом.

— А твои товарищи по службе?

— Это не друзья, а коллеги. В нашей системе не бывает друзей. — Полётов тяжело вздохнул. — И вот теперь Моника лежит без движений. Молодая девчонка, не имеющая никакого отношения к шпионажу, пострадала из-за наших сраных игр! И при том, что её присутствия в доме Трынчева и не требовалось. Я взял её просто за компанию...

Чертовски несправедливо! Не могу смириться с этим! Разве можно допустить, чтобы происходило такое?

— Вот ты и сорвался. Не так давно ты утверждал, что не переживаешь из-за невинных жертв. Но стоило твоему близкому человеку попасть под жернова вашей машины, как в тебе проснулось отчаяние.

Юрий взглянул на Таню мутными глазами.

— Эх, Моника, Моника... Ей только жить и жить...

— Что говорят врачи? — спросила Таня.

— Какие-то важные нервы задеты в тазобедренном суставе. Ходить пока не может. Говорят, что ей повезёт, если она просто хромать будет, а может и до конца дней в инвалидном кресле остаться. Никогда не прощу себе этого!

— Перестань. Ты не должен так.

— А как я должен?

Полётов резко встал и подошёл к шкафу, где стояли бутылки с крепкими напитками.

— Юр, тебе сейчас нельзя пить, — сказала она ему в спину. — Ты же лекарства принимаешь.

— Плевать!

— Юра! Прекрати!

— Сломалось во мне что-то, Танюш, понимаешь? — он остановился перед шкафом и прислонился к дверце лбом. — Я уже после твоей болезни поменялся внутри. Никогда мне моя работа не казалась такой ненужной, как в те дни. Смотрел на тебя и видел всю ничтожность того, чем я занимаюсь. Вот если бы научиться избавлять людей от боли и печали. Или хотя бы уметь ставить точный диагноз и излечивать болезни. Всё остальное — мусор... Думал, что сума сойду, если ты умрёшь...

— Но я же не умерла, — улыбнулась она. — У нас ведь всё в порядке. Видишь, и тебя смерть обошла стороной. Только припугнула чуток нас обоих.

— Не всё у нас нормально.

— Что тебе не нравится?

— Я себе не нравлюсь. Психом стал. В юности тоже психом был, но по-другому, по-мальчишески. Это простительно. А сейчас стариком себя чувствую, конченным неврастеником, разбитым и бесполезным

дедом. Потому и срываюсь по каждому поводу. Нет ни любимого дела, ни настоящей семьи.

Таня поднялась и приблизилась к нему. Полётов отворил шкаф и быстро налил себе водки. Вокруг его головы клубился сигаретный дым.

— Юрка, милый мой, я согласна.

— На что?

— Выйти за тебя.

Его рука с рюмкой остановилась возле рта.

— Ты такой смешной, — сказала Таня.

— Пусть смешной, — он просиял. — Зато теперь врать не придётся.

— Врать?

— Я же всем уже давно говорю, что у меня жена есть. Всем говорю, что ты мне жена. И каждый раз сердце сжимается: почему так не на самом деле?

— Теперь будет на самом деле.

Свадьбу они сыграли без шума, никого не пригласили. Уехать в путешествие не получилось, потому что Полётову надо было регулярно показываться докторам. Но всё же на пару дней они вырвались в служебный санаторий и подолгу бродили по лесу вдоль тихого ручейка, возвращаясь в номер лишь под вечер. Стояла осень. Природа понемногу укутывалась в шелестящее золото листвы. На землю легла тишина. Казалось, окружающая среда способствовала тому, чтобы к Юрию пришло умиротворение, но он оставался напряжённым.

Мимолётный отдых не принёс облегчения. Снова и снова Юрий вспоминал о Монике, заводил бесконечные разговоры о том, что служба ему наскучила. Он раздражался с небывалой лёгкостью по любому поводу. А с наступлением темноты, когда со двора начинали нестись пьяные вопли разгулявшейся молодёжи, он буквально терял над собой контроль. Гулкие ритмы музыки, рвавшиеся из распахнутых дверей припарковавшихся автомобилей приводили его в ярость.

— Скоты! Кто же породил этих уродов? Только о развлечениях думают, ни до кого им дела нет! Была бы граната, швырнул бы в них без колебаний!

— Юра, ты не имеешь права говорить так.

— Имею право, имею!... Я ради вот таких сосунков душу чуть ли не дьяволу продал, а они думают, что всё само по себе происходит... Уснуть невозможно! Ночи напролёт одно и то же! Песни эти дебилные!

Таня видела, что Юрия что не разгулявшаяся молодёжь была причиной его раздражения. Что-то томило, но не могла заставить его открыться ей. Полётов хмурился, едва она начинала расспрашивать.

— Что тебя тревожит?

— Ничего, просто устал.

— Не скрывай. Давай поговорим.

— Работа заела, — он налил себе вина, залпом осушил бокал и сразу налил ещё. — Не могу я в кабинете всё время штаны просиживать. Не приспособлен я к этому. Тошно... И глупо всё. Вся моя работа — свинская глупость. Для чего нас всех держат? На эти деньги можно было бы любые секреты купить... Никогда раньше не чувствовал себя таким ненужным, Танюш.

— Ты ведь тоже считал, что твоя работа важна.

— Важна... Только кому? Не мне же. Государству важна... А я — так, крохотный винтик. — Он выпил и зажёг сигарету. Лицо у него осунулось. Глаза горели каким-то болезненным огнём. — Мне нравилось работать, потому что я ездил, постоянно общался с людьми, а заодно и выполнял задания, иногда они были сложными, иногда — элементарными. Мне многое нравилось, но я никогда не любил это дело по-настоящему. Знаешь, вначале моему самолюбию очень льстило, что я — офицер секретной службы... Вначале... А потом всё стало рутинным. Пафос испарился, исчезло ощущение собственной значимости.

Полётов говорил медленно, словно язык не слушался его. От него исходил холод неодолимой усталости. Татьяну даже почувствовала озноб. Юрий снова налил вина. Он пил без удовольствия, хотел захмелеть. Подержав винную бутылку, он отставил её на плеснул себе водки в хрустальную рюмку. Глянув косо на жену, он горько усмехнулся:

— Неужели всё дело в исчезнувшей мальчишеской романтике? Неужели только она заставляла меня работать? Какое же я ничтожество в таком случае, какая мелкая, никчёмная тварь... Столько амбиций, а в действительности — тьфу! Ох, как трудно признаваться в этом.

— Откуда вдруг такие мысли? Что случилось? У тебя неприятности?

— Никаких неприятностей. Просто меня не устраивает кабинетная работа. Я уже говорил тебе, что не приспособлен целыми днями изучать чужие бумажки. Видишь, я уже опустился до того, что жалуясь на жизнь...

— Иногда можно и пожаловаться, — Таня осторожно погладила его

по голове. — Всякое случается. Я понимаю.

— Ненавижу, когда ты так говоришь со мной. — Он выпил ещё. Глаза его помутнели. — Чёрт, когда у меня скверное настроение, я пьянею мгновенно.

— Не пей больше, — попросила она.

— Сегодня я прямо заявил шефу, что не могу просиживать штаны.

— Почему ты считаешь, что тебе придётся постоянно сидеть в кабинете? Ты опять куда-нибудь поедешь, — попыталась подбодрить она.

— Нет, Танюха, не поеду. Не получится... У нас перебежал один человек, раскрыл многие имена. В том числе и моё. Понимаешь, что это значит? У нас половина отдела засвечена. И я в их числе.

— Ну и что? — Таня задумалась. — И пусть не поедешь. Зачем тебе ехать?

— Здесь у меня не клеится работа! — Полётов стукнул кулаком по столу. — Не получается ни черта! Не могу я в четырёх стенах торчать беспрерывно! Не могу и не хочу!

— Что у тебя не получается? — Таня пыталась говорить мягко, обращаясь с Юрием, как с ребёнком.

— Знаешь, в Испании у меня всё складывалось само собой. Я работал на автомате, не особенно-то задумывался, как себя вести и что говорить, просто исполнял роль: встречался, завязывал новые знакомства, разговаривал, вытаскивал из людей информацию. Но тут всё по-другому. Здесь я живу внутри моей страны. Я варюсь в котле бюрократизма, ежедневно сталкиваюсь с полным равнодушием в отделе, меня окружают серые люди, которым плевать на страну.

— И что?

— Я вижу омерзительных чиновников, слышу новости про всевозможное свинство и беззаконие и вынужден признать, как это ни прискорбно, что наше государство ничуть не лучше других. За рубежом я пользовался человеческими слабостями, чтобы подцепить объект разработки на крючок, соблазнял всех подряд — от высокопоставленных служащих до неприметных уборщиков. Переманивал их в мой лагерь, чтобы с их помощью укреплялась моя страна. Вербовал и порядочных людей, и отъявленных мерзавцев. Но моя страна, оказывается, состоит из таких же мерзавцев!

— Не только. Люди всюду разные. И ты лучше других знаешь, что

такое государство. Ты лукавишь, говоря, что увидел нашу страну в отрицательном свете только сейчас...

Юрий не слушал её. Он смотрел перед собой, и в глазах его была пустота.

— Ты устал, — Таня бережно обняла его, поглаживая по плечам.

— Устал, — кивнул он и пьяно улыбнулся, — но это не значит, что я несу чушь. Мы вербуем на самых верхах у них, а их спецслужбы вербуют наших высокопоставленных чиновников... Мир полностью перемешался. Мы все увязли в таком болоте, что никто уже не разберётся никогда, где истина. Так дальше нельзя. Мир — это сумасшедший дом, где всем управляют спецслужбы...

— Юра, ты устал. Пойдём спать. Тебе надо отдохнуть. Стаким настроением нельзя браться ни за какие дела.

— Я и не хочу браться ни за какие дела, Таня! Меня не интересует моя работа. Она мне противна! Я сам себе противен! У меня голова кружится от отвращения! И давай не будем больше об этом...

День изо дня настроение Юрия ухудшалось. Таня заметила, что на его письменном столе появились «Доктор Живаго» Бориса Пастернака и «Маленький Большой Человек» Томаса Бергера. Они превратились в настольные книги, которые Полётов мог читать с любого места, проваливаясь в них целиком.

— Почему ты всё время перечитываешь их? — спросила однажды она. — Ты не читаешь ничего другого.

— Мне нравятся эти романы. Нет других книг, где сюжет был бы таким необъятным в своей боли. Столько безысходности! Такая вселенская тоска разлита в эти книги! Она подпитывает меня.

— Тоска?

— Да. Мне нужна боль этих книг, — кивал он. — Мне кажется, что боль — самая могучая сила!

— Ты сознательно, что ли, терзаешь себя?

Он отмалчивался.

Всё чаще Полётов впадал в депрессию, всё реже появлялась на его лице прежняя улыбка, всегда очаровывавшая всех. Даже вышедшие две новые книги не порадовали Юрия.

— Ерунда. Не в том счастье...

— А в чём? — допытывалась Таня. — Ты равнодушен даже к своим книгам! Что ты за человек? Зачем ты пишешь, если это не приносит тебе

удовлетворения?

— Не знаю, — он пожимал плечами. — По инерции. Я давно всё делаю по инерции... Похоже, я испортил тебе жизнь, малыш. Ты уж прости меня.

— Не говори глупостей.

— Я не в силах справиться с собой. Меня всё выводит из себя. Издатели бесят не меньше, чем руководство на работе. Всё время гундят: «Быстрее! Давай, давай новое». И ведь я иду у них на поводу, соглашаюсь, стараюсь сделать поскорее... Измучила меня суетливость, спешка ненужная. Превращаюсь чёрт знает во что...

Год супружеской жизни промелькнул незаметно. Обстановка в доме становилась тяжелее, удушливее. Таня всеми силами старалась вернуть мужа к активной жизни, пробудить в нём желание действовать, мечтать. Юрий послушно ходил с ней на концерты, принимал гостей, встречался с журналистами, бывал на встречах с читателями, но делал всё это без удовольствия, как послушный ребёнок, желающий угодить маме.

— Юр, пожалей меня, — не выдержала однажды Таня. — Неужели тебе не стыдно?

— Почему мне должно быть стыдно? — вдруг вспыхнул он. — За что?

— Ты просто изводишь меня своей угрюмостью. Неужели ты не можешь взять себя в руки? Ты же сильный. Я знаю... Поверь, я устала, измучилась с тобой... Иногда мне кажется, что лучше умереть, чем так...

Полётов внимательно посмотрел на неё.

— Умереть? — его губы сжались.

Он пнул стоявший рядом табурет, и тот с грохотом упал на пол.

— Значит, лучше умереть? Сдохнуть?

— Ты не так меня понял, — она не на шутку испугалась, увидев огонь бешенства в его глазах.

Казалось, Юрий готов был взорваться. По его лицу промчался вихрь противоречивых чувств. Это длилось не дольше минуты, но когда буря в его душе успокоилась, Юрий побледнел, но смог справиться с собой.

— Прости, — он тяжело опустился за стол. — Прости, Танюша... Я не прав... Слишком много внимания требую к себе...

— Не в этом дело, милый, — она подалась к нему, но Полётов остановил её жестом.

— Не нужно. Я всё понимаю, — он как-то весь сжался, стал маленьким. — Ты права. Нужно взять себя в руки и решиться...

— Да, милый мой, ты же всё можешь.

— Могу... Прости, малыш, больше не будет никаких сцен, никаких выворачиваний души наизнанку. Только ты помни, что я очень тебя люблю... Тебе придётся потерпеть немного, а потому всё изменится.

— Изменится? — что-то в голосе Полётова насторожило Татьяну. — Ты что имеешь в виду?

Он заставил себя улыбнуться:

— Всё будет хорошо. Поверь мне. Я никогда не обманывал тебя, если обещал что-то.

— Мне не нравится твой тон, — прошептала она. — Ты пугаешь меня. Ты сходишь с ума.

— Нет. Со мной всё в порядке, — проговорил он подчёркнуто мягко.

После этого в течение двух недель он был необычайно бодр и активен. Чувствовалось, что внутри у него произошли перемены. Таня понимала, что дело вовсе не в том, что к Юрию вдруг возвратилось былое жизнелюбие, она чувствовала, что он что-то задумал. Он сильно задерживался на службе и на вопрос: «Почему ты так поздно?» отвечал, нежно улыбаясь, одно и то же: «Дела, малыш, срочные дела»...

И вот в очередной понедельник он уехал на работу и за целый день не позвонил ни разу. Она ждала его часов до десяти, затем постелила постель и, забравшись под одеяло, взяла лежавшую на ночном столике книгу. Это был томик Генри Миллера. Таня любила перечитывать его время от времени. Но сегодня необъяснимая тревога мешала ей читать. Мало-помалу Татьяна уснула.

Ночью раздался телефонный звонок.

— Алло? Ты не спишь? — услышала она голос Павла Костякова.

— Уже не сплю. Что случилось? — спросила она.

— Я с плохими новостями...

Она затаила дыхание, переложила трубку в другую руку. Павел ещё не сказал ничего, но она уже ясно осознала, что речь шла о Полётове. И речь шла о его смерти.

— Что случилось? — переспросила она.

— Юра в море. Случилась авария, подробностей не знаю. Надо ехать на опознание... — Павел шмыгнул носом и добавил неуверенно: — Только ты не волнуйся.

— Я и не волнуюсь, — дрогнувшим голосом ответила она. — Чего волноваться, когда всё уже случилось. Я понимаю. Он в море.

— Может, это какая-то ошибка, — начал было Павел.

— Не ошибка. Я чувствую, что не ошибка.

Они съездили в морг, но изуродованное в автокатастрофе тело опознать было невозможно.

— Это не он, — прошептала она едва различимо.

Однако документы, одежда и даже нижнее бельё — всё свидетельствовало о том, что в морге лежал мёртвый Полётов.

Затем были похороны, а после них потянулись унылые дни одиночества. Татьяна ни с кем не встречалась, к телефону не подходила. Её заполнило тупое безразличие ко всему. Иногда она часами стояла у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, стояла с закрытыми глазами и слушала доносившийся снаружи шум. Иногда подолгу лежала без движений на кровати, а потом вдруг вскакивала и бросалась на стену, колотя по ней кулаками.

— Ложь! Не верю! — кричала она до тех пор, пока силы не оставляли её.

Так минуло десять дней.

За окном валил густой снег. Таня сидела на кухне и безучастно смотрела на тяжёлые белые хлопья, мерно сыпавшиеся под жёлтым светом уличного фонаря. Машинально помешивая ложечкой в чашке, она пыталась воскресить в памяти, как они с Юрием гуляли под первым снегом, но вспоминалось только лето, только тепло, только радость. Даже последний год, наполненный только густыми тёмными красками, не вспоминался. Прошлое было окрашено только в светлые тона.

— Юра, зачем мне такая судьба? Почему нет у меня права снова испытать то счастье? — громко спросила она.

На лестничной клетке послышались тихие шаги. Ещё ничего не случилось, но Таня вздрогнула, ощутив знакомое движение за входной дверью.

— Юра? — Она застыла в ожидании. Чайная ложка замерла неподвижно в руке. Тиканье настенных часов сделалось в напряжённой тишине оглушительным. В считанные секунды воздух наэлектризовался и словно сгустился вокруг Татьяны.

В замочной скважине зашебуршал ключ, послышалось металлическое позвякивание. Татьяне стало страшно. В ушах тонко

засвистело.

— Юра! — крикнула она и резко встала из-за стола и опрокинула табурет.

В следующее мгновение дверь рывком открылась. Громко прозвучали шаги тяжёлых зимних башмаков. В дверном проёме появилась присыпанная снегом мужская фигура. Освещённая лампой сзади, она тонула в сумраке коридора. Черты лица были неразличимы за высоко поднятым воротником и низко надвинутой меховой шапки.

— Кто это? — Таня отступила на шаг и нащупала рукой край стола, чтобы опереться. У неё ослабли ноги.

Вошедший протянул руку к выключателю и зажёл свет. Это был Полётов.

Таня приложила руки к груди, словно желая унять разошедшееся от волнения сердце, и покачнулась.

— Ты?

— Я. — Полётов внимательно смотрел на неё. На настороженном лице застыло ожидание. — Здравствуй, — произнёс он глухо.

— Ты жив? — глаза Татьяны заблестели радостью и неверием. — Ты живой!

— Да. — Полётов быстро шагнул к ней и обнял. — Прости, что так получилось. Прости, что устроил этот цирк, не предупредив тебя. Но я не мог допустить, чтобы кто-нибудь знал...

— Господи, ты живой! Ты здесь! — она теребила его за воротник, гладила лицо, целовала руки. — У тебя щетина.

— С моей стороны это было бесчеловечно, но я не мог иначе. — Полётов пытался обнимать её, но Таня высвобождалась, отступала, смотрела на него, всё ещё не веря в реальность его присутствия.

— Ты живой! А я и не верила, что ты погиб. Я даже Костякову об этом говорила. Я же видела, что пальцы не твои, руки не твои, — шептала она.

— Какие пальцы?

— У покойника в морге... Который с твоими документами...

— Ты Павлу на это указала? И что он?

— Отмахнулся, сказал, что у меня просто нервы и что моё неверие вполне объяснимо.

— То есть он не усомнился?

— Нет, — Татьяна отодвинулась, разглядывая Юрия. — А разве это не ваш совместно устроенный маскарад? Нет?

— Никто в этом не принимал участия. Никто не знает, что я жив.

— То есть... А я думала... Последние дни я всё время думала об этом и решила, что вы для какой-то надобности инсценировали гибель Полётова...

— Я сам всё сделал. Никто из управления не догадывается...

— Сам? Зачем?

— Чтобы исчезнуть. Чтобы перестать для всех существовать. Для всех!

— Не понимаю.

— Пойдём в комнату, — он быстро прошёл по коридору. — Задёрни шторы.

— Юра, расскажи мне всё по порядку. Зачем ты устроил всё это? И как тебе удалось?

— Удалось легко. В нашей конторе есть хорошо отработанные способы, чтобы проворачивать такие дела. Есть немало людей, которых по разным причинам надо объявить скончавшимися, чтобы спрятать их от общественности и от чужих разведок... Заранее договариваются с милицией о том, чтобы они подобрали какой-нибудь бесхозный труп соответствующего роста и комплекции. В общем, это дело техники... Помнишь, я рассказывал, что у нас сбежал один человек? Но я не сказал тебе, что мне предложили перейти в другое управление, стать нелегалом. Через год-полтора я бы снова выехал за рубеж, то под другим именем и даже с немного изменённой внешностью. Для этого нужно, чтобы Юрий Пролётов перестал существовать. Так с подачи управления меня и посетила эта мысль — исчезнуть... Мы запустили эту машину, начали готовить новые документы, прорабатывать легенду. Теперь у меня на руках есть всё, что нужно для официального существования под новым именем. Комар носа не подточит. Некоторые документы были оформлены с ведома руководства, а некоторые по моей личной инициативе, и вот ими-то я буду пользоваться. Возможностей у меня было много... Юрий Полётов умер. Теперь у меня другая фамилия, другая история жизни...

— Но зачем всё это? Ты же мог просто уволиться!

— Не мог. Юрий Полётов остался бы в этом мире. От него ждали бы новых книг. И вообще... Трудно объяснить это так сразу... Во мне успело столько накопиться за последний год, что в двух словах невозможно выразить всё это.

— А ты не в двух... Юра! Милый мой! Ты понимаешь, что ты наделал?

— Прекрасно понимаю.

— Но ведь это... Противозаконно...

— Я не один год занимался противозаконными действиями. Пусть будет ещё один крохотный незаконный поступок, который никому, кстати, не принесёт вреда, в отличие от многих моих предыдущих дел. Я никого не убил, ничего не украл... Я просто стал свободным...

— Ты? Свободным? Но тебе придётся скрываться!

— Зачем? Кому я нужен? Ты думаешь, кто-нибудь из моих коллег вспомнит обо мне через месяц? Я не герой. На собраниях никто не упомянет моего имени. Уверяю, что никто не приедёт к тебе с чёрными розами на годовщину моей смерти... Нет, Юрий Полётов перестал существовать для своих бывших коллег. Перестал быть.

— Так, так... Всё очень неожиданно, Юр. В голове не укладывается... Мне кажется, что мне сейчас станет дурно... Скажи, где же ты провёл эти дни?

— На конспиративной квартире.

— Но как ты попал туда? Тебя же могли увидеть.

— Танюш, у нашей конторы есть одна особенность: мы работаем в тайне от всех, иногда даже от себя самих. Понимаешь? О некоторых моих конспиративных адресах не знает никто, кроме меня. Так положено по работе. Полётов ушёл из жизни внезапно, и кое-что из информации сгнуло вместе с ним. В том числе и два адреса. Квартиры арендованы на год вперёд. Я могу жить там спокойно. А если кто-нибудь однажды из моих бывших сослуживцев и встретит меня, то я всегда могу сказать, что смерть Полётова была задумана руководством... И никто не пикнет... Но никто меня не встретит, никто не узнает... Да и не думаю я сейчас об этом...

— Но зачем ты всё-таки решил исчезнуть?

— Хочу просто жить, Таня. Просто жить! Не работать на государство, не служить каким-то идеям, а просто жить. Когда надо — зарабатывать деньги уборкой дворов, снег счищать, асфальт укладывать, да всё что угодно делать. Когда хочется — бродить под дождём, сидеть на балконе, пить кофе, перечитывать любимые книги. Всё делать, когда в том есть нужда, а не впрок. И никуда не спешить, ни перед кем не отчитываться. Ты представить не можешь, какое счастье я испытываю от одной мысли, что всё это возможно теперь.

— Ты просто спутал себя с персонажами своих произведений. Это они никому не служат. Это они распоряжаются своим временем по собственному усмотрению. Но ты-то воспитан не так.

— Может, и не так воспитан. Но жить я хочу ради жизни! — в его глазах вспыхнул болезненный огонёк. — Таня, человек имеет право на жизнь, а не на служение. Жизнь состоит из мгновений, полных неповторимого вкуса, а я разучился чувствовать этот вкус. Я разучился чувствовать жизнь. Даже разговоры мои за последний год стали похожи на ворчание старика, который только и умеет что вспоминать юношеские свои похождения, а сам не способен даже с наслаждением затянуться сигаретой. Только пустота осталась...

— А книги? Кто будет писать книги, если Полётов умер?

— У меня есть кое-что неопубликованное и ряд незавершённых вещей. Если хочешь, можешь продать их с большой выгодой. Сейчас Юрия Полётова будут печатать с особым энтузиазмом. На покойников спрос почему-то увеличивается. Но мне плевать на публикации.

— Ты сошёл с ума!

— Нет, я умер.

— Ты сошёл с ума, — повторила Таня. — Ты просто спятил. Ни один нормальный человек не надумал бы такое.

— А нормальный человек может позволить себе заниматься тем, чем занимался я? Нормальный человек способен кормиться шпионажем? Я столько лет честно и даже с удовольствием трудился на этой дьявольской ниве! По моей вине люди калеками стали, а некоторые погибли... Мне надоело...

— Ты мог спокойно уволиться, не устраивая никакой мистификации и не обрекая меня на всю эту жуть! Всё можно было сделать проще!

— Нельзя!

— Почему?

— Потому что остался бы Юрий Полётов. Ты понимаешь? Он бы остался. А я не желаю быть тем Полётовым. Не желаю жить лгать, травить всех сладким ядом, устраивать какие-то заговоры во имя каких-то непонятных мне идей, красоваться на обложках журналов, отвечать на тупые вопросы журналисткой братии... Таня, я устал от глупостей планетарного масштаба... И книги мои — тоже глупость.

— Что? Это ты так про свои книги сейчас сказал? Ты их глупостью называешь?

— Да. Я стал торопиться: скорее, скорее... А зачем? Почему я должен потакать издателям? Потому что они деньги на мне зарабатывают?.. Бред! Я ведь поначалу писал только для себя, а не для других. Прежде всего я делал мир, в котором мне было уютно, вольготно. Я создавал мир, где можно было бы укрыться от здешнего маразма. Я был творцом. Да, творцом... Это было упоительно. Нет ничего ценнее творчества. А появятся эти книги на прилавке или не появятся — в том ли дело? Но я не понимал этого и гнался за известностью. Из творца я превратился в производителя легко раскупаемых товаров. Да, мне хотелось славы, признания, хотелось утереть нос моим товарищам, не воспринимавшим всерьёз мою писательскую деятельность. Я получил и то, и другое, и третье, но жизнь не сделалась лучше. Она только усложнилась. Быть может, я не был готов к таким стремительным поворотам. Не знаю, в чём причина. Может, я просто не приспособлен к борьбе за выживание. Я загнал себя в угол... Человеку положено не переступать некоторых рубежей. Меня раздавила моя жизнь. Не организуй я смерти Полётова, мне пришлось бы умереть в действительности. Юрию Полётову суждено было уйти со сцены. Полётов кончился... Теперь я другой человек, с другими документами, с ворохом всевозможных справок, полисов, свидетельств, дипломов и прочих бумажек, подтверждающих, что я не имею никакого отношения к Юрию Полётову. У меня есть все основания и возможности, чтобы жить другой жизнью, счастливо жить с любимой женщиной.

— И что ты теперь намерен делать? Твоя писательская деятельность завершена? — спросила Таня с опаской.

— Нет. Никто не запретит мне сочинять и дальше. Только я намерен вернуться к тому состоянию, когда творчество — главноего результата. Мне кажется, что тебе нравилось это моё состояние. Ты любила меня именно такого.

— Да.

— Тогда что тебя смущает?

— Всё... Я так рада, что ты невредим и здоров, что с тобой ничего не приключилось. Но мне так страшно... Не знаю, получится ли у меня...

— Что получится?

— Дальше... Теперь я буду счастлива, что ты вернулся. Но как мне скрыть моё счастье от других? — она зашагала по комнате, растерянно взмахивая руками.

— Зачем скрывать его?

— Чтобы никто ничего не заподозрил.

— Люди слепы. Они приучили себя ничего не замечать, Танюша.

Никто не обратит внимание, что на твоём лице нет слёз. А если и увидят это, то лишь порадуются, что им больше не нужно выражать тебе сочувствие и приличия ради делать скорбный вид в твоём присутствии. Забудь обо всех. Давай наконец поживём для себя. Смоемся в какой-нибудь глухой сибирский городок, купим там избушку, займёмся натуральным хозяйством...

— По-прежнему мечтаешь?

— Уже не мечтаю. Пишу книгу. Книгу бытия. Книгу нашей второй жизни.

Татьяна медленно приблизилась к Юрию. У неё было спокойное лицо и очень внимательный взгляд. Казалось, она впервые увидела стоявшего перед ней мужчину.

— Уедем? — спросила она. — Но кто мой спутник? Знаю ли я тебя? Кто ты теперь?

— Время покажет.

— Тогда тебе придётся проявить силу. С незнакомцами я так сразу не могу, — она улыбнулась. — Помнишь, как ты в первый раз привёл меня сюда и заставил заняться с тобой любовью?

— Помню.

— Я хотела домой, к мужу... Но ты настоял. И я полюбила тебя навсегда... Уведи меня за собой снова. Отведи в ту страну, которую ты пишешь...

— Мы уже в пути, любовь моя...